
A 470419
DUPL


цфъ 23.
ика 1.
15.

СОБРАНІЕ ВОЛЬФА.

РУССКІЕ БЕЛЛЕТРИСТЫ.

СОЧИНЕНІЯ
В. И. ДАЛЯ.

ТОМЪ V.

СОЧИНЕНІЯ

В. И. ДАЛЯ.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

ТОМЪ V.

Посмертное полное изданіе.



ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дворъ, №№ 17 и 18 | МОСКВА, Петровка, домъ Михалкова, № 5

1883.

Типографія М. О. Вольфа (Спб., Вас. Остр., 16 лин., д. № 5).

I.

РАЗСВАТЪ.

У насъ говорится: сватъ на конѣ, а разсватъ на свиньѣ. Будь такъ; но бываетъ иначе, видѣлъ я и наоборотъ.

«Пора пристроить дочь», поговаривалъ помѣщикъ средней руки Махалкинъ, когда бывалъ глазъ-на-глазъ съ супругою своею, Анной Алексѣевной, и она со вздохомъ соглашалась, что пора. А почему пора — этого они другъ у друга не спрашивали. Дочери было всего лѣтъ восемьнадцать, и ей, повидимому, дѣвичья воля еще не наскучила; но родители думали иначе. Она была воспитана въ столицѣ, съ большимъ трудомъ только приживалась понемногу къ домашнему быту, отъ котораго вовсе было отвыкла; прежнія подруги, съ которыми она столько мечтала, были у нея еще гораздо болѣе на умѣ, чѣмъ женихи; а выборомъ жениха трудно было на нее угодить, не столько по прихотливой затѣйливости ея, какъ по разборчивости чувствъ и понятій.

Нашелся, однакожь, сватъ, нашлась и сваха, которымъ до всего этого не было никакой надобности, а которымъ только надо было состряпать свадьбу. Машенькѣ сказали объ этомъ тогда, когда тамъ дѣло уже было покончено, разсуждая, по принятому порядку, что дѣтямъ объ этомъ до поры говорить не годится. Она ахнула, но не сумѣла даже и испугаться этой вѣстки такъ, какъ бы ей слѣдовало, потому что не могла образумиться, не могла еще усвоить себѣ этой мысли, а ходила на яву какъ во снѣ. Но дѣло, какъ обыкновенно, было спѣшное; всѣ торопились, всѣ радовались этой новости, всѣ поздравляли, многіе завидовали; барышни обшивали невѣсту, и родители назначили уже помолвку, пригласивъ, какъ водится, всѣхъ сосѣдей.

Гости съѣхались въ праздничныхъ нарядахъ и съ торжественными ужимками; родители не успѣвали откланиваться и отцѣловываться; но у бѣдной невѣсты было вовсе непраздничное личико, и взглядывая на нее, многіе подтягивали губы и перешептывались. Родители ея были иногда въ видимомъ замѣшательствѣ; мать ходила за нею слѣдомъ, услужливый рой любопытныхъ толпился за ними; утѣшенія, ласки, наставленія и завѣренія сыпались со всѣхъ сторонъ, но дѣвушкѣ, повидимому, не было отъ этого легче: ее выводили изъ заднихъ покоевъ въ гостиную еще болѣе блѣдною и заплаканною, чѣмъ прежде.

Гости съѣхались, какъ водится въ деревнѣ, съ самаго утра; время шло; но между тѣмъ оставалось еще часа два до обѣда. Широкая дверь гостиной была растворена въ

большой садъ, и многіе гуляли по убитымъ и усыпаннымъ дорожкамъ. Туда же вышла съ подругами невѣста; ища покоя и одиночества, она отшатнулась въ сторону съ одною только близкою пріятельницею, и обѣ вмѣстѣ горько плакали. Пріятельница эта не понимала хорошенько горя Маши, привыкнувъ думать и чувствовать, какъ деревенская барышня, что молодой, видный и еще достаточный женихъ — находка; но она охотно плакала, ради тѣсной дружбы своей и думала: «Боже мой! хоть бы мнѣ такое счастье!» Въ отчаяніи, подруга эта подозвала своего брата, который зналъ съ дѣтства невѣсту; а какъ онъ теперь самъ недавно засваталъ дѣвушку, то принялъ къ сердцу положеніе бѣдной Маши, сталъ ее утѣшать и распрашивать. Она открыла ему, въ отчаяніи, всю душу свою. Она была увѣрена, что бракъ этотъ долженъ ее погубить, что счастія, спокойствія отъ этой минуты ей болѣе не ожидать и не видать, — словомъ, она оплакивала сама себя, какъ покойницу. Не зная ничего дурнаго о женихѣ своемъ, она и не могла выставить никакой особенной причины этому, но говорила, что онъ ей постылъ и противенъ, что родители ее заживо хоронятъ.

Подумавъ немного, Малоемцевъ (прозваніе этого молодаго человѣка) отправился къ жениху, съ которымъ онъ также былъ близокъ.

«Знаешь ли ты, любезный другъ, какъ невѣста твоя къ тебѣ расположена?» — «Къ несчастью, знаю. Что жь я стану дѣлать?» «Послушай, дай поговорить съ собой разумное слово! Вотъ что: она сейчасъ сказала сестрѣ моей,

что уважаетъ тебя, слыша о тебѣ одно только хорошее, но не можетъ одолѣть безсознательнаго отвращенія отъ замужества, что бракъ вашъ будетъ обоюднымъ вашимъ бѣдствіемъ, и что она бы почти была готова наложить на себя руку.» — «Сохрани меня Богъ!» отвѣчалъ женихъ, «отъ такого грѣха и бѣдствія... Да, это истинное бѣдствіе. Люди вмѣшались въ дѣло, сосватали насъ, состряпали свадьбу, и — видитъ Богъ — я тутъ ни въ чемъ не виноватъ. Когда мнѣ стали говорить впервые о невѣстѣ моей, то я ее еще и не видѣлъ; меня привезли, познакомили: она мнѣ понравилась; но правда, никакой особенной привязанности тутъ не было и мы даже не успѣли хорошенько узнать другъ друга; я не думалъ настаивать, не воображалъ себѣ, чтобъ ее стали неволить, а далъ только съ своей стороны согласіе и полномочіе добрымъ людямъ, которые такъ неудачно и безбожно имъ воспользовались...» — «Хорошо», продолжалъ Малоемцевъ: «на что жь ты при такихъ обстоятельствахъ рѣшаешься?» — «Другъ мой, на что жь я могу рѣшиться, когда ужь все рѣшено? Развѣ теперь судьба наша въ моихъ рукахъ? Добрые люди постарались за насъ, дай Богъ имъ здоровья; мы оба остались тутъ, такъ сказать, лицами посторонними. Теперь поздно; я сватался, она дала слово — дѣло рѣшено!» — «Ты правъ; но я не могу спокойно на это смотрѣть. Ты меня знаешь. Хочешь ли положиться на меня? Разрѣшаешь ли мнѣ говорить и дѣйствовать за тебя? Я не сдѣлаю ничего, за что бы намъ съ тобой пришлось краснѣть.» Женихъ обнялъ его молча и отпустилъ, а самъ побрелъ на край сада.

Малоемцевъ пошелъ къ отцу невѣсты, тамъ къ матери и представилъ имъ яркими красками бѣдствіе, которое ихъ ожидаетъ и которое они по доброй волѣ сами себѣ готовятъ, губя, съ тѣмъ вмѣстѣ, и дочь свою. Напрасно они хотѣли сосдаться на Бога, который, будто бы, все это устроилъ; Малоемцевъ доказалъ имъ, что Богъ только много и долго терпитъ, а всѣ глупости дѣлаютъ одни люди. Когда же Малоемцевъ спросилъ наконецъ, для чего жь они такъ настоятельно хотятъ выдать дочь за человѣка, котораго она не желаетъ, даже не терпитъ, и какого блага отъ этого ожидаютъ,— то мать, въ слезахъ, а отецъ, просто въ дуракахъ, отвѣчали заминаясь, что они хотѣли устроить *счастье* дочери. «А такъ какъ вы теперь убѣдились, что это было бы *несчастьемъ* ея», продолжалъ онъ: «то, конечно, сами дочери своей топить въ омутѣ не станете, словомъ, вы болѣе настаивать не будете?» Отецъ и мать испугались этой мысли, увѣряли, что теперь ужь поздно, что безъ страшнаго позора перевершить этого дѣла нельзя и что остается только молиться и положиться на Бога.

«Перенеситесь же на нѣсколько лѣтъ впередъ и представьте себѣ то зло, которое теперь еще въ вашей волѣ предупредить», продолжалъ Малоемцевъ: «а тогда уже, конечно, будетъ поздно. На Бога не сваливайте ничего: это дѣла человѣческія. Что, если дочь ваша чрезъ годъ явится опять въ домъ родительскій ни вдовой, ни женой, ни невѣстой?»

Старики пришли въ отчаянье и не знали, что начать. Тогда Малоемцевъ сказалъ имъ прямо: «Откажите жениху:

онъ на это согласенъ; откажите прямо, по истинной причинѣ, объявивъ, что на это была воля невѣсты.» — «Но что скажетъ женихъ на позоръ этотъ, что скажутъ гости, что тетушки, сосѣдки, свашеньки, что весь уѣздъ, вся губернія?» — «Каждый изъ нихъ, по мѣрѣ и степени разсудка, который Богъ ему далъ, скажетъ, что ему угодно; но отъ этого участь дочери вашей и не зависитъ; поговорятъ и перестанутъ; перемелется — все мука будетъ. А женихъ, какъ я вамъ сейчасъ докладывалъ, принимаетъ все на себя.» — «Помилуйте!» завопилъ отецъ: «подумайте о томъ, что вы говорите: у насъ гости съѣхались со всѣхъ сторонъ; они званы на помолвку... все приготовлено...» — «Такъ что же?» отвѣчалъ тотъ: «развѣ вы готовы для того пожертвовать дочерью, что у васъ созваны гости и столъ готовъ? Развѣ вы обречете дочь свою на вѣковую гибель или, по крайней мѣрѣ, хотите заставить ее страдать десятки лѣтъ потому только, что у васъ уже пирогъ испеченъ и все къ этому приготовлено?»

Старики ломали руки и не знали, что отвѣчать.

«Успокойтесь же», сказалъ Малоемцевъ, «и благодарите Бога, что еще есть время и все можно исправить. Вотъ, еслибъ вы уже обвѣнчали молодыхъ, тогда бы я не сталъ васъ ни усовѣщевать, ни утѣшать; а теперь отчаяваться не въ чемъ. Откажите жь жениху, откажите гласно, безъ слезъ и безъ отчаянья, и затѣмъ велите давать обѣдать и станемъ пировать, будто ничего не бывало.» — «Какъ, обѣдать?» завопила Анна Алексѣевна, закрывъ лицо руками... «Охъ, не до обѣда будетъ; не до пиру теперь...»

«Нѣтъ, матушка Анна Алексѣевна, именно до обѣда, и прикажите подавать больше вина, да угощайте отъ души: и вамъ, и всѣмъ добрымъ людямъ будетъ о чемъ порадоваться: вы сдѣлали благое дѣло. Я у васъ разсватъ и буду потчивать и пить здоровье и кричать громче всѣхъ. Празднуйте спасеніе дочери вашей, которую чуть-было не погубили. Ручаюсь вамъ, что и женихъ, и невѣста, и всѣ гости будутъ веселы и радостны.»

Какъ ни дико, а дѣло сталось по немъ. Долго не поворачивался у отца языкъ, чтобъ вымолвить предъ гостями этотъ роковой отказъ; всѣ и безъ того уже, видя разладицу, были какъ-то не въ своей тарелкѣ, и свадьба эта, несмотря ни на какое стараніе людей, знавшихъ приличіе и потому считавшихъ обязанностью хохотать и веселиться, все-таки болѣе походила на похороны, чѣмъ на свадьбу. Когда же отецъ, собравшись съ духомъ, вышелъ и сказалъ-было слово, а тамъ и заикнулся, а Малоемцевъ выступилъ и договорилъ за него, что-де невѣста, которой дѣвичество еще не наскучило, упросила родителей отказать жениху и дать ей свободу, а женихъ-де такъ благороденъ и честенъ, что не вступается въ свои права и отнюдь не хочетъ, чтобъ бракъ совершился противъ воли невѣсты; когда все это было проговорено, чинно и степенно, то правда, что это поразило всѣхъ: иные приподняли брови выше лба, другіе повѣсили носы ниже бороды, никто не зналъ какъ стать и сѣсть, на кого глянуть и что говорить; но Малоемцевъ нашелся какъ нельзя лучше: онъ сталъ шутить, взялъ за руку жениха, объявилъ себя разсватомъ,

настоялъ на томъ, чтобъ женихъ съ невѣстой, передъ расходомъ, подали другъ другу руку въ знакъ мировой, потомъ тутъ же громко потребовалъ шампанскаго, чтобъ выпить здоровье ихъ, разсмѣшилъ всѣхъ, даже и жениха и невѣсту, которая вскорѣ развеселилась до того, что родители сами не могли на нее нарадоваться и налюбоваться. За столомъ, одна круговая чара обносилась за другою съ разными шутками и остротами; пили за здоровье и благоденствіе молодыхъ, и женихъ, къ счастью, также сумѣлъ найтись въ этомъ странномъ и трудномъ положеніи и держался какъ нельзя лучше и приличнѣе. Невѣста была такъ мила, что день этотъ, не напугавъ молодёжи, даровалъ ей трехъ новыхъ жениховъ: кого она изберетъ — не знаемъ. Веселились далеко за полночь, и всѣ разъѣхались домой, довольные такимъ необычайнымъ праздникомъ.

II.

ВЫЕМКА *).

По сосѣдству съ моей деревней было сельцо *Кормиловка*, Шмаково то жъ, помѣстье вдовы, поручицы Прудиковой. Она для воспитанія внучатъ своихъ жила въ губернскомъ городѣ и наѣзжала только въ деревню по важнѣйшимъ промежуткамъ деревенскаго быта, при посѣвѣ и уборкѣ хлѣбовъ.

Усадебка стояла на видномъ и красивомъ мѣстѣ; подъ самыми окнами протекала рѣчка, по одну сторону мельница и поле, по другую — лѣсъ по угорью, а подъ нимъ чистый и ровный лугъ; съ третьей стороны, наконецъ, садъ съ вѣтвистой, живой изгородью боярышника. Земля была

*) Разсказъ этотъ найденъ мною въ бумагахъ моихъ, гдѣ складывались много лѣтъ запасы и присылки всякаго рода; но я не знаю теперь, чей и откуда онъ. Во всякомъ случаѣ, онъ относится къ давнопрошедшимъ временамъ.

особнякъ; крестьяне довольно зажиточные; пять-шесть трубъ на избахъ по деревнѣ и красные коты въ праздникъ на бабахъ, — вотъ что и на первый взглядъ уже отличало деревушку эту отъ многихъ сосѣднихъ. Дороги, мостки и вообще все земство, какъ ни тяготило оно подъ-часъ Прудикову, отбывалось, однакожь, такъ исправно, что секретарь земскаго суда былъ этимъ крайне недоволенъ.

Случился годъ отмѣнно плодородный: тридцать три копны ржи становилось на десятинѣ и копна давала умолоту болѣе четверти: девять мѣръ верхомъ. Яровые были еще лучше.

Посреди отрѣзной земли Кормиловки было всего двѣ десятины, принадлежавшія селу Широколѣсью, котораго владѣлецъ перекочевывалъ изъ одной столицы нашей въ другую и каждый другой, третій годъ укатывалъ за-границу. У него управляли свои конторщики, а завѣдывалъ ими самъ секретарь земскаго суда, которому владѣлецъ весьма предусмотрительно предпочелъ предоставить жалованье управляющаго.

Широколѣсовцы, отправляясь на барщину къ двумъ десятинамъ своимъ, отбившимся такъ далеко въ сторону, разсуждали: «Зачѣмъ бы, кажись, экому клоку зайти въ чужой особнякъ? И что бъ было барину нашему промѣнять либо продать его, а не то и вовсе бросить! Что ему? Онъ богатъ, а это, видимо, неправедное добро должно быть какъ-нибудь отбито, а у кормиловской барыни земли немного». Кормиловцы, съ своей стороны, также ужь не разъ глядѣли съ досадой и завистью на эти наѣзды широколѣ-

совцевъ и часто разсуждали о томъ, что тѣхъ понапрасну пускаютъ въ чужое добро и что надо бы ихъ проучить. А какъ изъ нихъ кто-то слышалъ также толки объ этомъ широколѣсовцевъ и прибавилъ, побожившись до трехъ разъ, что тѣ и сами дивуются своей поживѣ, то кормиловская рабочая молодежь, глядя на живущихъ полоса-о-полосу съ ними широколѣсовцевъ, расходилась и закричала было: «Въ колья ихъ, ребята!» — «Не гуторьте въ колья», сказали старики: «у кола два конца; а вотъ лучше накажемъ опять барынѣ: она, намедни, вишь, не дала отвѣта; а мы доложимъ: «барыня-сударыня, землица-то эта споконъ-вѣку наша; вѣдь мы своими руками соху держивали по ней и въ добрый часъ подъ дождичекъ зерномъ брызгивали; такъ твоя воля, а безъ обиды будетъ, коли прикажешь намъ со своего поля хлѣбецъ снять.»

Къ обѣду помѣщица возвратилась съ поля домой, на дѣдовской линейкѣ, окруженная внучатами и пробными снопами ржи и пшеницы. Она радовалась этой благодати, разсчитывала доходъ и располагала имъ мысленно на необходимыя нужды милыхъ питомцевъ своихъ. Увидя бѣгущихъ на нее по жнивамъ со всѣхъ сторонъ крестьянъ, она приказала остановиться и, въ недоумѣніи, ожидала прибытія ближайшихъ, чтобъ узнать, что тамъ случилось. Толпа набѣжала, и мужики, снявъ шапки, съ жаромъ и запыхавшись, одинъ въ перебой другому, старались объяснить, что «землица эта въ вашемъ клину, матушка; она споконъ вѣку была Артемьевыхъ, отъ которыхъ и перешла къ вашей милости Кормиловка, а это, сказываютъ старики,

подъ съемъ брали они когда-то, да такъ, вишь, за собой и укрѣпили; а крѣпей нѣтъ никакихъ у нихъ, матушка, и землица-то наша; таперя они скосили рожь и сложили, такъ мы соберемъ ее міромъ: въ другой разъ не пойдутъ они, разбойники, въ чужіе клины.»

Прудикова успокоилась, услышавъ, что крестьяне прибѣжали къ ней съ такими пустяками, а потому велѣла кучеру уѣхать, махнувъ рукой и сказавъ: «послѣ разберемъ.» Она, точно, хотѣла послѣ обѣда разобрать крѣпости свои и планы и разузнать дѣло. Мужики остановились, разинувъ ротъ, и спрашивали другъ друга: «Никакъ приказала?» Нѣсколько голосовъ подтвердили это самымъ положительнымъ образомъ и божились, что барыня приказала разобрать, то-есть поднять хлѣбъ. Староста, подоспѣвшій уже по отъѣздѣ барыни, положился на міръ и очень доволенъ былъ этимъ приказаніемъ, чтобъ-де проучить хорошенько широколѣсовцевъ, и тотчасъ же сталъ распоряжаться. Барыня еще видѣла, что онъ жарко разговариваетъ, сбивая палкой верхушки придорожнаго мордвинника, но она была увѣрена, что онъ бранитъ мужиковъ за глупую выдумку ихъ и спокойно продолжала путь.

Передъ вечеромъ поднялась сильная гроза и прошелъ грядою крупный дождь. Кормиловцы, убравъ гумна свои, весело садились ужинать. Вдругъ по деревнѣ залились колокольчики исправника, который ихъ всегда привѣшивалъ по два. За нимъ слышался одинокій брякъ не менѣе знакомаго цѣлому уѣзду колокольчика писаря исправника.

Бабы взохались, куры взлетались, а мужики поглядывали и повторяли сосѣдъ сосѣду: «смотри, не выдавать!»

Но тутъ уже выдали глубокія, свѣжія колеи по мокрому полю, отъ самаго спорнаго жнива и до кормиловскихъ дворовъ. Первая баба, попавшаяся исправнику на глаза, едва выждала привѣтствія его съ приправкою надлежащей угрозы, какъ повалилась въ ноги и разсказала все, до ниточки: такъ и такъ, свезенъ хлѣбъ съ поля и вотъ какъ сложенъ по ődоньямъ у всѣхъ крестьянъ, въ нижнихъ вѣнцахъ; одинъ только староста не принялъ хлѣба къ себѣ, но распоряжался, и все сдѣлано съ его вѣдома.

Съ исправникомъ были понятые, десятскіе, сотскій и разсыльный. Пошло разбирательство, и тотчасъ же приступили къ выемкѣ поличнаго. Вся налетѣвшая стая мгновенно разсыпалась по деревнѣ, которая огласилась изъ конца въ конецъ плачемъ, ревомъ и крикомъ. Десятники въ особенности отличались; между тѣмъ какъ понятые широколѣсовцы раскидывали одолья и навивали снопы, тѣ бѣгали, для порядка, по дворамъ и избамъ, которыя были пусты, и захватывали все, что удобно могли унести. По всему сельцу поднялся такой крикъ и вой, что бѣдная помѣщица, вмѣстѣ съ дворней, стояла въ недоумѣніи передъ домомъ и смотрѣла на происходящее, какъ на дурной и безтолковый сонъ. Наконецъ она опомнилась и увидѣла передъ собой эту неотвратимую гибель и разореніе. Она потерялась и не знала, что придумать для спасенія; уже два раза ей самой сдѣлалось дурно, и ей подавали гофманскія капли; дѣти плакали; дворня заламывала руки и

призывала Бога на помощь. Она скорыми шагами бросилась въ деревню, гдѣ безъ счета навивались снопы на телеги широколѣсовцевъ, которые пріѣхали было поднимать рожь на своемъ клину и никакъ не угадывали, что подымутъ ее съ кормиловскихъ одоньевъ. Помѣщица собралась съ духомъ и обратила къ исправнику съ просьбой, ради Бога пощадить крестьянъ, не разорять въ одинъ разъ трудовъ и надеждъ цѣлаго года, отъ которыхъ зависитъ все ихъ существованіе.

Исправникъ былъ занятъ распоряженіями и притомъ сильно взволнованъ, а потому и не пошевелилъ пальцемъ на вѣжливый поклонъ старой помѣщицы. Выпуская изъ-за зубовъ табачный дымъ, вмѣстѣ съ бранью на крестьянъ, онъ внѣ себя рычалъ одно: «всѣхъ въ Сибирь!»

Услышавъ еще это, Прудникова какъ-будто получила болѣе нравственной силы, по мѣрѣ увеличивавшейся бѣды; она сказала въ ту же минуту: «Милостивый государь, я прошу васъ выслушать меня: крестьяне мои ни въ чемъ не виноваты; прошу васъ вѣдаться со мною: я приказала свезти этотъ хлѣбъ.»

«Что, что, сударыня?» сказалъ исправникъ скороговоркой, вытянувшись вдругъ во весь ростъ и снявъ съ головы фуражку.... Прудикова повторила опять то же, надѣясь спасти этимъ крестьянъ своихъ отъ разоренія и впослѣдствіи кончить дѣло, принявъ все на свою отвѣтственность. Она видѣла, что мужики попали въ бѣду эту чисто по глупости своей, и притомъ, разсмотрѣвъ планы свои и крѣпости, нигдѣ не нашла чужаго клина въ своей землѣ.

Исправникъ замолкъ, усмѣхнулся, отдалъ сотскому трубку и, принявъ важный видъ, обратился къ стороннимъ людямъ, прибѣжавшимъ изъ любопытства на зрѣлище это, и къ понятымъ: «Вы слышите ли», закричалъ онъ во все горло, «что госпожа помѣщица говоритъ: она призналась при всѣхъ, что сама приказала крестьянамъ своимъ грабить рожь и воровски прятать,— слышали?» — «Слышимъ!» заорала толпа.

«Не воровать, не грабить, милостивый государь,» стала-было говорить Прудикова, «но забрать тó, чтó мнѣ по праву принадлежитъ. Я отвѣчаю всѣмъ достояніемъ своимъ, если я виновата; но, Бога ради, велите остановить этотъ грабежъ....»

Исправникъ отвернулся уже отъ нея и, провожаемый толпою, скорыми шагами перешелъ на другое мѣсто. Поздно въ ночи, болѣе семидесяти широколѣсовскихъ телегъ, нагруженныхъ въ волю хлѣбомъ, шумно выѣзжали изъ Кормиловки; вслѣдъ за телегами шли мужики кормиловскіе и староста со связанными руками. Подобранные подъ голосъ два колокольчика заглушали не столь смѣлый звукъ третьяго, долго разливались по полю и смолкли уже за лѣсомъ. Въ Кормиловкѣ во всю ночь раздавался только лай и вой встревоженныхъ собакъ, плачъ дѣтей и вопли бабъ.

Проходитъ ночь и день, и еще сутки, и недѣля, — никакихъ вѣстей изъ города нѣтъ. Хлѣбъ собирается гнить на корнѣ, а чтó было скошено и свожено, поднято широколѣсовцами или потоптано. О крестьянахъ никакого слуха.

Въ отчаяніи Прудикова бросилась къ одному изъ сосѣ-

дей, ко мнѣ, разсказавъ весь ужасъ своего положенія. Я хотѣлъ было скакать тотчасъ же въ губернскій городъ, жаловаться губернскому правленію, просить губернатора, но разсудилъ, что ни въ какомъ случаѣ тамъ не постановятъ какое-нибудь рѣшеніе, не сдѣлавъ напередъ исправнику запроса; а оттуда до нашего уѣзднаго города было сто-восемьдесять верстъ; я зналъ губернатора хорошо, служивъ съ нимъ нѣкогда въ одномъ полку и будучи съ нимъ раненъ подъ Тарутинымъ однимъ и тѣмъ же картечнымъ выстрѣломъ; но, по принятому порядку, и губернаторъ ничего не могъ сдѣлать безъ слѣдствія, а между тѣмъ отсутствіе всѣхъ рабочихъ крестьянъ въ самую страду, въ рабочую пору, должно было повлечь за собою для нихъ голодъ на цѣлый годъ, а для Прудниковой совершенное разореніе. Я поскакалъ прямо въ городъ, къ исправнику.

Пріѣзжаю. Я сказалъ уже, что это было давно; тогда не было еще становыхъ; казенныя волости составляли главную силу и рать земской полиціи; сотскіе были не простые разсыльные и конвойные, и хотя употреблялись на чистку сапоговъ и ставку самовара, но при наѣздахъ на помѣщичьи имѣнія пользовались значительнымъ самоуправствомъ; какой-нибудь сотскій или выборный, съ почетнымъ прозвищемъ *вора*, въ смыслѣ тонкаго плута, ворочали дѣлами и не худо было при нуждѣ всегда начинать снизу и сдѣлаться напередъ съ ними... Итакъ, пріѣзжаю рано утромъ, на самое Преображенье. Исправникъ бранилъ голову какой-то волости, выписавъ его для этого нарочно, и въ то же время подносилъ своеручно ерофеичу выборному

вору Васькѣ, предъ которымъ дрожалъ весь уѣздъ. Въ передней снимали, между тѣмъ, допросы съ кормиловскихъ крестьянъ и записывали показанія ихъ и понятыхъ въ нѣсколько рукъ. Всѣ преступники стоятъ со связанными руками, съ воплями просятъ о помилованіи, валяются въ ногахъ у писарей. Не пускаясь въ разсужденія со мною, исправникъ пожалъ плечами, развелъ руками и приказалъ подать мнѣ объявленіе широколѣсовскаго конторщика объ ограбленіи насильственно съ угрозами, равно съ жестокими побоями и посягательствомъ на жизнь, кормиловскими крестьянами семидесяти телегъ хлѣба, съ заключеніемъ о поступленіи съ виновными, извѣстными ворами и грабителями, по всей строгости законовъ.

«Чѣмъ же все это кончится?» спросилъ я исправника, который все-таки оказывалъ мнѣ лично нѣкоторое снисхожденіе, зная близкія связи мои съ губернаторомъ. Исправникъ самъ былъ столбовой дворянинъ и прежде служилъ. «Разумѣется, чѣмъ», отвѣчалъ онъ:—«Сибирью. Завтра соберу двѣнадцать человѣкъ нашихъ дворянъ для учиненія повальнаго обыска о Прудиковой; о крестьянахъ же ея, старинныхъ ворахъ и мошенникахъ, неодобренныхъ и теперь повальнымъ обыскомъ, все уже завершено. Сибирь, разумѣется, Сибирь! Законы на грабежъ и разбой потачки не даютъ.»

Я сталъ просить убѣдительно исправника, чтобъ онъ по крайней мѣрѣ отпустилъ временно крестьянъ; иначе вся деревня, и съ госпожею своею, останутся безъ зерна хлѣба. Онъ отвѣчалъ, что они скоро поступятъ на казенный хлѣбъ,

и что въ просьбѣ моей заключается желаніе о такой потачкѣ ворамъ, на которую онъ никогда не рѣшится, какъ благородный человѣкъ, знающій свои обязанности.

Меня взяла такая досада, что я съ великимъ трудомъ удержалъ наружное спокойствіе; во мнѣ кровь кипѣла, и я почти безсознательно, видя неотвратимую гибель моей доброй сосѣдки, пересыпалъ въ руку исправника десять золотыхъ. Говорю и теперь, я не знаю самъ, какъ это сталось, какъ мы поняли другъ друга и откуда взялась въ самое это время горсточка исправника, принявшая приношеніе. Пересчитавъ однимъ взглядомъ золотые и опустивъ ихъ въ карманъ, онъ шепнулъ мнѣ на-ухо: «Почтеннѣйшій, такое казусное дѣло во всю службу разъ либо два придетъ. Это не тѣмъ пахнетъ: тысячу рублей за крестьянъ, да три тысячи за помѣщицу, что участвовала съ ними въ грабежѣ. Она сама призналась, при свидѣтеляхъ. Вы согласитесь со мною, благодѣтель мой, когда потрудитесь заглянуть въ уголовные законы.»

Какъ ни поразило меня все это, но первая мысль моя была, послѣ всего, что я видѣлъ и слышалъ, сомнѣніе въ возможности окончить дѣло домашнимъ образомъ, и я спросилъ: «А допросы и обыски, а просьба конторы?»

Исправникъ молча разсѣкъ воздухъ плоскою ладонью крестомъ, вдоль и поперекъ.

Во мнѣ вскипѣло что-то до такой степени, что едва не перешло черезъ край. Я поспѣшилъ выйти. У меня недостало духу ѣхать къ Прудиковой. Какими глазами я буду на нее глядѣть, когда скажу: «Давай четыре тысячи

рублей ассигнаціями (по старому счету), которыхъ у тебя нѣтъ, или — ты нищая и мужики твои погибли!» Ѣхать въ губернскій городъ также было не за чѣмъ: однѣ только наличныя деньги могли поправить дѣло — болѣе ничто и никто.

Я послалъ надежнаго человѣка къ Прудиковой передать четко то, чего нельзя было написать, но самъ отъ посредничества отказался. Могу сказать въ похвалу исправника только то, что онъ не запрашивалъ и не торговался: онъ не спустилъ ни одной копейки. Помѣщица заложила купцамъ и мѣщанамъ столовое серебро, перстеньки и сережки дѣтей и внучатъ, продала за безцѣнокъ весь скотъ и часть хлѣба на корню, —дѣло было кончено и крестьяне воротились домой.

Скажу еще слово о томъ, что я узналъ послѣ. На слѣдующее трехлѣтіе меня избрали исправникомъ. Съ одной стороны, послѣ того, что я разсказалъ теперь, мнѣ какъ-то совѣстно было принять должность; но надежда быть сколько-нибудь полезнымъ и собственныя дѣла — чистыя да нескончаемыя, безъ особеннаго вліянія,— заставили меня рѣшиться. Мнѣ надо было наконецъ размежеваться съ однодворцами и хотѣлось возобновить дѣдовскую мельницу, а то и другое *дѣльце* стоило по оцѣнкѣ много, если рѣшеніе достанется въ руки, каковъ былъ, напримѣръ, мой предшественникъ. Долго я, по неопытности своей, привыкалъ и прислушивался къ дѣламъ, и понялъ теперь, что значитъ секретарь для человѣка, который едва ли не въ первый разъ ступилъ ногою въ земскій судъ, когда его вы-

брали исправникомъ.... Но рѣчь о семидесяти копнахъ ржи, и я полюбопытствовалъ взглянуть на это дѣло. Заголовокъ занималъ цѣлую страницу, съ исчисленіемъ всѣхъ ужасовъ самовольства и деннаго грабежа кормиловцевъ, при соучастіи самой помѣщицы. Затѣмъ слѣдовала просьба или заявленіе конторщика, въ которомъ, между прочимъ, не было ни слова о поступленіи съ виновными по всей строгости законовъ, а просили только о возвращеніи хлѣба. Исправникъ, какъ мнѣ объяснили, невзначай залилъ чернилами первую просьбу, а потому позвалъ конторщика изъ Широколѣсья и продиктовалъ ему очень спѣшно новую просьбу, такъ что тотъ не успѣвалъ писать со словъ его, а затѣмъ исправникъ приказалъ ему разорвать при себѣ старую просьбу. Впрочемъ, не было ни повальныхъ обысковъ, ни допросовъ крестьянъ и показанія свидѣтелей и понятыхъ, а простое постановленіе суда о томъ, что исправнику лично выѣхать на мѣсто, удостовѣриться въ справедливости просьбы и немедленно заставить удовлетворить обиженныхъ, что и было исполнено, и въ этомъ приложена росписка конторщика. Въ такомъ видѣ дѣло зачислено было поконченнымъ и сложено въ архивъ.

III.

КРЕСТЬЯНКА.

— Да ужь у насъ такъ водится, батюшка, воля ваша: коли заѣхали въ наши края, такъ и не обѣгайте насъ, а милости просимъ быть знакомымъ. Воля ваша, а въ среду ко мнѣ, хотя по крайней мѣрѣ денька на три!

Такъ говорилъ лысый, какъ голышъ, и круглый, какъ пузырь, помѣщикъ, раскланиваясь радушно и привѣтливо съ хозяиномъ и съ гостемъ его, котораго назовемъ, пожалуй, Путниковымъ. Настала среда и, «нечего дѣлать» — сказалъ хозяинъ своему заѣзжему гостю, «поѣдемте! Вы тамъ увидите кой-кого; хоть познакомитесь съ нашими дворянами: вѣрно кто-нибудь у него будетъ.» Поѣхали.

Общество было небольшое, но и не совсѣмъ маленькое. Путниковъ, какъ чужой, не зналъ никого, а знакомился то съ однимъ, то съ другимъ, какъ случалось. Впрочемъ, лысый и пузыристый хозяинъ заботился, съ своей стороны, сколько могъ, о томъ, чтобъ пріѣзжій дорогой гость зналъ

прочихъ гостей и чтобъ они его знали; между прочимъ онъ также подвелъ его къ рослой и статной барынѣ, очень моложавой на видъ, и, представляя его, шепнулъ ему напередъ, что это-де сосѣдка моя, полковница Пышнова. Она, по первой бесѣдѣ приличія, обыкновенно столь пошлой и пустословной, показалась, однакожь, Путникову женщиной очень образованною, скромною, умною и пріятною; въ особенности же поразила его простота и благородство ея обращенія.

Когда вечеромъ прогулка и игра въ лото были покончены и еще часа полтора оставалось до ужина, то гости, расположившись купами тутъ и тамъ, довольно громко и весело бесѣдовали. Путниковъ присоединился къ тому кругу, который собрался около маленькаго дивана и круглаго столика: тамъ сидѣли двѣ барыни, изъ которыхъ одна была именно Пышнóва. Разговоръ склонился какъ-то на сословія или состоянія людей, и когда Путниковъ произнесъ какое-то рѣшительное и немного рѣзкое сужденіе, то онъ не замѣтилъ вовсе, что всѣ почти прочіе собесѣдники замолкли, а иные даже вовсе прикусили языкъ. Путниковъ тѣмъ съ большимъ жаромъ и словоохотливостью продолжалъ разговоръ, что онъ, казалось, въ особенности занималъ Пышнóву, умную и милую даму, и что она горячо съ нимъ спорила, доказывала и отстаивала свои мысли. Такимъ образомъ прочіе сдѣлались уже не участниками, а только слушателями ихъ бесѣды.

— Позвольте, — сказала Пышнóва, кротко улыбаясь и поднявъ мягко-очерченную, одѣтую тонкой лайковой перчат-

кой руку: — такъ намъ нельзя спорить, потому-что мы смѣшиваемъ двѣ разныя вещи; будемъ говорить порознь о томъ и о другомъ. Я вполнѣ согласна съ вами, что возвышеніе человѣка свыше его состоянія рѣдко счастливитъ его — о! это правда; но несогласна съ вами въ томъ, чтобъ человѣкъ никогда не могъ найтись и опознаться въ новомъ положеніи своемъ, чтобъ онъ навсегда оставался не въ своей тарелкѣ, — однимъ словомъ, мѣщаниномъ во дворянствѣ; кажется, это слишкомъ самонадѣянное убѣжденіе высшаго круга.

— Большею частью, — возразилъ Путниковъ: — воля ваша, но я даже опять готовъ повторить: всегда; я по крайности не видѣлъ еще противнаго, а много видѣлъ примѣровъ, оправдывающихъ мое мнѣніе.

— Но отчего жь, — сказала Пышнова, наклонивъ мило головку, безъ малѣйшаго кокетства: — отчего же такъ? Человѣкъ одинъ и тотъ же, во всякомъ платьѣ; и если ему только дать случай образовать умъ и сердце — повѣрьте, по наружности онъ скоро оботрется. Эти мелочи вашего условнаго, свѣтскаго быта не такъ трудно перенять, какъ вы полагаете. — При послѣднихъ словахъ, она слегка покачала головой и вздохнула.

Путниковъ не обратилъ вниманія на выраженіе: «вашего быта», и потому продолжалъ:

— Эти-то мелочи и нельзя перенять: это всего труднѣе. Я зналъ генеральшу, вышедшую въ это званіе изъ чухонскихъ кухарокъ, и двадцать лѣтъ этого высокаго сана не могли изгладить въ наружности ея ни одного пріема кухарки!

— Это опять иное дѣло,—сказала Пышнова, улыбаясь, какъ-будто съ маленькимъ самодовольствіемъ: — надобно, чтобъ природа не во всемъ отказала такой женщинѣ и чтобъ она была еще довольно молода при перемѣнѣ своего званія; съ этимъ я согласна.

— Но ничего нѣтъ забавнѣе,—продолжалъ Путниковъ:— такой случайной генеральши: каждое слово, каждый пріемъ, которымъ она полагаетъ обворожить васъ, пристали ей какъ коровѣ сѣдло; чѣмъ она болѣе старается скрыть это, тѣмъ рѣзче выставляетъ на позорище всю неуклюжесть свою.

Слушатели начали удаляться отъ этого кружка и собираться въ такомъ разстояніи, чтобъ быть въ сторонѣ, но слышать весь разговоръ,

— Вы довольно жестоки въ приговорѣ своемъ,—сказала Пышнова, остановивъ открытый и привѣтливый взоръ свой на Путниковѣ: — можетъ-быть, бѣдная генеральша иногда и вовсе невиновата въ своемъ превращеніи и впослѣдствіи горько оплакивала свое быстрое возвышеніе.

— Не вѣрьте этому!—закричалъ, разсмѣявшись, Путниковъ: — ханжатъ онѣ, если это говорятъ, притворяются; всѣ онѣ, всѣ кухарки эти такъ довольны, такъ счастливы своимъ возвышеніемъ....

— Кому вы говорите это?—остановила его Пышнова съ милою живостью, голосомъ душевнаго убѣжденія. — Посмотрите,— сказала она, смѣючись, какъ-будто желая еще подразнить его и помучить: — посмотрите, вы разогнали всѣхъ нашихъ собесѣдниковъ: ужь нѣтъ ли между ними

кого-нибудь, къ кому бы можно было примѣнить ваши слова?

Путниковъ оглянулся, растерявшись нѣсколько, потому что не зналъ, какъ понять это замѣчаніе, и сказалъ:

— Я, кажется, никого не могъ обидѣть....

— О, нѣтъ, нѣтъ!—остановила его Пышнова:— нѣтъ, я вамъ за нихъ ручаюсь. Продолжайте!

— Вы меня смутили, — проговорилъ Путниковъ; — я въ самомъ дѣлѣ замѣчаю, что я поставилъ себя въ какое-то странное положеніе, хотя, право, не понимаю, въ чемъ дѣло. Увѣряю еще разъ, что еслибъ.... еслибъ какъ-нибудь.... и онъ оглянулся въ ту и другую сторону: — то у меня, право, не было никакого намѣренія.... Я здѣсь чужой, никого не знаю, и личностей въ словахъ моихъ быть не могло....

— Да нѣтъ же, нѣтъ!—сказала Пышнова, приподнявъ и сложивъ руки:— я вамъ говорю — успокойтесь и продолжайте; я только пошутила съ вами, зная, что вы въ нашей сторонѣ чужой. Я вамъ окончательно разрѣшу загадку: я сама хотя и не генеральша.... я сама попала въ общество ваше какъ чухонская кухарка, о которой вы упомянули: я до шестнадцати лѣтъ была крестьянкой и пасла гусей.

Можно себѣ представить изумленіе Путникова. Онъ не зналъ, на какой ладъ теперь ему настроить отвѣтъ: плакать или смѣяться; онъ готовъ былъ пасть передъ нею на колѣни. Но Пышнова проговорила все это съ такимъ неподдѣльнымъ простодушіемъ и смотрѣла на него такими

спокойными, обаятельными карими глазами, такъ кротко и увлекательно улыбалась, что онъ чрезъ двѣ секунды, въ продолженіе которыхъ она добродушно тѣшилась его недоумѣніемъ, оправился, нашелся и сказалъ:

— Если вы не шутите, если въ словахъ вашихъ, которыя могутъ быть и шуткой, есть правда, то я сдаюсь безусловно военноплѣннымъ относительно второй части своего мнѣнія, которую вы у меня оспаривали. Противъ очевидности спорить не могу; первую же часть рѣшаюсь теперь отстаивать въ противномъ смыслѣ: вы счастливы въ своемъ положеніи — я въ этомъ увѣренъ.

— Вотъ видите ли,—сказала Пышнова: — какъ легко носить вашу свѣтскую маску приличія!

— Сударыня,—возразилъ Путниковъ, поставленный окончательно втупикъ, тѣмъ болѣе еще, что разговоръ этотъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе гостей, которые теперь съ большею смѣлостью приблизились со всѣхъ сторонъ и смотрѣли, прислушиваясь, то на него, то на нее:— сударыня, я не знаю, что и сказать вамъ, чтобъ не попасть еще разъ въ дураки. Извините меня; я здѣсь чужой, не имѣю чести знать васъ. Если вы, можетъ быть, только позабавились надо мной, то, признаюсь со всею искренностью, что вы сдѣлали это очень ловко; если жь вы не шутите, то вы пріобрѣли поклонника на жизнь и на смерть. Я вамъ удивляюсь.

Пышнова, которая съ такою неподражаемою естественностью въ положеніи своемъ умѣла держать средину, не скрывать, не стыдиться своего происхожденія, но и не

тщеславиться имъ, Пышнова отвѣчала, что она сказала правду и вовсе не шутитъ, и обѣщала, при случаѣ, разсказать Путникову исторію своей жизни. На другой или на третій день случай этотъ, котораго Путниковъ такъ жадно искалъ, нашелся и она сдержала свое слово.

— Я родилась (такъ начала она) въ двадцати верстахъ отсюда, въ деревнѣ Холмахъ, принадлежащей графу Сухменеву. Родители мои — крестьяне; мать умерла давно, а отецъ живъ по-сю пору. У графа была дочь, о которой я, вопреки общагѣ голоса, могу сказать много хорошаго: какъ бывшая горничная графини, я знаю ее лучше другихъ; но правда, что гордость графа по наслѣдству перешла и на графиню, которая любила и умѣла напоминать при каждомъ случаѣ окружающимъ, кто она такова и какого она знатнаго рода. Въ домъ графа былъ вхожъ и даже коротокъ недавно пріѣхавшій въ отпускъ въ свои вотчины гвардейскій капитанъ, человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ изъ ряда вонъ и замѣчательный въ высокой степени по уму, по сердцу, по образованію, — словомъ, — по всему, что только составляетъ въ глазахъ нашихъ преимущество одного человѣка передъ другимъ. Онъ бѣгло и умно говорилъ на пяти языкахъ, былъ отличный пѣвецъ и музыкантъ, весьма успѣшно занимался живописью, — словомъ, образованіе его блестящимъ образомъ развило богатыя природныя дарованія, и я не сумѣла бы указать вамъ ни на одну мелочь, упущенную при воспитаніи его, еслибъ онъ только писалъ правильнѣе по-русски. Наружность его была прекрасна; глаза сверкали умомъ и добротой души; и со стороны

нравственной могу назвать одинъ только, хотя, конечно, немаловажный недостатокъ, который и былъ причиной его преждевременной гибели: это — тщеславіе. Онъ слишкомъ хорошо зналъ и цѣнилъ всѣ достоинства свои, былъ избалованъ до этого времени судьбой и начальствомъ, и товарищами; ему всегда и все удавалось; его вездѣ обожали и вездѣ носили на рукахъ; всегда и вездѣ ему льстили. А лесть и клевета, рано или поздно, возьмутъ свое.

«Вообразите же себѣ положеніе этого человѣка, когда онъ, полагая себя во всѣхъ отношеніяхъ ровней графини и считая даже себя, можетъ быть, по достоинствамъ выше ея, когда онъ, говорю, посватался и ему отказали, — отказали съ намѣреніемъ, собственно отъ имени молодой графини, наотрѣзъ, давъ замѣтить, что онъ забылся и не чета, не дружка для ея сіятельства! Онъ, гвардейскій офицеръ, за которымъ ухаживалъ весь Петербургъ, долженъ былъ выслушать подобный отказъ, который, разумѣется, въ три дня разнесся не только по сосѣдству, но и по всей губерніи! Какими же глазами могъ онъ смотрѣть на людей, которые, какъ ему казалось, смотрѣли на него съ сострадательною или язвительною улыбкой? Попранная, разочарованная страсть — онъ точно былъ влюбленъ въ графиню — и въ высшей степени оскорбленное самолюбіе овладѣли головою и сердцемъ бѣдняка, и, при всемъ умѣ своемъ и благоразуміи, онъ сдѣлалъ непростительную глупость.

«У молодой графини была горничная, молоденькая дѣвочка, недавно взятая изъ села. Она только-что начинала

привыкать около госпожи своей, которая еще почасту была тѣмъ недовольна, что рабочіе мозоли такъ долго держатся на рукахъ новой горничной и не даютъ ей заняться, какъ должно, тонкой швейной работой. Дѣвочка эта, которой едва минуло шестнадцать лѣтъ, кажется, была взята графиней за то, или потому только, что въ толпѣ крестьянскихъ дѣвушекъ бросилась ей въ глаза темнорусою, богатой косой своею и карими глазами; тогда-какъ прочія всѣ почти были свѣтлорусы. Ее-то, дѣвочку эту, которую звали Грушей, несчастный заѣзжій гость видывалъ у графини, гдѣ нерѣдко проводилъ цѣлые дни, и, въ оскорбленномъ тщеславіи и самолюбіи своемъ, конечно, и самъ не зная что дѣлаетъ, избралъ жертвою своей мести. Месть эта состояла въ томъ, что онъ, получивъ отказъ отъ гордой графини, тотчасъ же рѣшился жениться на ея горничной.

«Деньги все дѣлаютъ и дѣлаютъ, конечно, болѣе зла на свѣтѣ, чѣмъ добра. Деньги, которыхъ оскорбленный молодой человѣкъ не жалѣлъ для достиженія своей цѣли, передали испуганную на смерть Грушу въ его руки. Одна изъ графскихъ дворовыхъ женщинъ выманила ее вечеромъ за ворота, повела, подъ предлогомъ господскаго приказанія, къ колодцу, гдѣ лѣсокъ скрывалъ усадьбу; тамъ ее внезапно схватили, посадили въ коляску и примчали во весь духъ въ Зазнобово, вотчину этого молодаго человѣка. Тамъ все было готово, и Груша, по-истинѣ, не успѣла опомниться, какъ ее одѣли и убрали къ вѣнцу и обвѣнчали. Когда она выходила изъ церкви, рука-въ-руку съ молодымъ своимъ, то много-много если прошло полтора часа

съ того мгновенія, какъ ее подхватили у колодца и посадили въ коляску. Никто не удостоилъ даже спросить ее, хочетъ ли она идти замужъ или нѣтъ, и нравится ли ей женихъ. И къ чему было спрашивать? Какая воля у шестнадцатилѣтней дворовой дѣвчонки, которая и безъ того чрезвычайнаго случая думала о замужствѣ не иначе, какъ за кого-де господа отдадутъ, за тѣмъ и буду — ихъ воля. Нечего вамъ и скрывать, что дѣвчонка эта была — я, а женихъ или мужъ мой — Пышновъ.

«На другой день Василій Васильичъ (такъ зовутъ Пышнова) зазвалъ во дворъ и домъ все село и далъ людямъ богатый обѣдъ и пиръ. Онъ обхаживалъ со мною подъ-руку ряды и столы; насъ привѣтствовали съ изступленною радостью. Я была еще въ крестьянскомъ платьѣ. Василій Васильичъ приказалъ такъ одѣть меня къ вѣнцу, и я не знала, не понимала, что со мною дѣется. Арабскихъ сказокъ я тогда еще не читала и не слыхала о нихъ; но, конечно, никакое сказочное диво не могло бы поразить меня до такой степени, какъ то, что сбылось надо мною. Я ходила и отвѣчала на вопросы «да» или «нѣтъ», безъ всякаго самосознанія, и была въ безпамятствѣ: иначе я не умѣю объяснить вамъ моего положенія. Не спрашивайте же, что я думала и чувствовала тогда, была ли довольна новымъ положеніемъ, счастіемъ своимъ, или нѣтъ, какъ рѣшилась на поступокъ этотъ, и прочее. Я была не человѣкъ, а вещь; ничего не помню, не знаю, кромѣ того только, что часто дрожала въ страхѣ, а мужъ мой ласкалъ меня и успокоивалъ, и помню, что когда въ числѣ дере-

венскихъ свадебныхъ посѣтителей я увидѣла вѣнчавшаго насъ священника, то испугалась этого добраго старичка, какъ привидѣнія, и опять начала дрожать всѣмъ тѣломъ.

Василій Васильевичъ послалъ при запискѣ графу за меня выводное, какъ водится у добрыхъ сосѣдей, когда крестьяне берутъ женъ изъ чужихъ вотчинъ; графъ возвратилъ деньги, отвѣтивъ, что съ такихъ почетныхъ жениховъ онъ выводнаго не беретъ, а довольствуется однимъ поздравленіемъ и желаніемъ всякаго благополучія

«Мужъ мой былъ ко мнѣ добръ и ласковъ какъ нельзя болѣе. Казалось, онъ внезапнымъ переворотомъ этимъ перенесъ всю страсть свою съ графини на меня и въ этомъ же чувствѣ утушилъ свой страшный взрывъ оскорбленнаго честолюбія, негодованія и мести. Мы уѣхали въ Петербургъ; тамъ я первые два года никуда не показывалась, употребляя все время на образованіе свое, чтобъ сколько-нибудь съ достоинствомъ нести новое свое званіе и не заставлять бѣднаго и добраго мужа моего краснѣть за меня при вводѣ меня въ общество или при встрѣчѣ съ посторонними людьми. Онъ не жалѣлъ издержекъ: у меня были учители и учительницы всякаго рода, начиная съ учителя русской грамоты до танцовальнаго и музыкальнаго. Чрезъ два года мужъ мой вывезъ меня въ свѣтъ, радуясь, какъ дитя, что успѣлъ превратить меня въ гостиную куколку, которою всѣ любовались, о которой всѣ чрезвычайно лестно отзывались потому только, что знали это необычайное превращеніе вслѣдствіе романическихъ похожденій, и что это казалось имъ ново и любопытно. Мнѣ было тогда восемнад-

цать лѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ столицѣ только и было рѣчи, что обо мнѣ, и лучшіе дома старались наперерывъ зазывать насъ къ себѣ, чтобъ потѣшить прочихъ гостей своихъ и показать имъ эту модную рѣдкость. «У насъ будетъ Пышнова» — это былъ зазывной кличъ всѣхъ тѣхъ, кто желалъ наполнить свою гостиную. Вы знаете, тамъ бываетъ мода то на человѣка въ козлиной шкурѣ, то на графиню съ птичьей головой: бѣгутъ тогда люди, какъ сумасшедшіе, сами не зная, зачѣмъ и куда, отыскивать невиданное диво, и въ цѣломъ городѣ нѣтъ больше ни о чемъ рѣчи, какъ объ этомъ небываломъ чудѣ. То же случилось со мной: на меня не могли наглядѣться и надивиться; это льстило моему мужу: онъ ожилъ опять; прежнее тщеславіе — его главная слабость,— нашло новую пищу и, несмотря ни на какія просьбы и мольбы мои, мы зажили открыто, великолѣпно. То, что я предвидѣла, при всей неопытности своей, случилось; мы прожились, мода на чернобровую крестьянку прошла — насъ бросили и забыли. Долги тяготѣли надъ нами, а между тѣмъ двѣ или три неудачи мужа моего по службѣ, неудачи въ томъ же родѣ, какъ и самое сватовство его, снова его озлобили и до того растерзали его самолюбіе, что бѣдный помѣшался. Онъ впалъ въ непробудную задумчивость, которая была слѣдствіемъ слишкомъ пылкаго воображенія, самолюбія и тщеславія, необузданныхъ и потому обманутыхъ надеждъ, — словомъ убійственнаго разочарованія.

«Послѣ пяти лѣтъ жизни въ столицѣ, я увезла бѣднаго моего мужа въ деревню, гдѣ мы живемъ уже пять лѣтъ.

Я выѣзжаю рѣдко, но иногда позволяю себѣ это, чтобъ не отвыкнуть вовсе отъ людей и нѣсколько разсѣяться и освѣжиться. Если хотите, поѣдемте вечеркомъ, хоть верхами, въ Холмы. Я охотно туда навѣдываюсь, и вамъ покажу старика, моего отца, и сестеръ.»

Разсказъ этотъ возбудилъ любопытство Путникова въ высокой степени, и онъ съ благодарностью принялъ ея предложеніе. Онъ все еще смотрѣлъ на эту прекрасную, милую и умную женщину и не могъ надивиться: ножка ея, въ тѣсномъ башмачкѣ, ручка въ обтяжной перчаткѣ, простота и благородство осанки и всѣхъ пріемовъ, которые украсили и отличили бы женщину высшаго круга и лучшаго общества,— все это до того было трудно связать съ понятіемъ о крестьянкѣ, которая до шестнадцати лѣтъ жала хлѣбъ и доила коровъ, что онъ былъ пораженъ разсказомъ прекрасной собесѣдницы своей какъ нельзя болѣе.

Вечеркомъ часть общества, въ томъ числѣ она и Путниковъ, отправились для прогулки верхами.

— Поѣдемъ въ Холмы,— сказала она:— я посмотрю тамъ на своихъ.

Всѣ съ удовольствіемъ согласились.

Когда стали подъѣзжать къ селенію, то, вѣроятно, люди, увидавъ издали конниковъ, обратили на нихъ вниманіе, а узнавъ Пышнову, сказали объ этомъ ея семейству. Изба ихъ была одна изъ крайнихъ, и они встрѣтили гостей: старикъ отперъ околицу, а двѣ сестры ея весело бросились къ ней на встрѣчу. Съ любопытствомъ глядѣлъ Путниковъ на эту картину. Отецъ поклонился ей и, по-

дойдя, хотѣлъ поцѣловать у нея руку; она его обняла и выговорила ему вполголоса:—«На что ты, батюшка, это дѣлаешь?—сказала она:—«чтожь люди обо мнѣ подумаютъ? Развѣ я когда-нибудь давала тебѣ цѣловать мою руку?— Затѣмъ она обняла и потрепала по щекамъ сестеръ, поболтала съ ними и, на приглашеніе отца войти въ избу, предложила намъ отдохнуть четверть часика.

Въ избѣ было все довольно опрятно; видно было, что въ ней живетъ зажиточный мужикъ, но все было очень просто, какъ у крестьянина; потчивали насъ хозяева хорошимъ квасомъ, молокомъ, творогомъ, сметаной и краюхой хорошаго ржанаго хлѣба съ масломъ. Путниковъ провелъ время это чрезвычайно пріятно, какое-то новое, невѣдомое ему доселѣ теплое чувство одушевляло и согрѣвало его, когда онъ смотрѣлъ зорко во всѣ глаза на все, что вкругъ него тутъ дѣлалось, и прислушивался, не теряя ни одного словечка, къ разговору Пышновой съ отцомъ и сестрами. Съ этими она была за панибрата какъ нельзя лучше, шутила съ ними и обнимала ихъ отъ души. Всѣ трое проводили гостей опять до околицы, и они простились. Путниковъ ѣхалъ, понуривъ голову, въ какомъ-то раздумьѣ и не могъ еще отдать себѣ яснаго отчета во всемъ, что видѣлъ.

— Ну, что жь вы мнѣ скажете?—спросила Пышнова, взглянувъ на него съ кроткой улыбкой: — довольны ли вы мною?

— Я думалъ теперь,—отвѣчалъ онъ:—что мнѣ должно просить у васъ прощенія за нѣкоторыя опрометчивыя и

рѣзкія сужденія свои.... Но, согласитесь, вы представляете столь рѣдкое, небывалое исключеніе изъ общаго правила, что мнѣ простительно было ошибиться....

— Это не все,— сказала она, покачавъ недовѣрчиво головою:—у васъ есть еще что-то на душѣ.

— Есть,—отвѣчалъ онъ:—и если позволите мнѣ высказать все, то я буду повиноваться.

— Говорите, пожалуйста говорите, не стѣсняясь ничѣмъ.

— Для меня тутъ одно обстоятельство несовсѣмъ ясно,— сказалъ онъ, собравшись съ духомъ:—или я не умѣю себѣ объяснить его: вы теперь живете въ богатствѣ, въ изобиліи; вы присоединились къ высшему сословію, которое, позвольте сказать, украшаете собою....

— Покорно благодарю, — перебила она рѣчь его: — но меня присоединили, а не я сама присоединилась; меня хвалить не за что....

— Все равно, вы ему принадлежите, а между тѣмъ отецъ и сестры ваши остались крестьянами....

— Что жь?—сказала она съ живостію: — не хотите ли вы, чтобъ я ихъ также возвела въ дворянство, или—чтобы говорить не шутя — чтобъ я вырвала ихъ изъ того быта, въ которомъ они родились и выросли, а отецъ мой даже состарѣлся? Какую же вы бы отъ этого ожидали пользу? Неужто вы въ самомъ дѣлѣ полагаете, что мы, говоря вообще, счастливѣе ихъ, и что тотъ, кто уже разъ смолоду обжился съ бытомъ крестьянскимъ, будетъ счастливѣе, если его перенести въ другое, высшее сословіе? О,

предоставьте мнѣ объ этомъ судить; согласитесь, что, требуя этого, я въ своемъ правѣ.

«Вскорѣ послѣ моего замужства, Василій Васильичъ, не ожидая моихъ просьбъ, самъ хотѣлъ даровать свободу моему семейству; но графъ, который былъ довольно благороденъ, чтобъ не мстить этому бѣдному семейству за мою вину, не принялъ предложенія о выкупѣ. Теперь, когда столько лѣтъ прошло и многія обстоятельства измѣнились, графъ, можетъ быть, и снизошелъ бы къ просьбѣ моей, но я въ томъ не вижу никакой надобности.

«Еслибъ теперь вдругъ объявить старику моему вольную на всѣ четыре стороны, обезпечивъ притомъ еще и состояніе его, то я не знаю, какое благо могло бы для него изъ этого выйти. Всѣмъ имъ въ новомъ, непривычномъ быту ихъ была бы нужна нянька: у меня была она, благодаря Бога, въ лицѣ моего добраго мужа, но у нихъ ея нѣтъ. Сама я не могу сдѣлаться строгой наставницей моего отца, да онъ и слишкомъ старъ и необразованъ, чтобъ послѣдовать моимъ совѣтамъ. Всего вѣроятнѣе, что онъ отъ бездѣлья сталъ бы пить и что это занятіе сдѣлалось бы главной его забавой. Взять его къ себѣ;—въ какомъ видѣ и для чего онъ бы сталъ у меня жить? Въ богадѣльню идти ему рано: онъ еще свѣжъ и работящъ — пусть же остается полезнымъ человѣкомъ. Какъ крестьянинъ, онъ едва ли не счастливѣе всѣхъ прочихъ крестьянъ, потому что онъ домовитый хозяинъ, нужды и крайности не знаетъ, всегда найдетъ у меня помощь, почтенъ и уваженъ между своими и гордится такъ называемымъ

счастьемъ своей дочери. Куда я его дѣну? Въ какое положеніе пристрою, чтобъ онъ былъ такъ же доволенъ и спокоенъ, и чтобъ не зашла ему въ голову подъ старость какая-нибудь блажь?

«То же скажу о сестрахъ моихъ отъ втораго брака. Имъ завидуютъ всѣ дѣвушки на селѣ, когда я подарю по ленточкѣ и по платочку, и онѣ сами не знаютъ, куда дѣваться отъ радости. Не правда ли, что это называется дешево купить счастье другихъ? Онѣ считаются первыми невѣстами по вотчинѣ и, завѣдывая полнымъ хозяйствомъ своего отца, привыкли, пріучились быть хозяйками, а я всегда старалась поселять въ нихъ любовь къ своему званію и пріучала ихъ къ прилежанію, опрятности и порядку. Онѣ, дастъ Богъ, не будутъ знать ни мигреней, ни другихъ причудъ и бѣдствій неестественнаго быта человѣческаго. Вы ихъ видѣли; онѣ здоровы, полны, веселы и довольны.... О, ради Бога не думайте, чтобъ счастье, какъ подагра, избирало себѣ охотнѣе каменныя палаты, чѣмъ черную избу!... Счастье — довольство, ограниченность потребностей и спокойная совѣсть; вотъ почему счастье живетъ внутри насъ, а не снаружи; мы должны создать его въ себѣ....»

Путниковъ слушалъ, осторожно переводя дыханіе и боясь проронить одно слово. Подъѣхали къ усадьбѣ круглаго, какъ пузырь, и лысаго, какъ голышъ, помѣщика, общаго хозяина. Онъ встрѣтилъ гостей восторженными криками, увѣряя, что мы пропадали безъ вѣсти едва ли не четверть сутокъ. Путниковъ взглянулъ на часы и съ удивленіемъ увидѣлъ, что онъ не шутитъ.

— Мы были въ Холмахъ, — сказала Груша: — и навѣстили моего старика; я хотѣла познакомить съ нимъ и съ сестрами вашего дорогаго гостя.

Путниковъ только сталъ-было прибирать слова, желая сказать ей, что встрѣчу съ нею считаетъ одним изъ замѣчательнѣйшихъ случаевъ жизни своей, а самоё ее — самою замѣчательною, умною и милою женщиною, какую ему когда-либо удавалось видѣть, какъ она вдругъ, бросивъ взоръ быстро въ сторону и увидѣвъ, что коляска ея уже заложена, спросила:

— Что это значитъ?—И, не давъ никому отвѣтить, продолжала: — Боже мой, что сдѣлалось съ Васильемъ Васильичемъ?

— Ничего, ничего, сударыня, успокойтесь,—сказалъ заботливо хозяинъ: — Василій Васильичъ напроказилъ-было немного, но все кончилось благополучно....

Между тѣмъ человѣкъ ея уже подошелъ; она соскочила съ лошади, разспросила его тихо и спокойно, и узнавъ, что помѣшанный поджогъ-было домъ, что огонь благополучно погасили, но что все пришло отъ этого случая въ безпорядокъ, и безъ нея никто не можетъ съ бариномъ справиться, она тутъ же раскланялась съ хозяиномъ, не согласилась ни войти въ домъ, ни отдохнуть, а сѣла въ коляску свою и, кивнувъ намъ привѣтливо головою, скрылась....

IV.

ВАША ВОЛЯ, НАША ДОЛЯ.

Полтавскому казаку Бондаренкѣ выпалъ горькій жребій! Чтó ему въ достаткѣ, чтó въ богатствѣ, коли нѣтъ ему ни угла, ни притулья, коли ему отъ злой и пьяной жены некуда дѣваться! Не онъ ее такому добру выучилъ, потомучто онъ былъ казакъ работящій, смирный; стало-быть, такова она была ужь когда-въ дѣвкахъ сижено — да никто объ этомъ не зналъ, и славы такóй о ней не было. Дѣвку кто разгадаетъ? Развѣ одинъ только Богъ, а не люди. А когда замужъ вышла, да въ дому стала своя рука владыка, такъ все что есть, и худо и добро, какъ изъ мѣшка и высыпала!

Загоревалъ, затужилъ Бондаренко, да что ни дальше, то хуже. Покуда жили самъ-другъ—такъ терпѣлось; а какъ еще дѣтки пошли да отъ живой матери стали сиротами, такъ тутъ бѣдному казаку пришлось хоть о надолбу головой. Люди велятъ учить жену; пытался Бондаренко и этому,

такъ чуть-ли не хуже еще: Евдоха свое поетъ, хоть ее на мѣстѣ убей, какъ змѣя на мужа мечется и все вымещаетъ послѣ на бѣдныхъ дѣтяхъ. Плачетъ мужикъ, да, махнувъ руками, бѣжитъ изъ дому, все покидая на волю Божью.

Разъ, въ позднюю, холодную осень, послѣ Покрова, Бондаренко молотилъ весь день на степномъ току, въ полѣ, и воротился домой съ зерномъ, когда ужь смеркалось. Подъѣзжаетъ къ деревнѣ—издали слышна музыка, сиплая скрипица да крики веселья: это Кульбаба праздновалъ свадьбу сына. Шагъ за шагомъ тащились волы Бондаренка по широкой улицѣ, а онъ, лежа на возу съ длиннымъ батогомъ, думалъ: «женятся же люди и страха не знаютъ! И то правда, одинокому хозяйничать нельзя: одинокому — утопиться, а женатому — удавиться! Дай же Богъ Кульбабѣ не плакаться послѣ!» самъ снялъ шапку и перекрестился.

Подъѣзжаетъ къ хатѣ своей—все темно. Растворилъ ворота, вошелъ въ избу — а она и не топлена, ужинать не припасено ничего, и ни дѣтей, ни хозяйки нѣтъ. Закрутилъ головою бѣдный казакъ; весь день проработалъ, съ восхода солнца до самой ночи горячаго не хлебалъ, пріѣхалъ домой, у добрыхъ людей хозяйка припасла ужинать, встрѣчаетъ мужа, помогаетъ ему прибрать что нужно, да собираетъ на столъ—а тутъ ровно въ собачью закуту зашелъ! Еще спасибо, что добрые люди, сосѣди, сжалившись надъ сиротками, приглядываютъ за ними, да видно и теперь взяли ихъ къ себѣ, а то бы сидѣли, бѣдные, въ нетопленной избѣ, не ѣвши.... Пойти, видно, и мнѣ горе-

мычному на эту свадьбу, хоть теперь и не до свадьбы мнѣ, а въ ту же пору въ могилу, да ужь я знаю, что тамъ искать надо чортову Евдоху, прости Господи, гдѣ эта поганая водка есть, а больше нигдѣ.

Пошелъ. Тамъ крикъ, шумъ, смѣхъ, пляска; люди въ праздничныхъ платьяхъ, дѣвки въ цвѣтахъ, дружки гуляютъ съ ручниками чрезъ плечо; музыка играетъ, вино разносятъ, гости пьютъ да гуляютъ да веселятся. А Бондаренко входитъ въ хату, чуть не задыхается: взяло его такое сердце, что вотъ убилъ бы Евдоху до смерти.

— А гдѣ моя?—спросилъ онъ у людей:—на лавкѣ еще, или ужь подъ лавкой? — Подъ лавкой — отвѣчали люди, указавъ туда, гдѣ Евдоха, свернувшись въ безпамятствѣ клубкомъ, лежала, какъ собака на землѣ, и спала. Бондаренко свѣту не взвидѣлъ: онъ кинулся на нее, ухватилъ ее за космы, вытащилъ на средину и замахнулся....—Не тронь, не тронь, не бей!—закричали люди вокругъ:—она же сама не своя и побои твои впрокъ не пойдутъ; потратишься по-пустому! — У Бондаренки опустились руки; онъ опамятовался; слезы прошибли его градомъ. — Будь ты не моя, не людская!—сказалъ онъ, поднявъ обѣ руки кверху: «пропадай ты, какъ пропащая; будь тебѣ недобрая доля и, какъ собакѣ, собачья смерть...»

Люди зароптали на Бондаренку и старались успокоить его и не дать ему продолжать такія проклятія. Онъ отвернулся, спросилъ сосѣдку, которую тутъ же увидѣлъ, гдѣ дѣтки его, и услышавъ, что они спятъ у нея и что бабушка дома, тяжело вздохнулъ и побрелъ домой.

Добрые люди старались привести Евдоху въ чувство и хотѣли проводить ее домой, увѣряя, что мужъ ее бить не станетъ. Она, растрепавъ космы и поводя шальными глазами во всѣ стороны, немного опамятовалась, встала, но домой идти отказалась. Она побрела къ отцу своему, гдѣ хотѣла переспать ночь, покинувъ мужа и хозяйство на произволъ судьбы. Ее выпроводили изъ хаты, и она кой-какъ по заборамъ поплелась въ третью или четвертую избу.

Отецъ встрѣтилъ ее неласково, далъ порядочнаго тумака, разбранилъ; но видя, что ей теперь, пьяной, некуда больше дѣваться, промолчалъ, когда она, также молча, полѣзла на печь. Ночь прошла, настало утро, ужь и нерано, а Евдоха все еще спитъ на печи. Сестра пошла будить ее, по приказанію отца, чтобъ выпроводить домой, а Евдоха ужь и остыла. Пьяная, какъ была, отдала она въ ночи Богу душу, и никто ничего объ этомъ не зналъ и не слыхалъ. Завопила сестра, подбѣжалъ, въ испугѣ, отецъ, въ хатѣ начали голосить; ребятишки отъ страха выбѣжали вонъ на улицу и также принялись ревѣть; услышали сосѣди, подошли, заглянули въ избу, и скоро вся деревня перебывала у отца Евдохи посмотрѣть на покойницу. Какъ сказалъ бѣдный Бондаренко, такъ и сталось.

Поскакалъ сотскій въ судъ съ донесеніемъ о благополучіи, и донесъ о скоропостижно умершей Евдохѣ. Судъ выѣхалъ для слѣдствія съ судовыми панычами, то-есть писарями, жилъ и пировалъ на селѣ трои сутки, разыскивалъ и собиралъ показанія. Взвели подозрѣніе на Бондаренка, что жена умерла отъ побоевъ его; такъ вся свадьба,

человѣкъ тридцать, готовы были присягнуть, что онъ не билъ ее, а только вытащилъ за космы и бросилъ.—«И тутъ онъ могъ убить ее — сказалъ лекарь: — человѣкъ не скотина — его убить недолго.» Знали, что отецъ далъ ей добраго токмача, да объ этомъ никто не говорилъ. Стали отбирать показанія и въ томъ, не билъ ли Бондаренко жены своей когда-нибудь прежде. Онъ самъ первый повинился: «Какъ же мнѣ было не бить, не учить ея» сказалъ онъ, «когда она дѣлала то и то? Случалось, бивалъ, но не такъ же билъ, чтобъ убить ее; да и то давно было, а тутъ ужь сама она отъ рукъ отбилась, и я ея не трогалъ.»

Извѣстно, что такая бѣда обрушается на все село: всѣ виноваты, кого захотятъ притянуть, и всякій боится бѣды этой, какъ огня. Скоропостижно умершій, да еще мертвое тѣло — это хуже пожаровъ и конокрадовъ. Сладили, однакожь, кой-какъ; старики собрались, потолковали между собой, накланялись до-сыта кому слѣдовало, и вышли отъ нихъ довольные. Бондаренко не пожалѣлъ ничего: и плуга, воловъ у него какъ не бывало. Не пожиматься стать, не таково дѣло; унеси да вынеси только Господь!

Вскрыли трупъ Евдохи. Чтó они тамъ смотрѣли, что видѣли, а чего не видали — Господь ихъ знаетъ; но удовольствовавшись тѣмъ, чѣмъ можно было при этомъ бѣдственномъ случаѣ поживиться, написали и подписали протоколъ такой, что умерла-де баба съ перепою, что вся насквозь пропахла виномъ, а наружныхъ знаковъ отъ побоевъ нѣтъ никакихъ.

Разошлись судейскіе господа и судовые панычи по квар-

тирамъ, чтобъ переночевать, а утромъ ѣхать въ городъ. Борщъ съ уткою и вареники и наливки, — всего было приготовлено для нихъ вволю; да вышла какая-то размолвка между стряпчимъ и лекаремъ, а исправникъ придержался стороны стряпчаго. Не ладно ли они подѣлили что-нибудь межъ собою, или совсѣмъ одного обдѣлили, — не знаю, но только лекарь одинъ разсердился на всѣхъ, а они надъ нимъ подшучивали. Вотъ они всѣ отправились гурьбой къ богатому казаку, гдѣ въ чистой, просторной хатѣ все было для нихъ припасено, даже писаря взяли съ собой, а лекаря въ товарищи не приняли, приказавъ ему отвести квартиру на особицу.

Пришелъ лекарь на эту квартиру сердитый; кричитъ: «подавай того, другаго, третьяго!» — Мужикъ кланяется въ поясъ, проситъ прощенья: ему не было сказано напередъ постоя, и онъ ничего не успѣлъ приготовить; что есть про себя, то есть — милости просимъ; а гостей не ждали — не прогнѣвайтесь. — «Какъ, — говоритъ лекарь: — такъ вы меня и въ пѣшку не ставите? Такъ я вамъ нипочемъ? Такъ вотъ вы какъ меня боитесь — а? да вы что жь думаете? Вы думаете теперь и дѣло кончено? Нѣтъ, погоди, я жь вамъ еще всучу щетинку!»

И расходился лекарь нашъ, такъ-что бѣдный мужикъ не зналъ куда дѣваться: только стоитъ у дверей да кланяется въ поясъ. — «Поди, — говоритъ лекарь, — позови мнѣ фершала.» — Позвали. — «Поди; — говоритъ онъ фершалу, — спроси у писаря свидѣтельство, да принеси мнѣ его сейчасъ: надо сдѣлать поправку.» — Фельдшеръ пошелъ и принесъ;

судейскіе господа всѣ дружно и весело гуляли, къ нимъ въ это время не было и приступу; писарь подумалъ, да въ свою голову и отдалъ свидѣтельство. «Коли-де надо лекарю, такъ почему жъ не отдать, возьми.» Лекарь, не говоря ни слова, изорвалъ его, написалъ другое, подписалъ и отдалъ опять. Писарь положилъ его на мѣсто, заглянувъ въ него и не считая даже нужнымъ поминать объ этомъ; а когда, на другой день, всѣ пріѣхали въ судъ, проспавшись дорогою, то секретарь, увидѣвъ, что протоколъ не всѣми подписанъ, подалъ его къ подписи. Видно, господа нехорошо помнили послѣ вчерашняго вечера, что было наканунѣ; одинъ было усомнился, сказавъ:—«Да никакъ мы ужь подписали его вчера?»—Но на отвѣтъ писаря, который ничего не зналъ, что протоколъ-де не подписанъ, двое подписали его, не читавъ; третій, у котораго видно память была потверже, прочиталъ новый протоколъ, прикусилъ губу, смѣтивъ и смекнувъ тотчасъ въ чемъ дѣло; но подумавъ, рѣшилъ, что, вопервыхъ, не стоитъ теперь заводить шумъ изъ-за такой дряни, а вовторыхъ, и поздно: стараго протокола нѣтъ, и мы первые будемъ виноваты. Въ этомъ видѣ дѣло отправлено, съ арестантомъ, въ уѣздный судъ, а тамъ и въ уголовную палату. Исправникъ, и даже самъ стряпчій, узнавъ впослѣдствіи, что они подписали, удовольствовались тѣмъ, что назвали лекаря, съ улыбкой, плутомъ и мошенникомъ; лекарь же, съ своей стороны, былъ очень доволенъ своимъ поступкомъ, полагая, что онъ какъ слѣдуетъ отмстилъ недругамъ и проучилъ ихъ.

V.

ВДОВЕЦЪ.

На Украйнѣ жилъ когда-то казакъ Охримъ Паляныця, какъ живутъ тамъ казаки и доселѣ: не въ богатствѣ, такъ въ довольствѣ, а ужь не безъ пахучихъ засушенокъ надъ кивотцемъ. Добрая жена была у него и двѣ дочки; обѣ еще ни малы, ни велики, а подросточки и погодки; два плуга воловъ, верховой доброѣзжій конь, земли въ достатокъ, баштанъ, садокъ, огородокъ, чистая мазанка, съ вербами и подсолнечниками подъ окнами, съ расписными ёлками, пѣтушками и лошадками на нихъ, по стѣнкамъ бѣлой избы; было и колодъ съ десятокъ пчелъ, неводокъ и ружьишко, висѣвшее съ бараньимъ рогомъ и волчьимъ хвостомъ надъ окошечкомъ.

Пришло жнитво, пошли бабы съ серпами въ поле; день знойный, степь прокаленая, голая, солнце печетъ снавѣсу, холодка нѣтъ. Жена Охрима, славная жница, пошла жать на *выпередки*, уморилась такъ, что языкъ засохъ, да и

выпила глекъ воды. Чрезъ часъ ее схватило, смерть подступила подъ самое сердце; къ вечеру привезли ее домой на волахъ; ночь напролетъ она простонала, не смыкая глазъ, а опять къ вечеру — Богу душу отдала.

Ударился казакъ нашъ головою въ стѣну, проплакалъ да простоналъ съ недѣлю, а тамъ замолкъ. Коли не обнесъ Господь, такъ пить горькую чашу до дна, со смиреніемъ. Пробивалась у него еще порою слеза, когда онъ поглядывалъ на дочерей своихъ, которыя подростали безъ материнскаго призору: кто ихъ по женскому дѣлу научитъ и наставитъ? Кто вразумитъ ихъ, на возрастѣ, какъ себя держать, что годится дѣвкѣ, а что не годится? Кто будетъ имъ вмѣсто родной матери? — Тетка есть, да она не годится — пропащая солдатка, которая добру не научитъ; ее нельзя и въ домъ пускать.

Прошла кой-какъ постылая зима, и насидѣлись дѣвки самъ-другъ въ одиночествѣ, дома, при одномъ отцѣ, прядучи молча за жирничкомъ и выжидая, когда-то проснется красная весна! И вотъ она проснулась, все ожило. Охримъ день за день въ полѣ, а дочери болтаются ужь вовсе однѣ въ домѣ, занимаясь по хозяйству. Двѣ молоденькія дѣвчонки управляются сами-собою: то по воду, то за скотомъ, то отцу обѣдать несутъ въ поле, то за птицей приглядываютъ, то около печи, то хату метутъ, моютъ, скребутъ да бѣлятъ, а всѣ однѣ да однѣ. Подросли онѣ скоро, и никто не видалъ, какъ и когда сложились и вытянулись, и сами на себя и другъ на друга поглядываютъ, что хороши стали, — а все однѣ.

Вотъ и стали мимоходомъ на нихъ поглядывать кой-кто изъ добрыхъ сосѣдей, стали здороваться съ ними, а подъчасъ и заглядываться, то одинъ, то другой. Иной хорошій человѣкъ и остановится, и зайдетъ, и заговорится — времечко уйдетъ, не знаешь куда. А почему бы иному и не зайти? Тутъ просторъ и своя воля; отца нѣтъ, матери нѣтъ, однимъ-однѣ только двѣ дѣвки. А для чего жь и имъ бѣгать добрыхъ людей? Бесѣда бесѣдой, сердцу легче, а и работа лучше спорится самъ-третей да самъ-четвертъ. Вскорѣ дворъ Охрима Паляныци сталъ какимъ-то сборнымъ мѣстомъ для шаловливой, праздной молодежи, и хорошіе люди стали больно на это коситься. Дѣвки-де молоды и глупы, ни худа, ни добра не смыслятъ, а славу пустятъ нехорошую. Глупость да дурость, а послѣ и съ умомъ не поправишь; надо сказать отцу.

И сказали. Малоросы дѣтей своихъ любятъ болѣе или, лучше сказать, разумнѣе нашего, и воспитываютъ ихъ нѣсколько получше, потому что у нихъ нравственная половина человѣка менѣе загрубѣла; при всемъ томъ, однако, Охримъ, страшась безчестья на свою сѣдую голову, сумѣлъ только дать свободу сердцу и огорченію своему. Онъ долго журилъ дочерей, говорилъ, говорилъ, да и самъ заплакалъ. «Что я стану дѣлать», подумалъ онъ, «коли ужь на то пойдетъ? Мнѣ ихъ не устеречь, за всѣми шатунами на селѣ не усмотрѣть. Погубятъ онѣ, дѣвки мои, мою головушку! Осиротѣлъ я за-одно съ вами — за-одно съ вами доведется и плакать.»

Дочери обѣ заклинались и обѣщали, что впередъ этого не будетъ.

Не будетъ! Легко сказать это, исполнить очень мудрено. —«А ну васъ, подите вы, да отвяжитесь вы, да отойдите прочь — вотъ отецъ узнаетъ, бѣда будетъ.» Такъ гоняли онѣ незваныхъ посѣтителей, когда батько былъ въ полѣ; разъ-другой онѣ даже отъ нихъ уходили къ сосѣдкамъ; но— поваженный, что наряженный, и отбою нѣтъ, а на каждый часъ побранки не напасешься. Кончилось тѣмъ, что надо было имъ, и нехотя, искать себѣ защитниковъ и отстою на сторонѣ же, и что Маруся, гоняя всѣхъ, смалчивала, когда приходилъ Остапъ Витряченко; а Ганка не бранилась съ Семенчукомъ.

Узналъ отецъ и объ этомъ, и хотя былъ добрый отецъ и смирный мужикъ, но, любя дочерей и добрую славу ихъ, побилъ на этотъ разъ обѣихъ, строго-на-строго запретивъ, чтобъ безъ него ничья нога не была у нихъ въ избѣ. Остапу и Семенчуку объявилъ онъ, при стороннихъ людяхъ, что такъ дѣлать не годится, и коли-де, храни Богъ, застанетъ ихъ у себя, то искалѣчитъ, а не то и убьетъ. Сердце на острастку мѣры не знаетъ; отстаивая дочерей своихъ, сиротъ, которыхъ любилъ и берегъ пуще глазу, Охримъ наговорилъ много и лишняго, только бы запугать парней и отвадить ихъ отъ дома.

Такъ на этомъ свѣтѣ все всупоръ идетъ: одному бы хотѣлось такъ, а другому надо иначе; одинъ за порогъ, а другой поперекъ — а поглядишь, оба правы. Помнить бы намъ это, осуждая другихъ!

Ну, и гоняютъ дѣвки мои гостей строго, а они тутъ какъ тутъ; поваженый, что наряженый, а кто за этимъ дѣломъ ходитъ, тотъ и страху не знаетъ, Гдѣ и когда видано, чтобъ такихъ гостей можно было отвадить острасткой! Это запой своего рода, который излечиваютъ не лекаря наши, а развѣ только знахари и шептухи.

Приходитъ Охримъ однажды съ работы поздно вечеромъ домой. На дворѣ давно смерклось; въ окнахъ тутъ и тамъ свѣтится огонекъ — а у него въ избѣ темно. «Знать уснули дѣвки мои, соскучились, бѣдняжки», подумалъ онъ, а между тѣмъ сердце что-то захолонуло и локти и колѣни развязались, словно почуялъ что-то недоброе. Самъ не зная отчего и къ чему, онъ перекрестился и вошелъ тихомолкомъ въ хату.

Дверь скрипнула подъ его рукой; по угламъ какъ-будто что зашевелилось, и смолкло.—«Дѣти! Маруся, Ганна! гдѣ вы?»—Маруся и Ганна отозвались спросонья; онѣ обѣ спали и не видѣли, какъ скрала ихъ темна ноченька, которая на югѣ настаетъ не какъ у насъ, за полуторачасовыми сумерками, а вдругъ, потому что солнышко закатывается отвѣсно. Уморившись днемъ работою и дожидаясь отца, дѣвки соскучились и уснули.

«Что жь у васъ и огня-то нѣтъ, дѣти? Вздуйте огня!»—говорилъ отецъ, идучи ощупью вокругъ по стѣнамъ, и не успѣлъ нащупать въ углу подлѣ печи какого-то живаго человѣка, какъ этотъ нырнулъ у него изъ-подъ мышки и кинулся, сломя голову, въ дверь.—«Стой! воры! ратуйте!»—закричалъ Охримъ не своимъ голосомъ, кинувшись со всѣхъ

ногъ за нимъ, и только успѣлъ припереть въ сѣняхъ двери, какъ вдругъ очутился носомъ къ носу съ другимъ незванымъ гостемъ, который въ одно время съ хозяиномъ откуда-то кинулся къ сѣннымъ дверямъ. Онъ вырвался впотьмахъ изъ рукъ старика, который кричалъ: —«Огня! Маруся, Ганна, огня!»—а самъ ухватилъ кій свой, толстый посохъ, стоявшій на своемъ мѣстѣ, въ уголку подлѣ сѣнныхъ дверей, и затѣмъ, прикрывая собою двери, продолжалъ, съ острастками и бранью, требовать огня и звать на помощь.

Но огонь вздувался очень медленно, а между тѣмъ по лѣсенкѣ, ведущей на чердакъ, послышался стукъ кованыхъ и подбитыхъ крупными гвоздями сапогъ: видно, туда прокрадывался пойманный врасплохъ незваный посѣтитель, потерявшій всякую надежду на спасеніе другимъ путемъ; на предательскій же звукъ кованыхъ чоботовъ своихъ онъ не разсчитывалъ. Дѣвки, перепуганныя на-смерть, не зная что дѣлать, мѣшкали, все еще надѣясь, что посѣтители впотьмахъ успѣютъ скрыться; отецъ кричалъ и бранился въ нетерпѣньѣ, а услышавъ, куда воръ пробирается, бросился за нимъ на чердакъ: тамъ все было тихо. Окликнувъ нѣсколько разъ съ угрозами своего ворога и полагая, что онъ прижался гдѣ-нибудь въ углу, старикъ нагнулся, и пустивъ увѣсистый посохъ свой корневымъ концомъ впередъ, сталъ шаркать имъ съ-размаху вокругъ себя по подволокѣ, надѣясь ощупать вора порядочнымъ ударомъ по ногамъ.

Семенчукъ (это былъ онъ), полагая, что старикъ пойдетъ нащупывать его руками, прилегъ на-земь, вытянув-

шись во всю длину, вплоть подъ самой стрѣлою, гдѣ кровля примыкаетъ къ накату. Онъ надѣялся пропустить старика мимо себя и позади его выскочить, кинуться внизъ и послѣдовать за товарищемъ своимъ, котораго глухой топотъ раздался по улицѣ и вскорѣ заглохъ. Съ жадною завистью Семенчукъ вслушивался въ топотъ этотъ, прижавшись вплоть къ накату, какъ вдругъ пущенный съ разгону кій Охрима угодилъ его концомъ въ косицу. Старикъ, услышавъ, по удару, что наткнулся на того, кого искалъ, закричалъ: «Вставай, выходи»,—и сталъ ощупывать мѣсто тычкомъ. Но попавшійся въ ловушку лежалъ, притаясь, смирно, не шевелился, не отзывался. Послѣ долгагѣ крику, зову и угрозъ старика, наконецъ дѣвки подали наверхъ огня. Охримъ стоялъ, прижавъ врага своего дубиной; но, при свѣтѣ вскорѣ убѣдился, что этого держать было не для чего, что онъ не уйдетъ, потому что мертвые не ходятъ. Шаря по накату кіемъ, Охримъ ударилъ Семенчука впотьмахъ со всего размаху по головѣ—и Семенчукъ на мѣстѣ испустилъ дыханіе, не подавъ и голосу.

Сбѣжались сосѣди; вой и голошенье въ избѣ Охрима и зовъ его самого всполошили все село. Стали было оттирать Семенчука, да мертвые не оживаютъ. Сотскій поскакалъ въ судъ; началось слѣдствіе, а Охрима, до времени, посадили въ колодку.

Что было съ Марусей и Ганной, какую провели онѣ ночь, когда старика-отца ихъ увели, какъ преступника, а сами онѣ, покинувъ съ рыданіемъ родительскую хату, гдѣ оставался только мертвый Семенчукъ, съ неизмѣннымъ въ та-

кихъ случаяхъ карауломъ, побрели, вслѣдъ за добрыми сосѣдями, подъ чужую кровлю!

Долго еще тянулись слѣдствіе и судъ; Охрима Паляныцю отправили въ острогъ: въ уѣздный, а тамъ и въ губернскій городъ, для передопроса; тамъ сидѣлъ онъ съ грабителями и убійцами, не чая конца и развязки, не только спасенія. Наконецъ, Господь надъ нимъ смиловался: его отправили на годъ въ монастырь, на покаяніе.

Отбывъ эпитимью, бѣдный Охримъ воротился домой. Онъ пришелъ въ завѣтный кутъ свой вечеркомъ; никто его не замѣтилъ, онъ сидѣлъ уже съ часъ на заваленкѣ, предъ своею хатою, пустою и наглухо заколоченною, сидѣлъ, понуривъ голову на обѣ руки и плакалъ. Люди, мимоходомъ, смотрѣли на него въ недоумѣніи, будто не довѣряя своимъ глазамъ; глухая молва прошла по селу, народъ сошелся...

Охримъ поднялъ голову, когда замѣтилъ, что люди его окружаютъ, и двѣ статныя женщины съ воплемъ кинулись ему на шею, а Остапъ Витряченко молча припалъ къ ногамъ его.

VI.

ВОРОЖЕЯ.

Прибывъ самъ-другъ съ товарищемъ въ дѣйствующую армію нашу, подъ Силистрію, мы начали устроиваться тамъ и обзаводиться военно-походнымъ хозяйствомъ. Одна изъ первыхъ и главныхъ потребностей или принадлежностей его, для новичка, это — конюхъ и конюшенный, приспѣшникъ и кравчій, домострой и постельникъ, уходчикъ и пѣстунъ, въ одномъ и томъ же лицѣ, то есть деньщикъ. Намъ привели двоихъ малоспособныхъ для фронта пензянъ, и, послѣ недолгихъ переговоровъ съ ними, мы въ самомъ дѣлѣ убѣдились въ добросовѣстномъ выборѣ ихъ, то есть въ малоспособности ихъ во всѣхъ отношеніяхъ, не только по части фронтовой. Андрей, доставшійся, по семейному раздѣлу, на долю товарища моего, показалъ по крайней мѣрѣ съ перваго дня необычайную способность къ ѣдѣ, пожирая все безъ разбору, въ какомъ угодно видѣ и количествѣ; Степанъ же, мой несчастный и невольный прихво-

стень, не могъ похвалиться даже и этимъ: нѣжный, брезгливый, слабосильный, вялый и визгливый, съ бѣлобрысымъ женскимъ личикомъ, съ суконнымъ языкомъ, который не умѣлъ произнести половины буквъ русской азбуки, этотъ матушкинъ сынокъ болѣе походилъ на какого-то барскаго баловня, чѣмъ на солдатика; онъ всегда ходилъ неряхой, распустивъ нюни, не умѣлъ ни умыться, ни застегнуться, по крайней мѣрѣ, не любилъ ни того, ни другаго, и въ оправданіе свое приводилъ то, что былъ не крестьянскій сынъ, а подкидышъ тонкаго происхожденія, которому тошно было хлебать деревянною ложкой. Что касается Андрея, онъ обжорливость свою оправдывалъ тѣмъ, что въ Пензенской губерніи два года сряду былъ неурожай и голодъ; а относительно неуклюжести своей сознавался откровенно, что на то была воля Господня.

Два земляка эти, поступившіе вмѣстѣ въ общее хозяйство наше, ссорились и бранились всегда и вездѣ, гдѣ только сходились, а судьба и служба свела ихъ у насъ и къ одному костру и подъ одну общую ношемку. Вникнувъ въ силу и способности каждаго, мы пожаловали Андрея саномъ конюшаго и обознаго, а Степана произвели въ дворецкіе, расходчики, ключники и приспѣшники. Андрею поручены были походныя лошади, фуражъ, вьюки и присталый болгарскій песъ; Степану, по сокрытымъ въ немъ наклонностямъ и дарованіямъ — уходъ за господами, одежда, столъ, кухня и оружіе. Въ походное время обязанность приспѣшника незамысловата: каша — мать наша, да кашица—кормилица, отвѣчаютъ за все. Но оказалось, что и

эта незатѣйливая обязанность не только затрудняла бѣднаго Степана, а приводила его въ совершенное отчаяніе. Отъ близости огня у него трескались и болѣли лицо и руки, онъ не выходилъ изъ цыпокъ; первое и послѣднее блюдо наше — каша, всегда пригорала, потому-что онъ никакъ не могъ выучиться мѣшать ее со дна, а поваживалъ веселкомъ сверху, взбалтывая одну жижицу; притомъ онъ и боялся приступиться къ огню и дыму, даже не умѣлъ подойти къ котелку съ-нàвѣтру, а садился подъ дымъ, куксилъ глаза и плакалъ, какъ малый ребенокъ. При всемъ желаніи сохранить въ походной семьѣ своей миръ и покой, мы за все это ссорились съ нимъ, а онъ отпискивался визгливымъ голосомъ, увѣряя, что ему и такъ уже нѣтъ мочи, что тяжкая служба вгонитъ его въ гробъ, а затѣмъ начиналъ горько плакать и попрекать Андрея, называя его обжорой и дармоѣдомъ. Предлогомъ къ попрекамъ этимъ главнѣйше служило то, что Степа варилъ на Андрея кашу, то есть что и самъ Степанъ и Андрей ѣли изъ одного общаго съ нами котла. Не было никакой возможности вразумить этого взрослаго ребенка, что напротивъ, Андрей работаетъ за него, а онъ живетъ полубариномъ, потому-что у Андрея на рукахъ шесть лошадей и вся тяжелая работа. Изъ этого вскорѣ вышли взаимныя ссоры и попреки, потому-что и Андрей, при всей медвѣжьей кротости и малорѣчивости своей, не оставался въ долгу передъ землякомъ своимъ, особенно, когда Степанъ называлъ его обжорой, божась, почти со слезами, что ненасытную утробу эту ничѣмъ нельзя наполнить, и что Андрей, въ продолженіе каж-

даго перехода, особенно ночнаго, пожираетъ всѣ наличные сухари и, сверхъ того, столько сыраго пшена, сколько успѣетъ украсть у дворецкаго Степана. Андрей отбранивался, бормоталъ и оправдывался двугодичнымъ неурожаемъ въ Пензенской губерніи.

По случаю подобной ссоры, Стёпа однажды провозгласилъ рѣзкимъ и плаксивымъ голосомъ на весь станъ, что Богъ накажетъ когда-нибудь Андрея за его прожорство, и что Андрей непремѣнно будетъ современемъ воромъ. На чемъ онъ такъ положительно основывалъ такое заключеніе — неизвѣстно; но Андрей, въ свою очередь, вздумалъ обидѣться такимъ пророчествомъ и напустился на Стёпу, стараясь кричать изо всей силы, хотя и ворчалъ себѣ только подъ носъ, такъ что, кромѣ ближайшихъ сосѣдей, брани этой никто бы и не слышалъ, еслибъ Степанъ, отчаянно завывая, не повторялъ словъ Андрея напѣвомъ причитанья по покойнику. Андрей предсказалъ своему товарищу другое, а именно, что онъ будетъ повѣшенъ, какъ скаредный жидъ. За что́, кѣмъ и ка́къ, — этого Андрей, не любившій многословія, не объяснялъ; не менѣе того, Степанъ расплакался за обиду эту и вылъ на́взрыдъ, на смѣхъ и позоръ кочевыхъ обитателей всѣхъ сосѣднихъ палатокъ, а къ довершенію всего, пришелъ къ намъ жаловаться на Андрея, точно какъ семилѣтній ребенокъ на своего школьнаго товарища.

Прошло нѣсколько дней, и армія наша, внезапно снявшись, пошла на встрѣчу визирю, разбила его подъ Кулевчами, расположилась на время подъ Шумлою, опять сня-

лась и перевалилась черезъ Балканы. Послѣ занятія Селимно, гдѣ турки стали было окапываться и притворились, будто хотятъ дать отпоръ, мы опять снялись и пошли далѣе, на Адріанополь. На этомъ переходѣ, среди роскошной природы и въ прекрасный лѣтній день, мы съ товарищемъ утѣшались еще одною, весьма благотворною для насъ случайностью: мы достали въ Селимно кой-чего съѣстнаго; такая пожива въ это время была въ рѣдкость, и, бесѣдуя о роскошномъ столѣ, который насъ ожидаетъ на привалѣ и ночлегѣ, мы уже спозаранку облизывались. У насъ именно появился бѣлый хлѣбъ, толокно изъ бобовъ, копченая рыба, медъ, каймокъ и маслины. Такой роскоши мы ужь очень давно не знавали, а потому и принялись, покачиваясь рядомъ на усталыхъ клячахъ, перебирать и раскидывать на ушахъ, какой именно у насъ сегодня будетъ обѣдъ и ужинъ. Мы еще спорили о томъ, раздѣлить ли припасы эти на обѣдъ и на ужинъ, или устроить, вмѣсто обѣда, легонькую закуску, въ сухомятку, и попировать за походнымъ ужиномъ въ полномъ раздольѣ; я отстаивалъ послѣднее, потому особенно, что на ночлегѣ будетъ подосужнѣе заняться этимъ дѣломъ: привалъ, какъ нерѣдко случалось, можетъ выпасть очень короткій, такъ что не только не успѣешь вкусить всѣхъ предстоящихъ насущныхъ благъ, но, можетъ быть, доведется расхлебать впопыхахъ недоваренную крупицу. Товарищъ мой, напротивъ, требовалъ немедленной расправы, какъ только придемъ на привалъ, утверждая, что всегда надо пользоваться настоящимъ и подручнымъ, не надѣясь на обманчивую будущность. Я воз-

разилъ, что въ этомъ случаѣ будущность не можетъ быть названа обманчивою, потому-что весь богатый припасъ нашъ везется вслѣдъ за нами Стёпой, въ пестрыхъ перекидныхъ сумкахъ.

За этимъ разногласіемъ засталъ насъ и самый привалъ; мы расположились у маленькаго кустика — все какъ будто притонъ — и вскорѣ отыскали своего главнаго конюшаго, Андрея, а Степанъ куда-то запропастился. На бѣду, у него, какъ у метръд'отеля нашего, были всѣ наши съѣстные припасы, все, кромѣ мѣшка сухарей, навьюченнаго позади Андрея. Долго мы поглядывали во всѣ стороны, не постигая, куда этотъ разиня дѣвался; долго мы искали его, то пѣши, то верхами, разсылали также во всѣ стороны Андрея, но Степанъ пропалъ, какъ сквозь землю провалился, а съ нимъ вмѣстѣ и обѣдъ нашъ, который и пришлось такимъ образомъ поневолѣ отложить до ужина. Мы снялись съ привалу впроголодь, на всемъ переходѣ продолжали искать своего Стёпу, пропускали мимо себя весь отрядъ и на рысяхъ опять вступали въ свои мѣста, распрашивали всѣхъ деньщиковъ, всю такъ называемую нестроевую, заподную силу, весь обозъ,— но никто ничего не зналъ о Степанѣ. Мы разузнали только, что онъ утромъ на выходахъ опять перебранивался съ Андреемъ, потѣшая этимъ, по обыкновенію, всю обозную силу, что расплакался, разсердился и отъѣхалъ съ своимъ вьюкомъ въ сторону; болѣе его никто не видалъ. Вечеромъ пришли мы на ночлегъ — Степана нѣтъ, и нѣтъ его по нынѣшній день: онъ пропалъ безъ вѣсти. На самые настойчивые допросы

наши, Андрей ворчалъ про себя хладнокровно, что Степана турки удавили въ лѣсу; при этомъ убѣжденіи онъ остался и, повидимому, не очень скорбѣлъ о такой незавидной участи своего бѣднаго земляка и товарища.

Прошло года два или три; о Степанѣ давно забыли, какъ и о пропавшихъ съ нимъ вмѣстѣ лошадяхъ съ чемоданами и бобовымъ толокномъ и медомъ. Андрей все еще служилъ вѣрой и правдой у моего товарища; несмотря на неисправимую несуразность свою, медвѣжью стать, неутолимую обжорливость по случаю двугодичнаго неурожая въ Пензѣ и Богомъ данное тупоуміе, онъ попривыкъ жить въ домѣ по-людски, былъ тихъ и послушенъ, не пилъ, сталъ довольно памятливъ на приказанія и въ особенности прослылъ въ домѣ за честнаго человѣка; всѣ мелочныя покупки поручались ему, и никогда не было въ немъ замѣчено даже малѣйшей склонности къ поживѣ. Въ крайней простотѣ своей, онъ еще не выучился сводить самаго простаго счета, а указывая пальцемъ на каждую купленную вещь, сказывалъ безошибочно, чего она стоила. Первое время, правда, онъ вздумалъ было, для памяти, класть на купленной говядинѣ мѣтки ножомъ, вырѣзывая въ ней столько ушей, сколько, по его способу счисленія, приходилось; но когда это ему запретили, то онъ вскорѣ привелъ память свою въ такое натужное положеніе, что затверживалъ безошибочно наизустъ вѣсъ и цѣну. Глупостью своею, правда, онъ невсегда смѣшилъ, а иногда и выводилъ барина изъ терпѣнія; но гдѣ же взять деньщика-умницу, да притомъ еще и честнаго, когда уже давно сказано, даже о другихъ сословіяхъ, по-

выше деньщичьяго, что умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ?... Если же простота и бываетъ подъ-часъ хуже воровства, то это, конечно, относится только до слона на воеводствѣ, а не до служителя: тутъ, конечно, честность и послушаніе дороже ума. Прислугѣ говорятъ: не дѣлай своего хорошаго или умнаго, а дѣлай мое худое или глупое...

Итакъ, Андрей жилъ и служилъ смирно и честно, соблазняя только иногда дворню моего пріятеля несуразностью своею и медвѣжьими пріемами; но и этимъ онъ болѣе тѣшилъ людей, чѣмъ досаждалъ имъ, перенося съ удивительнымъ равнодушіемъ и стойкостью всѣ ихъ придирки и насмѣшки. Даже когда онъ начиналъ ворчать и отбраниваться, то и это болѣе служило ко всеобщему увеселенію; сердиться и обижаться этою забавною воркотнею могъ только такой глупый, избалованный ребенокъ, какъ мой покойный Степа.

Но рать стоитъ въ полѣ до мира, а миръ стоитъ до рати. Въ людской моего пріятеля сдѣлалось однажды, какъ люди его выразились, большое замѣшаньеце. Послѣ суточнаго крику, брани и перекоровъ, кучеръ пришелъ къ барину въ самомъ отчаянномъ расположеніи и началъ, по обычаю, рѣчь свою словами: — «Власть ваша...» — а кончилъ тѣмъ, что отъ Андрея житья нѣтъ въ домѣ и что Андрей укралъ у него пять рублей. Баринъ очень удивился этой жалобѣ и хотя считалъ ее какою-нибудь глупою клеветою, не менѣе того сдѣлалъ домашнее разбирательство, но не могъ раскрыть ничего и побранилъ кучера за такой поклепъ на человѣка, доселѣ всегда честнаго, тѣмъ болѣе, что у кучера былъ одинъ только довольно голословный до-

водъ, что денегъ болѣе украсть было некому.—«Власть ваша— говорилъ разобиженный кучеръ:—а этакъ жить нельзя; а кромѣ Андрея украсть некому; притомъ Андрей и самъ сказывалъ, что другой деньщикъ и землякъ его, котораго турки гдѣ-то удавили, напророчилъ передъ смертью своею Андрею, что онъ неминуемо проkрадется и будетъ на своемъ вѣку воромъ.»

Трудно опровергать доказательства и убѣжденія такого рода. Кучеръ говорилъ свое, успокоился повидимому на сутки, а тамъ опять пришелъ съ тою же жалобой и съ тѣми же на нее доказательствами. Баринъ вынужденъ былъ прогнать его окончательно, объявивъ, что болѣе объ этомъ дѣлѣ ничего слышать не хочетъ.

Прошло нѣсколько дней; баринъ думалъ, что все забыто, какъ вдругъ опять кучеръ является съ слѣдующею просьбою: приказать Андрею сходить съ нимъ вмѣстѣ къ ворожеѣ.—«Если Андрей невиноватъ,— говорилъ онъ: — то ему бояться нечего; а коли струситъ да не пойдетъ, такъ воля ваша, а онъ укралъ деньги.»—Чтобъ отвязаться отъ докуки этой и кончить дѣло, баринъ безъ слова разрѣшилъ имъ идти вдвоемъ къ ворожеѣ, въ томъ убѣжденіи, что знахари и шептуньи въ этомъ отношеніи всегда бываютъ осторожны и никогда прямаго обвиненія, особенно въ глаза, никому не выскажутъ. Андрей не отказывался, и, послѣ предварительныхъ справокъ кучера, назначенъ былъ имъ день и велѣно быть на мѣстѣ съ восходомъ солнца.

Дѣло это было въ Петербургѣ, гдѣ всего довольно, даже и ворожей, хотя о нихъ, быть можетъ, и знаетъ не всякій,

но кому онѣ нужны, тотъ найдетъ ихъ тамъ всегда. Ворожея, о которой у насъ идетъ рѣчь, жила въ ветхомъ домикѣ у московской заставы. Она — не застава то есть, а ворожея — была въ то же время извѣстна не только въ кучерскомъ кругу, но и гораздо повыше. Сосѣди сказывали, что видаютъ иногда щегольскія кареты и коляски, если не у хилаго подъѣзда лачужки, то гдѣ-нибудь невдалекѣ, и что кареты эти стоятъ тутъ по цѣлымъ часамъ въ ожиданіи возвращенія господъ своихъ, пробирающихся украдкою по стѣнкѣ, то съ нахлобученной шляпой и приподнятымъ воротникомъ, то подъ опущеннымъ капоромъ и покрываломъ. Чѣмъ болѣе въ старухѣ этой выказывалось дикаго, страннаго и причудливаго, тѣмъ съ большимъ раболѣпствомъ и довѣрчивостью къ ней приближались. Она принимала посѣтителей по выбору, и то за великую милость, но ужь зато всегда говорила одну только правду; а еслибъ ей случилось соврать что-нибудь, то, вѣроятно, этимъ бы никто не похвалился, потому-что упрямство и причуды ея извѣстны были всякому, и она, какъ давно всѣ знали, врала только развѣ съ умыслу, чтобъ дурачить нелюбаго ей посѣтителя. Есть пословица, которая спрашиваетъ: давно ли ты, бабушка, стала ворожить? и сама же отвѣчаетъ: а какъ нечего стало на зубъ положить; но пословица эта, какъ увѣряли, не шла къ нашей ворожеѣ, потому-что она ни за что и ни отъ кого не принимала денегъ, а принимала только посильныя приношенія въ пользу бѣдныхъ, погорѣлыхъ, заключенныхъ, калѣкъ, вдовъ и сиротъ, также на сооруженіе храмовъ, для чего у нея и были разставлены

по всему столу кружки съ приличными надписями. Кто открываетъ и выбираетъ кружки эти и куда идутъ изъ нихъ деньги — объ этомъ некому было заботиться, да и не у кого было бы объ этомъ допроситься.

Къ этой-то знаменитой ворожеѣ, которая всегда говорила одну только правду и разгадывала все, что хотѣла, кучеръ нашъ получилъ доступъ, за великую милость, по тому поводу, что наша Марина вашей Катеринѣ приходится двоюродной Прасковьей: ворожейкина кухарка и кофейница, коренная выборгская чухонка, приходилась сватьей кумѣ кучера по племяннику ея, отставному солдату, отдавшему дочь за подмастерья серебряныхъ дѣлъ.

Итакъ, пригласивъ еще съ вечера Андрея, который, не призадумавшись, готовъ былъ идти къ какой угодно ворожеѣ, потому-что совѣсть у него чиста и онъ никакихъ ворожей не боится, кучеръ всталъ до свѣту, разбудилъ медвѣдя-Андрея, помолился и натощакъ, какъ велѣно было, отправился съ Выборгской стороны за московскую заставу. Пришли кажется во-время: солнце только-что подымается. Кумина сватья, ворожейкина кухарка, къ которой кучеръ осторожно постучался въ окно, объявила, что знахарка еще не вставала и велѣла обождать. Время стояло довольно теплое; у воротъ лачужки положена была доска на два камня, конечно, для терпѣливыхъ посѣтителей, и кучеръ съ Андреемъ присѣли рядкомъ, какъ добрые пріятели, и, въ ожиданіи роковаго суда, занялись дружеской бесѣдой. Прошло около получаса; кухарка, обѣщавшая вскорѣ позвать посѣтителей, не показывалась; кучеръ всталъ и пошелъ къ по-

кровительницѣ своей, чтобъ справиться, въ добромъ ли здоровьѣ хозяйка и скоро ли она осчастливитъ ихъ великими милостями своими. «А вотъ сейчасъ», сказала кухарка, которая также ходила *около горячаго:* «вотъ пойду и доложу опять», продолжала она, устанавливая чашку, кофейникъ и сливочникъ на подносъ: «я ужь докладывала: обѣщала принять, хоть и поворчала немного. Вотъ, чай, позову скоро.» Кучеръ пошелъ слѣдомъ за нею изъ кухни въ сѣни, благодаря ее съ поклонами на этомъ короткомъ перепутьѣ за многія и великія милости ея, обѣщалъ не забывать ея впередъ и остановился, въ ожиданіи рѣшенія, въ сѣняхъ, передъ входомъ въ таинственную половину гадальщицы.

И въ самомъ дѣлѣ, не успѣлъ нашъ кучеръ выставить впередъ одну ногу, сложить и опустить передъ собою обѣ руки со шляпой и наклонить голову нѣсколько впередъ и на бокъ, и только-что собрался было вздохнуть и охнуть втихомолку въ этомъ выжидательномъ положеніи, какъ дверь съ жилой половины опять немного растворилась, и покровительница кучера, кумина сватья, выглянувъ оттуда, торопливо сказала: «идите, зоветъ!»

Кучеръ бросился опрометью къ воротамъ, призывая подсудимаго по имени — отвѣта не было. Выбѣжавъ за ворота, взглянувъ на лавочку и оглянувшись кругомъ, кучеръ выразилъ нетерпѣніе свое побранкою и продолжалъ, выходя на средину улицы и глядя то въ одинъ конецъ, то въ другой: «Что за недобрая! куда его теперь на грѣхъ унесло? Вотъ какъ осерчаетъ ворожейка да не пуститъ меня за это, такъ и кланяйся, и пропали мои пять рублёвъ! Экой

проклятый! Андрей, слышь, что ли? Андрей!» Долго еще кучеръ покрикивалъ Андрея, то заходя во дворъ, то выходя опять на улицу, то за однимъ угломъ, то за другимъ, — но Андрей не отзывался. Кучеръ еще оглянулся, нѣтъ ли гдѣ вблизи *заведенія*, куда бы могъ укрыться Андрей, соскучившись натощакъ дожидаться развязки; но, не говоря уже о томъ, что въ условіи было явиться натощакъ, такого заведенія нигдѣ вблизи не было видно, а проѣзжавшій порожнёмъ извощикъ, на вопросъ кучера, увѣрилъ его, что его по близости нѣтъ. Отчаянный кучеръ не зналъ что подумать и что начать. Въ это время кухарка опять показалась въ дверяхъ лачуги и стала манить къ себѣ рукою кучера; онъ подбѣжалъ къ ней и только было собрался распустить на свободѣ незастѣнчивую гортань свою, чтобъ дать полный просторъ правдивому негодованію, какъ кухарка заставила его молчать и объявила, именемъ своей госпожи, что ему незачѣмъ ходить къ ней: она сейчасъ посмотрѣла на свои ногти и объявила это, прибавивъ, что кучеръ пропажи своей никогда не отыщетъ, пусть и не хлопочетъ: воръ бѣжалъ изъ Петербурга и бѣжалъ такъ удачно, что его никто и никогда не найдетъ.

Почесавшись, поблагодаривъ и поэхмакавъ разъ десять, разсказывая притомъ, кáкъ Андрей вотъ сію минуту былъ здѣсь и сидѣлъ вотъ на этой лавочкѣ, кучеръ наконецъ былъ покинутъ покровительницею своею и отправился домой. Во всю дорогу не переставалъ онъ честить Андрея всѣми почетами, какіе только приходили ему въ голову.

Онъ надѣялся, однако, застать своего ворога дома, въ людской; но дома его не было, и домой, по крайней мѣрѣ въ этотъ день, онъ не приходилъ. Андрей никогда болѣе не приходилъ. Онъ пропалъ безъ вѣсти, какъ нѣкогда землякъ его, Степанъ, только не повѣшенный турками, а прокравшись, и пропадаетъ по нынѣшній день.

VII.

ПРОМЫШЛЕННИКЪ.

Гуляевъ, поручикъ кирасирскаго полка, поселеннаго въ Новороссійскомъ краѣ, сидѣлъ подъ-вечеръ съ трубкою у окна и глядѣлъ на широкую улицу. Насупротивъ его былъ цѣлый рядъ очень опрятныхъ, выбѣленныхъ домиковъ, съ желтыми обводами, отдѣленными другъ отъ друга красивенькимъ заборомъ изъ сырцоваго кирпича, сложеннаго въ рѣшетку съ продушинами; кровли соломенныя, гладкія, со стрѣхою въ обрубъ, отливали яркую желтизну на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ подновлены были недавно свѣжей соломой; легонькія ворота, сколоченныя изъ трехъ поперечныхъ латвинъ на трехъ продольныхъ, придавали дворамъ болѣе сельскій видъ, украшаемый еще насаженною вдоль всей улицы просадью бѣлыхъ акацій. Дворы и улицы были чисто выметены и, по обширности своей, казались пустыми; покрайней мѣрѣ, не видать было ни скотинки, ни поросёнка, ни дворовой птицы. Далѣе, за этимъ рядомъ хатъ, разсти-

лалась степь, повидимому, такъ же выметенная, вычищенная и едва ли не вылощенная — только рукою самой природы.

«Экая скука!» подумалъ Гуляевъ: «хоть бы какая-нибудь корова прошла, такъ бы приманилъ ее къ окну хлѣбцемъ да надѣлъ ей, для потѣхи, пару старыхъ сапожищевъ на рога, — такъ нѣтъ, это не у насъ, тутъ и коровы глядятъ буйволами. Давно не было писемъ отъ брата изъ Питера, что-то онъ подѣлываетъ? Да̀, онъ счастливѣе меня: ему далъ Богъ и судьбу, и дарованія; пописываетъ себѣ стишки — и правъ. И въ обществахъ хорошихъ бываетъ, и съ порядочными людьми знается; а тутъ одурѣешь съ тоски: глушь такая, что ни одинъ шутъ сюда не заѣдетъ.... Что это? никакъ колокольчикъ? Видно, почта наша.... да нѣтъ, ныньче вторникъ! Такъ, видно, къ полковнику.... Вотъ тебѣ разъ, мужикъ прямо указалъ на мою хату.... та̀къ и есть, прямо сюда.... Что бы это значило? Почтовая перекладная пара, а въ телегѣ какой-то молодчикъ въ венгеркѣ....»

Молодчикъ этотъ ловко соскочилъ съ телеги, перевалившись бочкомъ черезъ грядку, и вошелъ въ комнату, спросивъ только мелькомъ и мимоходомъ деньщика въ передней: «А что, здѣсь стоитъ поручикъ Гуляевъ?» Раскланявшись человѣкомъ бывалымъ съ хозяиномъ и вынувъ при этомъ, изъ вѣжливости, трубку свою изо рта, пріѣзжій извинился въ причиненномъ безпокойствѣ, сказалъ, что случай и обстоятельства завели его въ край этотъ, на чужбину, и что онъ, услышавъ о пребываніи здѣсь Павла

Ивановича Гуляева, не могъ отказать себѣ въ удовольствіи посѣтить брата Александра Ивановича, съ которымъ онъ столько времени. былъ коротко знакомъ въ Петербургѣ, какъ товарищъ по призванію, по занятіямъ словесностью.

— Я также кой-что пописывалъ,—продолжалъ онъ:—хотя и не смѣю равняться по достоинству съ братцемъ вашимъ; но онъ былъ всегда такъ добръ и ласковъ ко мнѣ.... о! онъ такъ меня любилъ и, бывало, часто говаривалъ: «Ну, Гриша, Богъ приведетъ тебѣ когда-нибудь встрѣтиться съ братомъ моимъ, то-есть съ Павломъ — извините, еще онъ сказалъ съ Павлушей — то поди прямо къ нему, все равно что ко мнѣ: это такая жь добрая душа....

Гуляевъ хотѣлъ было обрадоваться и кинуться обнимать писателя и друга брата своего, Александра, но, какъ человѣкъ вообще неторопливый, онъ подумалъ: «это еще не уйдетъ, успѣемъ» и сталъ напередъ разспрашивать нежданнаго гостя своего, стоя передъ нимъ, о кой-какихъ подробностяхъ. Оказалось, что литераторъ этотъ пишетъ не подъ своимъ именемъ, и даже большею частью вовсе не подписывается подъ статьями, конечно, изъ скромности; но Гуляеву невольно пришелъ на умъ Хлестаковъ; оказалось также, что литераторъ этотъ и другъ Александра Гуляева несовсѣмъ твердо знаетъ нѣкоторыя обстоятельства, о которыхъ, однакожь, говорилъ не запинаясь, самымъ положительнымъ образомъ; поручикъ уже осматривалъ его въ какомъ-то недоумѣніи съ головы до ногъ, какъ ямщикъ вошелъ и сталъ просить настоятельно отпустить его. Литераторъ позамялся немного, а затѣмъ вдругъ съ особенною лю-

безностью обратился къ хозяину съ просьбой потрудиться заплатить за него два съ четвертью рубля, потому-что у путника не случилось мелочи: вся вышла.

«А!» подумалъ Гуляевъ: «теперь понимаю». Онъ выслалъ ямщика и, обратившись къ гостю своему, сказалъ: —«Послушайте, вы немножко во мнѣ ошиблись: вы не съ того крыльца зашли и этимъ путемъ не успѣете ни въ чемъ. Но если хотите, вы еще можете поправить дѣло: сознайтесь мнѣ на первый случай, что вы солгали все, чтó разсказывали; затѣмъ, скажите мнѣ въ трехъ словахъ всю правду, и тогда, хотя и не получите отъ меня ничего, но, все равно, я вамъ дамъ тотчасъ же случай надуть здѣсь другаго человѣка. Но условіе мое: высказать всю правду; сверхъ того, я прикажу подать вамъ вечеромъ стаканъ чаю, а вы мнѣ тогда разскажете отъ скуки похожденія свои, и къ ночи отправитесь далѣе.

Гость чрезвычайно обрадовался этому предложенію, но, изъ врожденной скромности, только улыбнулся, потупивъ нѣсколько глаза, и сказалъ:

— Точно, вы правы; я виноватъ передъ вами.

— Ну, это моя правда, — возразилъ Гуляевъ: — а ваша гдѣ?

— Очень долго разсказывать,—отвѣчалъ тотъ: —я, заѣхавъ сюда, сталъ освѣдомляться, нѣтъ ли здѣсь кого-нибудь изъ прежнихъ товарищей моихъ, услышалъ ваше прозваніе, заключилъ по отчеству, что вы братъ извѣстнаго писателя Гуляева....

— Съ которымъ вы вовсе незнакомы?

— То-есть, извините, я конечно знаю его, но не такъ коротко....

— Неправда, сознайтесь, вы его вовсе не знаете?...

— То-есть, я дѣйствительно не имѣлъ удовольствія бывать у него, не былъ ему представленъ, ей-богу, но я встрѣчалъ его въ обществѣ....

— Довольно на первый случай, — перебилъ его Гуляевъ: — вы, однако, забываете уговоръ нашъ: говорить одну правду. Будьте же со мною откровенны, если желаете себѣ добра. Увѣряю васъ, не шутя, если вы еще разъ солжете мнѣ, то мы съ вами простимся, и очень сухо и круто: я ужъ такой человѣкъ.

Землепроходецъ раскланивался, умильно улыбаясь, и извинялся.

— Эй! —продолжалъ поручикъ: — Степанъ, неси сюда что есть поклажи въ телегѣ. У васъ есть что-нибудь съ собой, вѣроятно? — Да призови ямщика. — Такъ денегъ у васъ нѣтъ ничего?

— Ни копѣйки.

— Ну, коли вы заѣхали сюда безъ денегъ, то, конечно, какъ-нибудь спровадить васъ отсюда надо. Итакъ, я на первый случай заплачу ямщику, вы оставите здѣсь чемоданчикъ свой — то-есть я, разумѣется, посмотрю сперва, есть ли въ немъ что-нибудь; вы сами знаете, случается, что въ такомъ чемоданѣ лежитъ только клокъ сѣна да для вѣсу, два кирпичика. Потрудитесь раздѣлать его. Потомъ я васъ отправлю къ одному доброму человѣку и научу васъ, какъ у него добыть хоть немного денегъ. Между тѣмъ Степанъ

поставитъ самоваръ; воротившись, вы честно расплатитесь со мною, потому-что я ни за кого не плательщикъ. Мы побесѣдуемъ, вы потѣшите меня своими похожденіями, а затѣмъ поѣдете дальше. Вы куда собираетесь?

Пришлецъ пожалъ плечами и, не смѣя солгать, затруднился въ отвѣтѣ.

— Ну, это все равно, — продолжалъ поручикъ: — пожалуй, тогда вмѣстѣ посовѣтуемся, увидимъ.

Въ чемоданчикѣ, къ удивленію поручика, нашлась новая пара платья тонкаго, чернаго сукна, двѣ цвѣтныя жилетки, пара лаковыхъ сапогъ, двѣ пары разноцвѣтныхъ перчатокъ, двѣ тонкія манишки, складная шляпа въ футлярѣ и не болѣе трехъ или четырехъ штукъ бѣлья; затѣмъ, щеточка, гребенка, духи, помада, и нѣсколько колодъ картъ.

— Однакожь, — сказалъ Гуляевъ: — у васъ тутъ щегольская пара съ полнымъ приборомъ?

— Да-съ, — отвѣчалъ тотъ: — вѣдь порядочному человѣку безъ этого нельзя; нынче свѣтъ таковъ, что дѣлать! въ иномъ мѣстѣ, безъ этого, сами изволите знать, въ порядочный домъ не пустятъ.... Прикажете мнѣ одѣться теперь?

— Нѣтъ, этого не нужно, не безпокойтесь: платье ваше до времени останется у меня, а къ пріятелю моему вы можете идти и въ венгеркѣ.

Землепроходецъ, какъ вѣроятно читатели уже замѣтили, сдѣлался чрезвычайно скромнымъ; онъ молча слегка поклонился и съ веселымъ лицомъ ожидалъ дальнѣйшихъ распоряженій своего обязательнаго и правдолюбиваго хозяина.

— Теперь, — сказалъ этотъ: — идите къ прапорщику Лев-

кадіеву, деньщикъ васъ къ нему проводитъ. Это нашъ полковой піита, въ которомъ бездна самолюбія и ни на грошъ дарованія; но ему, послѣ многихъ тщательныхъ попытокъ, удалось напечатать въ одномъ изъ плохихъ журналовъ никуда негодные стишонки свои — такъ я, по-крайней мѣрѣ, полагаю, хоть я въ этомъ дѣлѣ не знатокъ — и съ тѣхъ поръ онъ подкатилъ разъ навсегда очи подъ лобъ и ходитъ какъ юродивый. Вамъ надо знать, что знаменитое стихотвореніе это, которое стоило бѣдному Левкадіеву послѣднихъ крохъ ума, называется «*Къ небосклону*», но онъ его переименовалъ послѣ того въ «*Лиру поэта*», прожужжалъ всѣмъ намъ уши этимъ новымъ заголовкомъ, и, во что бы ни стало, хочетъ напечатать его вторымъ изданіемъ, для вящаго утѣшенія читателей. Левкадіевъ, изволите видѣть, хвалился еще вчера, что узнаетъ настоящаго поэта по первому взгляду, по рѣчамъ, по осанкѣ, по пріемамъ и походкѣ: пусть же онъ узнаетъ васъ. Желаю вамъ поставить западню свою на Левкадіева удачнѣе, чѣмъ на меня. Вотъ вамъ данныя; остальному, я полагаю, учить васъ нечего: вы, вѣроятно, сумѣете найтись лучше меня.

— Понимаю, — отвѣчалъ тотъ: — и благодарю; стало-быть, вы дозволите мнѣ назваться именемъ вашего почтеннаго братца, пріѣхавшаго къ вамъ въ гости?

— Какъ такъ? О, да вы, какъ я вижу, далеко опередили всѣ мои предположенія! Васъ учить не только излишне, но даже опасно. Нѣтъ, почтеннѣйшій, ужь лучше оставьте вы моего брата въ покоѣ; вамъ легко будетъ придумать чье-нибудь другое имя, все равно, лишь бы былъ извѣстный че-

ловѣкъ. Левкадіевъ всѣхъ ихъ знаетъ наперечетъ. Имя брата моего, сами видите, для васъ несчастливо; вы съ нимъ попались на первыхъ порахъ. Ну, съ Богомъ, идите, пора. Степанъ, укажи ему избу Левкадіева.

Гуляевъ походилъ съ трубкою взадъ и впередъ по комнатѣ, разсмѣялся про себя вполголоса и сказалъ:

«Вотъ Богъ послалъ потѣху!» Онъ остановился передъ чемоданомъ. «И есть же такіе люди на свѣтѣ! Кого, прошу покорно, онъ не надуетъ? Вотъ все достояніе его, весь промыселъ и убѣжище; фракъ и жилетъ — рабочій, промышленный снарядъ его, какъ у добраго плотника топоръ и долото; день пришелъ, такъ и ѣсть принесъ; день прошелъ — заботу унесъ. А чуть было не надулъ и меня; да нѣтъ, я по первымъ пріемамъ увидѣлъ, что дѣло нечисто, что потѣшникъ мой на одну ногу хромаетъ. Нечего дѣлать, дадимъ ему стаканъ чаю да побалагуримъ!

— Степанъ, попроси-ка ко мнѣ Ивана Петровича; сбѣгай проворнѣй, скажи, что тутъ веселый гость пріѣхалъ и часика два пробудетъ; а воротившись, ты поставишь самоваръ.

Другой поручикъ, Иванъ Петровичъ, пришелъ, обрадованный нечаянностью этого важнаго событія, которое обѣщало пеструю страничку въ однообразной жизни. Гуляевъ сказалъ ему:

— Вотъ, братецъ, пройдоха пріѣхалъ, да какой! Послушаешь его… Да вотъ онъ ужь и идетъ! Ну, что благополучно, что-ли?

— Покорно васъ благодарю: десять цѣлковыхъ получилъ!

— Какъ же вы разыграли комедію?

— Да я назвался такимъ-то извѣстнымъ писателемъ, сказалъ, что по дружбѣ съ братомъ вашимъ....

— Опять-таки съ братомъ! Кой чортъ васъ мучитъ, что вы брата не можете оставить въ покоѣ!

— Помилуйте, нельзя же! Я только сказалъ, что, по дружбѣ съ братомъ вашимъ, заѣхалъ по пути къ вамъ, узналъ случайно, что здѣсь обитаетъ знаменитый Левкадіевъ, который «Небосклономъ» своимъ свелъ съ ума весь Петербургъ; при этомъ я, разумѣется, прослезился, всплеснулъ руками, просилъ позволенія обнять его и потомъ разсмотрѣть черты его хорошенько, и прочее. Ну, а тамъ и пошло.... Деньги я, по несчастью, потерялъ и теперь нахожусь въ самомъ критическомъ положеніи. Онъ еще много извинялся, что теперь самъ не при деньгахъ, приглашалъ меня погостить у него, обѣдать завтра....

— Нѣтъ, почтеннѣйшій,—перебилъ его Гуляевъ:—прошу не забывать нашего условія: вы ѣдете сегодня, къ ночи.

— Очень хорошо-съ, какъ угодно.

— А что,—сказалъ Гуляевъ, ощупывая безъ обиняковъ слегка карманы своего гостя: — не соблазнились вы тамъ чѣмъ-нибудь, какою-нибудь бездѣлушкой? Такъ вѣдь этого у насъ въ уговорѣ не было!

— Помилуйте,—отвѣчалъ тотъ: — за кого же вы меня принимаете?

— Ну, ну, ладно!—возразилъ Гуляевъ: — садитесь-ка, вотъ и товарищъ послушаетъ васъ; должно быть поучительно и занимательно. Ну, разсказывайте, да чуръ не

врать! Ей-богу, поймаю на первомъ словѣ и тогда поссоримся, и чаю не дамъ. Вамъ передъ нами чиниться нечего. Кто вы, какъ и что съ вами было, гдѣ и чѣмъ промышляли, и какъ сюда попали?

— Я воспитывался.... въ такомъ-то заведенiи, — началъ тотъ: — но по наклонностямъ своимъ къ простору никакъ не могъ ужиться. Много извели на меня голиковъ и, наконецъ, еще до выпуска, уволили на подножный кормъ. Куда мнѣ дѣваться? Отца нѣтъ, мать изъ милости живетъ гдѣ-то за Тамбовомъ, братъ закабалился вѣковѣчнымъ канцелярскимъ служителемъ, — вотъ и всѣ! Не спорю, что я чистаго аттестата не заслуживалъ; но куда же мнѣ было дѣваться съ такимъ, гдѣ прописано было все почти съ такою же откровенностью, какой вы вотъ теперь изволите отъ меня требовать?... Я поселился было у одного полутоварища, вышедшаго еще до меня въ гражданскую службу, но онъ меня не сталъ долго держать. Прошатался я нѣсколько времени такъ, ночуя то въ разныхъ заведенiяхъ, то въ домѣ Вяземскаго, Полторацкаго, коли была гривна для уплаты за ночлегъ; свелъ дружбу съ однимъ вольноотпущеннымъ и тутъ только увидѣлъ, какъ хорошо люди живутъ на счетъ другихъ, коли умѣютъ; вѣрите ли, не занимаясь ничѣмъ, онъ истинно жилъ бариномъ, даже держалъ прекрасный экипажъ! Я рѣшился попробовать заняться тѣмъ же.

«Напередъ всего надо было одѣться: это стоило мнѣ большихъ трудовъ и опасностей. Я досталъ кой-какiя вещицы, часики, табакерку, хорошую бронзовую лампу; но все это надо было сбыть. Мнѣ указали наконецъ портнаго,

который, подъ залогъ вещей этихъ, одѣлъ меня прилично, и я, принявъ къ себѣ въ услуженіе товарища, пріискалъ на Литейной прекрасную квартиру съ полнымъ устройствомъ отъ хозяина, и назвался богатымъ помѣщикомъ, по крайней мѣрѣ наслѣдникомъ, который пріѣхалъ въ столицу по тяжебнымъ дѣламъ своимъ. Рублей пятьдесятъ, собранные съ трудомъ, я роздалъ тутъ же дворнику и прислугѣ въ домѣ, чтобъ они прославляли богатство и тароватость мою. Первымъ слѣдствіемъ этого было, что такъ называемому слугѣ моему стали отпускать изо всѣхъ окружныхъ лавокъ съѣстные припасы на счетъ, а вы сами согласитесь, что это не бездѣлица. Такимъ образомъ мы жили нѣсколько времени прекрасно; виноградъ и арбузы были у насъ нипочемъ, хоть и частенько недоставало мяса, котораго въ лавочкахъ нѣтъ, а до мясныхъ рядовъ слава моя, какъ богатаго наслѣдника, не распространялась. Когда я замѣчалъ, что лавочники мои начинали сомнѣваться, то я пускалъ послѣднюю добытую копѣйку ребромъ, задаривалъ дворниковъ и отправлялъ ихъ въ лавочку прославлять имя мое; въ то же время я дѣлался вдвое взыскательнѣе относительно доставляемыхъ мнѣ съѣстныхъ припасовъ, браковалъ ихъ, отправлялъ обратно, требуя лучшаго и угрожая, въ противномъ случаѣ, что не стану брать больше здѣсь, а обращусь въ другую лавку.»

— Но вамъ все-таки необходимы были иногда деньги, хоть бы, напримѣръ, для уплаты за квартиру, для покупки вещей, которыхъ нѣтъ въ лавочкѣ; откуда жь вы ихъ добывали?—спросилъ Гуляевъ.

— Это, въ такомъ положеніи, какъ я тогда былъ, не слишкомъ трудно, хотя и хлопотно иногда, и притомъ въ теченіе времени средства истощаются, такая добыча, сидя на одномъ мѣстѣ, непродолжительна: тутъ и тамъ начинаютъ догадываться, и довѣренность упадетъ; но сначала это легко. Во-первыхъ, всегда находишь людей — вы не судите по себѣ — у которыхъ можно призанять что-нибудь, и другихъ, съ которыми можно призаняться, то-есть напустить на нихъ 52 разбойника и выковать за вечеръ что-нибудь на зеленомъ станкѣ. Во-вторыхъ, пріятели и помощники мои, которые приходили всегда съ большою осторожностью и подъ видомъ чиновниковъ и ходаковъ по тяжбѣ моей, подносили мнѣ такъ называемый *клей*, то-есть пріобрѣтенный ими товаръ, а у меня, какъ у богатаго наслѣдника, занимающаго прекрасную квартиру, никому не приходило въ голову искать вещей этихъ: онѣ понемногу сбывались, и выручка дѣлилась пополамъ. Случилось мнѣ раза два нападать въ трактирахъ на такихъ олуховъ, которыхъ, разумѣется, подводили, и которые проигрывали мнѣ въ вечеръ до тысячи рублей. Но мнѣ захотѣлось получить вдругъ побольше и ускользнуть куда-нибудь. Положеніе мое дѣлалось опаснымъ. Для этого я осмотрѣлъ въ одномъ магазинѣ золотыхъ товаровъ, часовъ и драгоцѣнныхъ камней на большую сумму, выбиралъ и прихотничалъ долго, справляясь по заготовленному списку, совѣтуясь съ хозяиномъ и насказавъ ему, что въ домѣ отца моего, богатаго помѣщика, готовятся вдругъ три свадьбы, а мнѣ поручено здѣсь заготовить и отправить приданое и подарки, какъ жени-

хамъ, такъ и невѣстамъ... Изъ предосторожности, я даже заказалъ нѣкоторыя вещи съ вензелями и далъ сто рублей задатку, прося оставить отобранныя вещи за мной. Въ назначенный мастеромъ срокъ я сказался больнымъ, просидѣлъ дня три дома и послалъ товарища своего въ магазинъ просить, чтобъ вещи принесли ко мнѣ на домъ, потому-что я нездоровъ. Хозяинъ приходитъ; его встрѣтили двое слугъ въ ливреяхъ, ввéли въ залу, заставили подождать съ четверть часа и провели ко мнѣ въ кабинетъ. Я сидѣлъ въ креслѣ, обвязанный. Съ большимъ участіемъ разспрашивалъ нѣмецъ меня о болѣзни моей и очень-очень сожалѣлъ. Я разсмотрѣлъ вещи, былъ вообще ими доволенъ, возвратилъ ему только нѣкоторыя бездѣлушки для передѣлки по моему вкусу; мы свели счетъ, и я, отомкнувъ шкатулку и порывшись тамъ, подумалъ немного, посмотрѣлъ въ календарь, разсчитывая вслухъ, когда долженъ быть отвѣтъ на письмо мое въ Тамбовъ, и сказалъ хозяину, что ему придется, на первый случай, унести вещи эти, потому-что я теперь отдать денегъ не могу, а получу ихъ чрезъ пять дней, во вторникъ. «Хотите, такъ возьмите у меня, для вѣрности, еще цѣлковыхъ сто — которыхъ у меня не было—въ задатокъ, а во вторникъ, послѣ полудня, приходите и приносите вещи: получите деньги непремѣнно.» Разумѣется, онъ не принялъ задатка, былъ чрезвычайно вѣжливъ, радуясь такой значительной покупкѣ, и оглядываясь по комнатѣ, какъ-будто разсматривалъ, каковó-то я живу, былъ какъ-то въ нерѣшимости. У меня все было убрано такъ прилично, что я этого осмотра не боялся.

Я позвонилъ и приказалъ подать себѣ и мастеру по чашкѣ кофе. «Развѣ вотъ что», предложилъ я, когда кофе подали: «я бы, пожалуй, предложилъ вамъ взять съ меня заемное письмо, срокомъ на пять дней; но, впрочемъ, для меня это все равно: лучше возьмите свои вещи и пріѣзжайте во вторникъ.»

«Мастеръ мой видимо былъ въ самомъ затруднительномъ положеніи; не хотѣлось ему оказать мнѣ, такому дорогому покупщику, малѣйшую недовѣрчивость, не хотѣлось также и нести цѣлую связку вещей опять домой, но и не рѣшался онъ ихъ оставить. Извиняясь съ крайнею вѣжливостью, что онъ не можетъ отдать вещей этихъ изъ рукъ, не удовлетворивъ въ то же время постороннихъ мастеровъ и хозяина нѣкоторыхъ взятыхъ имъ каменьевъ, онъ завернулъ все, собралъ и, нерѣшительно раскланиваясь, еще разъ спросилъ: навѣрное ли я полагаю, что получу деньги во вторникъ? Я увѣрилъ его въ этомъ, но только не настаивая, впрочемъ, на томъ, чтобъ онъ оставилъ товаръ, а, напротивъ, находя самъ, что лучше принести его во вторникъ и разсчитаться на наличныя деньги: «только ради Бога не забудьте исправить замѣченныя мною бездѣлушки», прибавилъ я, и отпустивъ его, самъ не зналъ, что мнѣ дѣлать съ нимъ, когда онъ придетъ во вторникъ.

«Нѣмецъ мой вышелъ въ раздумьѣ, а между-тѣмъ офиціанты мои и даже дворники не зѣвали; на бѣду онъ вздумалъ посовѣтоваться съ ними и разспрашивать обо мнѣ: они насказали ему такихъ вещей, что онъ въ ту же ми-

нуту воротился, просилъ доложить о себѣ и, вошедъ ко мнѣ снова, принялся извиняться и просилъ меня лучше оставить вещи у себя и дать ему заемное письмо на пять дней срокомъ. Маклера тотчасъ призвали, и въ полчаса дѣло было кончено. Въ ту же ночь я исчезъ — и ни хозяинъ квартиры, ни лавочники, ни нѣмецъ мой съ векселемъ на 16,000 рублей серебромъ, не видѣли меня болѣе въ глаза.

«Нанявъ двѣ маленькія квартирки и прописавъ не свой, а чужіе паспорты, я жилъ то на Охтѣ, то въ Галерной Гавани, проводя впрочемъ большую часть времени въ срединѣ города и не возвращаясь никогда на ночлегъ домой, не развѣдавъ предварительно черезъ лазутчиковъ о надежности этого пріюта. Вещи сбывалъ я исподоволь, съ большою осторожностью, и нѣсколько мѣсяцевъ жилъ себѣ бариномъ. Я довольствовался своей добычей и не пускался во все это время ни на какія опасныя дѣла; но запасъ мой истощился, не только потому, что я проживалъ иногда многонько, но и потому, что надобно было продавать все за треть цѣны, да еще дѣлиться съ другими и удѣлять часть на тѣхъ, у кого глаза нехороши, то-есть, вы понимаете, кто знаетъ много, но молчитъ и глядитъ сквозь пальцы, покуда это ему выгодно. Вотъ и пришла опять такая пора, что хоть волкомъ выть, и признаюсь въ своей неосмотрительности: это сдѣлалось какъ-то вдругъ, и на мнѣ остался одинъ только плохой сюртучишко. Какъ быть? Послѣ кой-какихъ попытокъ я вспомнилъ, что встрѣчался въ одномъ порядочномъ домѣ съ молодымъ художникомъ,

который мнѣ показался добрымъ и довѣрчивымъ. Я вспомнилъ также, что онъ показывалъ тамъ картину свою и цѣнилъ ее въ пятьсотъ рублей. Отправляюсь къ нему, нанявъ для этого коляску, за которую нечѣмъ было заплатить, и говорю, что хочу ему услужить: князь какой-то желаетъ купить картину его, о которой отъ меня слышалъ, и безъ всякаго сомнѣнія дастъ пятьсотъ рублей. Онъ съ радостью отдаетъ мнѣ ее, завернувъ въ простыню, и мы вмѣстѣ уставили ее въ коляску; здѣсь только я взглянулъ на себя и сказалъ художнику: «Послушайте, вы одного роста со мною, дайте мнѣ, пожалуйста, фракъ вашъ: вы видите, въ какомъ я неблагообразномъ видѣ; чрезъ часъ возвращусь съ деньгами и отдамъ вамъ фракъ.» Разумѣется, что онъ мнѣ въ этомъ не могъ отказать, и извинялся только, что и у него фракъ несовсѣмъ хорошъ. «Ничего», сказалъ я: «все-таки въ немъ приличнѣе ѣхать къ князю, чѣмъ въ моемъ сюртукѣ.» Я прямо отправился въ заведеніе храненія громоздкихъ движимостей и получилъ подъ залогъ картины сто рублей. Но за мною уже слѣдили; розыски по прежнимъ дѣламъ возобновились, узнали, что я въ городѣ — и настала пора проститься съ Петербургомъ. Я вышелъ изъ Московской заставы пѣшкомъ, составивъ напередъ планъ для нескончаемаго похода своего.

«Товарищи мои, однокашники, были разсыпаны по всей Россіи, и я былъ увѣренъ, что нѣтъ полка, ни батальона, гдѣ бы не нашлось ихъ нѣсколько человѣкъ. Итакъ, я направилъ путь свой разными извилинами, отъ сѣвера на

югъ, предположивъ идти все мѣстами расположенія войскъ, начиная отъ новгородскихъ поселеній. Такъ я и сдѣлалъ, и спасибо, вездѣ находилъ кусокъ хлѣба и хоть на сутки пріютъ, да сверхъ того, меня передавали или пересылали съ рукъ на руки то на своихъ лошадкахъ, то на подводахъ, то при записочкахъ, изъ полка въ полкъ, изъ батальона въ батальонъ. Я разсказывалъ, что, послѣ постигшихъ меня бѣдствій, иду домой, за наслѣдствомъ, и даже сочинилъ самъ къ себѣ нѣсколько писемъ, съ увѣдомленіемъ объ этомъ и вызовомъ поспѣшить на мѣсто. Гдѣ встрѣчалъ я разгульную компанію, тамъ перекидывалъ иногда направо, налѣво; гдѣ случалась по пути ярмарка или иной съѣздъ, тамъ подстерегалъ олуховъ да матушкиныхъ сынковъ; такимъ образомъ, я прошелъ и проѣхалъ зубчатымъ путемъ все пространство отъ Петербурга, чрезъ новгородскія поселенія, войска, расположенныя вокругъ Москвы, тамъ на Курскъ, Воронежъ, потомъ направо въ Харьковъ, и наконецъ, вотъ благополучно добрался до васъ.»

— Разскажите жь что-нибудь,—сказалъ Гуляевъ: — о замѣчательнѣйшихъ похожденіяхъ вашихъ на этомъ пути: вѣдь вы проѣхали слишкомъ двѣ тысячи верстъ!

— Да чтожь вамъ разсказать? Вотъ, напримѣръ, въ одномъ полку удалось мнѣ славно попировать съ недѣлю, и на рукахъ меня носили, потому-что полковникъ считаетъ себя литераторомъ — онъ, въ чинѣ прапорщика, пописывалъ стишки—и сильно покровительствуетъ своимъ братьямъ, писателямъ, а я, разузнавъ это, явился въ полкъ *Рах-*

маннымъ, то-есть объявилъ, что это я пишу подъ этимъ именемъ; раза три пили мое здоровье шампанскимъ. Случалось раза два, проѣздомъ въ деревнѣ, назваться лекаремъ и принять чувствительную для меня благодарность помѣщика, у котораго я спасъ отъ смерти дочь или жену. Сходило съ рукъ, а съ ногъ—какъ говорится, хоть собаки тащи. Къ старухамъ-хозяйкамъ и скопидомкамъ я какъ-то особенно удачно подъѣзжаю, и онѣ меня любятъ до времени безъ ума. Ну, долго не засиживаешься, разумѣется чуть сметишь, что дѣло немножко неладно, то и дальше. Для хозяекъ этихъ у меня всегда готовъ запасъ разныхъ секретовъ, и чтó больше врешь имъ, то онѣ тебя дороже цѣнятъ. Небольшая сноровка только нужна тутъ, чтобъ не вздумали повѣрить тебя на дѣлѣ, либо самого заставить сдѣлать опытъ: пріѣхалъ зимой, такъ толкуй о лѣтнемъ хозяйствѣ, а лѣтомъ — о зимнемъ; вотъ она себѣ и записывай, сколько хочетъ, и переспрашивай хоть двадцать разъ.

«Удалось мнѣ одну хорошую штуку выкинуть проѣздомъ въ Курской губерніи, подъ Фатежемъ. Тутъ жила порядочная помѣщица, о которой я зналъ кой-какія подробности чрезъ племянника ея, который воспитывался со мною вмѣстѣ, былъ, какъ видно, любимцемъ ея, даже надѣялся быть современемъ наслѣдникомъ, а между тѣмъ попалъ невзначай въ сибирскіе линейные батальоны. Отправлялся онъ туда при мнѣ, прямо изъ Питера, а изъ дома отданъ былъ по десятому году; такъ я и разсчиталъ, что если только онъ въ послѣдніе четыре года не бывалъ

у тётки, то она его почти не можетъ знать въ лицо, а мы были съ нимъ, хоть не то, чтобъ похожи другъ на друга, да оба довольно смуглы. Надобно вамъ сказать, что я въ это время былъ въ самомъ отчаянномъ положеніи, безъ гроша денегъ, въ отдаленіи отъ расположенія войскъ, и сидѣлъ верстъ за восемьдесятъ отъ Фатежа, не зная, какими способами подвинуться хоть туда, хоть сюда, въ какую-нибудь сторону. Вотъ, вспомнивъ о тёткѣ этой, я сталъ о ней разспрашивать, но могъ узнать только, что она еще жива и точно живетъ въ своей деревнѣ. Нанимаю извощика прямо туда, съ тѣмъ чтобъ расплатиться на мѣстѣ, и выѣхавъ рано утромъ, поспѣлъ какъ-разъ къ деревенскому чаю. Въ сосѣдней деревушкѣ удалось мнѣ еще-таки разспросить двороваго человѣка и узнать отъ него кой-какія подробности, какъ, напримѣръ, имена названныхъ сестеръ моихъ, а также, что племянника съ тѣхъ поръ, какъ увезли его въ Питеръ, дома не бывало. Пріѣзжаю: домишко старенькій, но жить можно; хлѣба на гумнахъ довольно — а это лучшая примѣта для голоднаго, Я соскочилъ, приободрился, пошелъ смѣло да прямо, напроломъ, и встрѣчную чумичку сбилъ было съ ногъ; тетушка сидитъ съ дочерьми за чаемъ; я какъ взвою: «Тетушка! узнали ль вы бѣднаго Алешу?» да такъ-таки гирей на шею ей и привѣсился. Удивленіе, радость, разспросы — перецѣловалъ и перемиловалъ разъ по десяти сестрицъ, а у тетушки все ручки цѣлую. Она, старуха, земли подъ собою не слышитъ, свѣту не взвидѣла отъ радости; весь домъ коромысломъ поднялся, чтобъ угостить любимаго племян-

ника; и въ этотъ и на другой день, то вечеромъ къ огню меня подводятъ, то днемъ къ свѣту, разсматриваютъ и находятъ, что, конечно, много я измѣнился въ двѣнадцать лѣтъ, но что узнать еще можно, похожъ на мать.... и на отца похожъ.... нѣтъ, особенно похожъ на покойную бабушку!

«Словомъ, разсказавъ похожденія свои, и какъ меня понапрасну обидѣли, какъ я пострадалъ за товарища, котораго не хотѣлъ выдать, и за это попалъ въ линейные батальоны, какъ я горе мыкалъ, терпѣлъ нужду, вспоминалъ день и ночь любезную тетушку и милыхъ сестрицъ, какъ, наконецъ, отличіемъ своимъ загладилъ предъ начальствомъ мнимый проступокъ свой, произведенъ въ подпоручики, вышелъ въ отставку, пріѣхалъ за тетушкинымъ благословеніемъ, и прочее, а теперь ѣду вновь на службу въ конницу, — я такъ разжалобилъ слезливую тетушку и милыхъ сестрицъ, которыхъ желалъ бы цѣловать весь свой вѣкъ, что прожилъ двѣ недѣли какъ въ раю, и жилъ бы, можетъ быть, тамъ еще донынѣ, кабы не проклятое письмо отъ настоящаго племянника, присланное изъ Омска.... Вотъ некстати человѣкъ расписался! Отоврались кой-какъ, что я же самъ и писалъ письмо это, я, однакожь, видѣлъ, что не могъ ничѣмъ успокоить тревожнаго сомнѣнія тетушки, которая рѣшительно стала втупикъ.

«Въ самомъ дѣлѣ, старушка съ дочерьми, какъ теперь вспомню, была поставлена въ самое странное положеніе: трудно было вѣрить мнѣ послѣ всѣхъ разсказовъ моихъ, несогласныхъ съ содержаніемъ письма, на которомъ было

выставлено такое число, въ какое я, по разсказамъ своимъ, былъ въ Петербургѣ; притомъ племянникъ ни слова не писалъ объ отставкѣ, а просилъ, напротивъ, прислать ему денегъ въ Омскъ; а между тѣмъ, какъ же и не повѣрить человѣку, который самъ на-лицо, обжился уже въ домѣ у тетушки, на *ты* съ сестрицами своими, разсказываетъ многія подробности своего дѣтства, хотя въ этомъ отношеніи память у него оказалась и нѣсколько слабою, да коли онъ, сверхъ всего этого, самъ пріѣхалъ, отыскалъ тетушку въ захолустьѣ и даже похожъ на отца и мать и покойную бабушку?...»

— Чѣмъ же все это кончилось? спросилъ поручикъ.

— Да тѣмъ и кончилось,—отвѣчалъ землепроходецъ: — что я благополучно убрался, уѣхалъ. Признавъ полезнымъ за добра-ума убраться, я простился со слезами, снабженный подорожниками и печеньями разныхъ родовъ, небольшими деньжонками и нѣжными поцѣлуями милыхъ сестрицъ.... Какъ у нихъ дѣло развязалось — не знаю; я обѣщалъ опять пріѣхать черезъ полгодика, но, видно, подождутъ и подолѣе.

— Куда жь вы теперь собираетесь, честной господинъ?— спросилъ Гуляевъ.—Гость признался, что онъ еще и самъ этого не знаетъ, а полагалъ ѣхать туда, куда кто-нибудь изъ господъ поручиковъ дастъ ему письмо. Оба захохотали, а Гуляевъ, вставъ и выколачивая трубку свою, сказалъ:—не на тетушку вы тутъ напали, почтеннѣйшій: тутъ сами съ усами. Я вамъ далъ понадуть, для шутокъ, нашего шута и, сверхъ обѣщаннаго стакана чаю, попотчи-

валъ васъ еще трубкой табаку; ночь на дворѣ, ѣхать вамъ пора, спасибо за потѣху — и прощайте. А куда вы поѣдете, успѣете надуматься, когда вывезутъ васъ за заставу. Эй, Степанъ! вели подавать лошадей этого барина; да сѣнца подложить въ телегу, чтобъ можно было ему вздремнуть.

Гость молча вздохнулъ всталъ, улыбаясь, раскланялся, благодарилъ и, садясь въ телегу, обратился къ проводившему его до крыльца Гуляеву, сказавъ: «Ну, поручикъ, признаюсь, я еще такого человѣка, какъ вы, не встрѣчалъ. Что еслибъ вы пошли.... еслибъ судьба повела васъ по той дорогѣ, по которой я пошелъ — вы ушли бы далеко!»

VIII.

САВРАСКА.

Отецъ мой былъ родомъ швейцарецъ, изъ Санъ-Галена, а въ Россіи принадлежалъ къ осколкамъ великой арміи.... Послѣ разныхъ переворотовъ, онъ наконецъ поселился вблизи Петербурга, на Выборгской сторонѣ; здѣсь купилъ онъ десятинъ пятьдесятъ землицы, обзавелся скотомъ и сталъ торговатъ молокомъ и скопами, а въ особенности масломъ. Дѣло шло порядочно, и мы, къ сожалѣнью, начали жить хорошо, то есть нѣсколько лучше, чѣмъ слѣдовало.

Мнѣ было лѣтъ тринадцать, какъ мы однажды вечеркомъ съ однимъ добрымъ пріятелемъ отца моего сидѣли у воротъ и смотрѣли на проѣзжихъ и прохожихъ. День былъ воскресный; хмѣльная чухна на одноколкахъ своихъ возвращалась домой изъ столицы, и тутъ было много смѣшнаго и забавнаго. И пѣсню веселаго чухонца нельзя слышать безъ грустнаго смѣха, потому что пѣсня эта, а еще болѣе пріемы поющаго, выражаютъ какую-то дикость, смирившу-

юся подъ гнетомъ нужды и суровой природы. Одинъ лежалъ съёжившись въ тележонкѣ, спалъ непробуднымъ сномъ, а возжи тащились по землѣ; другой, невольно уступая дорогу встрѣчной коляскѣ, съ такимъ же спокойствіемъ вываливался въ придорожную канаву, какъ бы соскакивалъ у воротъ родной избенки своей, пріѣхавъ благополучно на мѣсто; третій сидѣлъ верхомъ на упряжной клячонкѣ; ноги его, или по крайней мѣрѣ сапоги, задѣвали носками за каменья или неровности каменистой дороги, а голова поматывалась направо и налѣво, смотря по толчкамъ; иной гналъ во весь духъ и кричалъ дикимъ и сиплымъ голосомъ; другой брелъ пѣшій, держа возжи въ рукахъ, небрежно подставлялъ шаткія ноги свои то подъ лошадь, то подъ телегу, и даже не замѣчалъ, когда колесо одноколки прокатывалось чрезъ широкую лапу его.

Въ числѣ этой дикой, веселой братіи, между прочими, ѣхалъ также чухонецъ, сидя верхомъ и скорчась уточкой, потому что ногами уперся онъ въ оглобли; въ одноколкѣ его лежалъ жеребенокъ, подымалъ голову отъ каждаго толчка и, поровнявшись съ нами, жалобно заржалъ. Я вскочилъ и ребячески воскликнулъ: «Дядюшка (такъ привыкъ я называть нашего пріятеля), дядя, купи жеребенка!»

Чухонецъ, услышавъ возгласъ мой, остановился и, продирая усильно заволакиваемые хмѣлемъ глазки, повторилъ: «Купи жеребенка!» Дядя вразумилъ было меня, что это пустая затѣя; для чего покупать и куда дѣвать недѣльнаго жеребенка, которому пришлось бы еще нанять кормилицу; но чухонецъ уже свалился кулемъ съ лошади, подошелъ къ

намъ и сталъ приставать, какъ банный листъ, повторяя: «купи!» Дядя, желая отдѣлаться отъ неотвязнаго, махнулъ рукой и пошелъ во дворъ; но тотъ послѣдовалъ за нами, повторялъ неотступно свое, и наконецъ дружески поймалъ дядю за полу. Я также продолжалъ упрашивать, и дядя, чтобъ отвязаться, спросилъ: «А что просишь?» — «Да что дашь?» — «Четвертакъ.» —Давай деньги!» И прежде чѣмъ мы успѣли опомниться, чухонецъ передалъ мнѣ жеребенка съ рукъ на руки.

Дядя отдалъ четвертакъ, чухонецъ уѣхалъ, а я, въ восторгѣ, понесъ жеребенка къ матушкѣ. Она до крайности изумилась и стала бранить дядю за эту выдумку, но онъ разсказалъ ей, какъ было дѣло, что вовсе не желалъ и не думалъ покупать находки этой, что она навязалась ему невѣдомо какъ, и что я всему этому былъ главный виновникъ. Матушка баловала меня; отецъ пріѣхалъ домой, сперва было нахмурился, но, убѣжденный разными доводами и случайностью этого событія, почти неотвратимаго, также сдался на общія просьбы наши и позволилъ пріобщить роковаго жеребенка къ домашней скотинѣ. Матушка опредѣлила въ кормилицы къ нему особую корову, и жеребенокъ зажилъ въ холѣ.

Я не могъ нарадоваться этому забавному животному, которое вскорѣ стало тѣшить все семейство наше и весь домъ. Жеребенокъ вышелъ саврасымъ и потому получилъ кличку савраски. Онъ привыкъ къ рукамъ, какъ собачонка, шелъ на кличку, приходилъ за хлѣбомъ и сахаромъ въ комнаты, взбѣгалъ по ступенямъ крыльца, прыгалъ, рѣз-

вился, срывалъ по слову шапку съ головы, подавалъ поноску какъ лягавая, служилъ какъ моська, ласкался и терся какъ кошка, и шаловливо лягался, если его называли чухонцемъ.

Такимъ образомъ прошло два-три года, и савраска, къ общему удивленію, все еще оставался жеребенкомъ. Минуло ему и четыре года; онъ бойко и послушно ходилъ у меня подъ сѣдломъ; словомъ, лошадка вошла во всѣ года, а росту не прибываетъ: она осталась прехорошенькимъ и презабавнымъ карликомъ, маштачкомъ.

Дядя вздумалъ объѣздить ее, и отецъ подарилъ мнѣ на елочку нарочно сдѣланную по савраскѣ упряжь и бѣговыя саночки. Савраску заложили, и оказалось, во-первыхъ, что объѣзжать его ненужно: онъ сразу пошелъ, какъ будто вѣкъ ходилъ въ хомутѣ; во-вторыхъ, что онъ былъ отличный рысачокъ и мчался въ саночкахъ вихремъ. Савраску стали закладывать чаще, и я катался на немъ въ одиночку день за день; при небольшой поѣздкѣ это вышелъ такой бѣгунъ, что на рысистомъ бѣгу, на Невѣ, обгонялъ многихъ, и всѣ дивовались. Вообразите же лошаденку въ аршинъ съ четвертью, которая мчитъ за собою красивенькія салазки и легко обгоняетъ четырехвершковыхъ бѣгуновъ! Савраску стали замѣчать; охотники останавливались на улицахъ и смотрѣли за нимъ вслѣдъ; крошка мой не разъ тѣшилъ и забавлялъ праздную, гуляющую толпу Невскаго проспекта.

Однажды дядя поѣхалъ на савраскѣ въ городъ, за дѣломъ, по хлопотамъ матушкинымъ: отецъ мой ужь скончался въ это время, и разныя дѣла, денежныя и долговыя,

крѣпко заботили бѣдную мать. Я упомянулъ уже, что мы пожи́ли уже широконько; отецъ скончался и покинулъ намъ одни долги. Дядя забавлялся, на обратномъ пути, пропуская мимо себя ухорскихъ ѣздоковъ разнаго рода, обгоняя ихъ затѣмъ шутя, осаживая и давая себя объѣхать и снова опереживая ихъ. Савраска отличался; всѣ прохожіе и проѣзжіе не могли на него налюбоваться.

Вотъ, между прочимъ, ѣдетъ парная, щегольская колясочка, пара вороныхъ въ дышлѣ несется крупною, красивою рысью; кучеръ съ бородою во всю грудь, въ свѣтлозеленомъ кафтанѣ съ галунами и въ золотомъ кушакѣ, сдерживаетъ ихъ бѣлыми, какъ снѣгъ, шелковыми вожжами; бѣлизна и блескъ ихъ почти не уступали блеску серебрянаго набора упряжи. Дядя пропустилъ коляску мимо себя и мигомъ обогналъ ее; баринъ внимательно смотрѣлъ на савраску и сказалъ что-то кучеру, который слегка оглянулся. Вскорѣ коляска опять объѣхала савраску, который былъ пущенъ шагомъ, и вслѣдъ затѣмъ онъ опять помчался во всѣ лопатки: и баринъ и кучеръ глядѣли зорко на нашего котенка; шелковыя возжи ослабли, вороныя постепенно прибавляли рыси, начинали ужь фыркать и покручивать головой; но савраска ушелъ отъ нихъ, какъ отъ стоячихъ.

Дядя далъ ему опять вольно вздохнуть и ѣхалъ шагомъ. Коляска, нагнавъ его, скромно взяла поправѣе, кучеръ не кричалъ: «пади́-ди́, берегись-ся!» а молча старался проѣхать нѣсколько саженъ рядомъ съ савраской, шагомъ. Наконецъ баринъ, облокотясь на поручень коляски и глядя на

дядю, поднесъ руку къ шляпѣ, кивнулъ головою и спросилъ: «Чья это лошадь?»—«Моя.»—«А что она стоитъ?—«Четвертакъ.»—«Дуракъ!»

Этимъ бесѣда на этотъ разъ кончилась. Дядя прiѣхалъ къ намъ, разсказалъ похожденiя свои, и мы много смѣялись тому, что ему, какъ часто на свѣтѣ бываетъ, за правдивое слово сказали дурака. Разсудивъ, однакожь, все спокойно, мы начали жалѣть о крутомъ, хотя и правильномъ отвѣтѣ дяди. Я сказалъ уже, что объ эту пору отца ужь не было на свѣтѣ; матушка была очень озабочена и стѣснена мелочными долгами, не порѣшенными сдѣлками и разсчетами. «Можетъ быть», сказала матушка: «баринъ этотъ и въ самомъ дѣлѣ далъ бы за савраску деньги, а намъ его скоро и дѣвать некуда; скотъ продается хорошо, а еслибъ случился покупщикъ на землю...» «Какiя жь это деньги» сказалъ дядя, «которыя вамъ выручилъ бы савраска? Да за него и тридцати цѣлковыхъ не дадутъ!»—«Что жь», отвѣчала озабоченная матушка: «и тридцать рублей — деньги; прежде сто рублей были большiя деньги: это только со времени нашего счета на серебро, что тридцать цѣлковыхъ стали нипочемъ!»

Чрезъ нѣсколько времени дядя опять ѣздилъ въ городъ на савраскѣ и воротился съ вѣстью, что его не шутя торгуютъ. Кучеръ въ зеленомъ кафтанѣ съ галунами, отколѣ ни взялся, выслѣдилъ пристанище дяди въ городѣ и явился туда съ вопросомъ отъ барина: «Чья лошадь?» — «Моя», отвѣчалъ дядя. «А чего она стоитъ?» — «Четвертакъ.» — «Нѣтъ, ужь вы, пожалуйста, скажите безъ шутокъ», про-

силъ кучеръ: «баринъ безпремѣнно приказалъ узнать, сдѣлайте милость!» — «Да я и не шучу», отвѣчалъ дядя: «она стоитъ четвертакъ: за эту цѣну я ее купилъ жеребенкомъ.» — «А вы-то что за нее возьмете?» — «Это другое дѣло; непродажному коню и цѣны нѣтъ.» Кучеръ разспросилъ, гдѣ найти савраску и хозяевъ его, и ушелъ.

Только что успѣлъ дядя воротиться къ намъ и разсказать новыя приключенія свои, а матушка потужить и пожалѣть, что онъ опять слишкомъ сухо обошелся съ покупателемъ и не торговался съ нимъ, какъ щегольская парная коляска съ зеленымъ кучеромъ и бѣлыми шелковыми возжами остановились у нашихъ воротъ. Мы бросились къ окну: дядя узналъ своего покупщика и вышелъ, взявъ на себя дѣло.

Савраску, по желанію посѣтителя, привели. «Что жь ему цѣна будетъ?» спросилъ онъ. «Я вамъ сказалъ истину», отвѣчалъ дядя: «четвертакъ.» Но тому было не до шутокъ; большіе господа не всегда любятъ это. Онъ посмотрѣлъ на дядю, сморщился было, но, вспомнивъ зависимость свою или причудъ своихъ отъ воли незамысловатаго шутника, принялъ опять спокойный видъ и сказалъ: «За моремъ телушка — полушка, да рубль провозу. Что вы возьмете за клепера?» — «Непродажному коню и цѣны нѣтъ», отвѣчалъ дядя пословицей на пословицу. «Какъ же такъ», продолжалъ тотъ: «неужто жь вы въ самомъ дѣлѣ не возьмете никакихъ денегъ за эту лошадку?» — «По крайней мѣрѣ торговаться не стану. Я сказалъ вамъ, что она не продажна.» — «Однако?» — «Шестьсотъ цѣлко-

ныхъ!» отвѣчалъ дядя съ рѣшительнымъ взглядомъ, но несовсѣмъ рѣшительнымъ голосомъ; ему самому показалось, что онъ въ запросѣ превзошелъ всякую мѣру. Незнакомый обратился къ запяточнику своему и сказалъ ему: «возьми савраску и отведи его домой», полѣзъ въ карманъ, досталъ бумажникъ, вынулъ и отсчиталъ деньги и, подавая ихъ дядѣ, сказалъ: «пожелайте, чтобъ ко двору пришлась.» Мы не успѣли опомниться, какъ коляска ужь скрылась изъ виду.

IX.

ИВАНЪ НЕПОМНЯЩІЙ.

Отрядъ нашъ назначенъ былъ, какъ говорятъ казаки, въ секретную партію, для наказанія хищныхъ горцевъ. Когда все было приготовлено, около заката солнца, и небольшая передовая сила наша сѣла на коней, то еще никто не зналъ, куда мы идемъ. Въ авангардѣ копыта конскія обмотаны были онучами и шашки заложены подъ ляшки, чтобъ ничего не брякнуло; велѣно идти какъ можно тише, чтобъ скрасть непріятельскіе караулы. Отрядъ тронулся, прошелъ по дорогѣ поболѣе часу и повернулъ вправо, перешелъ вбродъ быстрый горный потокъ и поднялся прямо на крутую гору. Прихвативъ на подъемѣ гривки, мы вскорѣ очутились на плоской возвышенности, гдѣ сумерки казались немного порѣже и полумракъ выказывалъ намъ въ отдаленіи гористую и, какъ казалось по очеркамъ, частью лѣсистую, а частью каменистую полосу, къ которой таинственный вожакъ нашъ; въ буромъ башлыкѣ и папахѣ,

протянулъ руку; онъ указывалъ на отдаленный раздолъ, куда намъ лежалъ путь. Отрядъ собрался, оправился, выстроился и снова тронулся въ путь.

До разсвѣта остановились мы только на четверть часа въ глухомъ и темномъ оврагѣ того самаго раздола, который видѣли предъ собою съ вечера, верстахъ въ тридцати; тутъ команда «стой!» передана была почти шопотомъ и приказано еще разъ осмотрѣть и поправить оружіе. «Съ Богомъ, маршъ!» сказалъ вполголоса начальникъ отряда и повелъ за собою извивавшуюся змѣйкою по оврагу конницу. Замки на ружьяхъ и пистолетахъ были осмотрѣны, каждый еще разъ увѣрился въ исправности своего ружья, попытавъ даже, не слабó-ли ходитъ шашка въ ножнахъ и не туго ли засѣлъ въ нихъ кинжалъ. Всякій зналъ, что когда идутъ на вырѣзку аула, то дѣло легко можетъ дойти и до ножей.

Не съ бóльшимъ часъ прошли мы еще доброй ходой, какъ восходъ обозначился блѣдною полоской просвѣта, такъ что въ эту сторону купы деревъ стали оттѣняться темнѣе и отдѣляться рѣзче. Вскорѣ вожакъ отъѣхалъ съ начальникомъ отряда немного въ сторону, остановился и, какъ бы прижимаясь къ чему-то въ бокъ, осторожно указывалъ нагайкой внизъ по косогору. Тутъ едва замѣтно бѣлѣлись сакли съ плоскими, темными, взъерошенными кровлями: это былъ аулъ, на который мы острили зубы и когти.

Отрядъ молча раздѣлился на три части: одна пошла правѣе, спускаясь по косогору; другая взяла влѣво, въ обходъ по гребню горы; третья осталась на мѣстѣ, съ приказаніемъ подвигаться медленно впередъ, когда загорится

дѣло, и образовать заподнýю силу. Весь отрядъ шелъ въ такой мертвой тишинѣ, что, казалось, каждому слышался одинъ только перебой сердца въ груди: оно стучало вслухъ. Такъ же тихо и мертво было все впереди и вокругъ насъ; все спало въ аулѣ мертвымъ сномъ; ни души не было слышно, ни видно. Правый отрядъ подходилъ уже вплоть, и нѣкоторые изъ старыхъ и бывалыхъ солдатъ стали приглядываться, прилегая къ лукѣ и щурясь противъ слабаго разсвѣта; они зорко глядѣли на какую-то черноватую, неширокую полоску, которая тянулась предъ ними грядою поперекъ. Видъ этотъ показался имъ знакомымъ, хотя они и не бывали никогда въ этихъ мѣстахъ.... Но они не ошиблись: лишь только дано было приказаніе атаковать аулъ, и развернувшійся лавою отрядецъ съ гикомъ понесся впередъ, какъ вдоль всей черной полоски внезапно блеснулъ огонь, будто по ней пробѣжала молнія, и густой залпъ встрѣтилъ озадаченныхъ всадниковъ. Чуетъ кошка чье мясо съѣла: въ аулѣ видно ждали этого нападенія, и сдѣланные наскоро завалы заняты были стрѣлками.

Часть нашего отряда быстро спѣшилась и бросилась въ шашки; между тѣмъ отрядецъ, пошедшій въ обходъ, влѣво, по гребню, спустился съ противоположной стороны, кинулся на аулъ съ другаго конца, и посыпавшіеся тамъ горохомъ выстрѣлы вызвали громкое ура всего отряда; резервъ также отозвался, и мы переклинулись братски съ трехъ сторонъ. Горцы увидѣли, что они окружены и что нѣтъ спасенья: можно только продать жизнь свою дороже или дешевле. Завалы были взяты съ-разу, рукопашный бой

длился нѣсколько времени въ садахъ и улицахъ, если только неправильные промежутки между избами и огородами можно назвать улицами; солнце разсыпало первыя блестки свои и настала день. Большая часть окруженныхъ отрядомъ нашимъ горцевъ легла на мѣстѣ; бѣглецы кинулись по двумъ дорогамъ, влѣво на перешеекъ гребня и прямо на резервъ нашъ, и тутъ и тамъ наткнулись они на сильную засаду. Солнце освѣтило уже поконченную работу; захваченный скотъ и нѣсколько плѣнниковъ, почти все раненые, сданы были подъ караулъ и тотчасъ же двинулись обратно; встрѣчу имъ выступилъ, по пятамъ нашимъ, небольшой свѣжій отрядецъ, назначенный именно для пріемки воинской добычи и для прикрытія нашего тыла. Нашему отряду дано было на роздыхъ не болѣе полутора часа, а затѣмъ велѣно было тотчасъ выступить обратно. Долѣе оставаться было бы опасно.

И съ нашей стороны было не безъ потери, потому что мы наткнулись на засаду завала; но потеря эта была незначительна, сравнительно съ полнымъ пораженіемъ врага. Аулъ былъ сожженъ, но не прежде какъ при самомъ выступленіи нашемъ въ обратный путь, чтобъ дымъ не послужилъ знакомъ общей тревоги для всей округи. Два офицера были ранены; ихъ усадили на смирныхъ, надежныхъ коней, придавъ каждому по два человѣка на помощь; убитыхъ офицеровъ не было ни одного, но по сборѣ отряда оказалось, что не досчитывается поручика Невѣдомскаго, Ивана Непомнящаго, какъ онъ бывало самъ себя называлъ, Ивана Павловича, какъ звали его солдаты и всѣ до-

брые люди. Пустили голосъ по отряду: *поручика Невѣдомскаго къ полковнику!* Кличъ повторялся до ста разъ, огласивъ всю окрестность, и замолкъ безотвѣтно: никто на него не отозвался. Послали разъѣзды по всему аулу, по всей цѣпи заваловъ, по садамъ — нѣтъ его нигдѣ, и ни слуху, ни духу о немъ.

Послѣ двухчасоваго поиска, который положительно удостовѣрилъ огорченнаго начальника и всѣхъ товарищей, что Невѣдомскаго тутъ не было ни въ живыхъ, ни въ мертвыхъ, отрядъ долженъ былъ воротиться, оплакивая безъ вѣсти пропавшаго. Нельзя было даже предположить, чтобъ онъ какимъ-нибудь несчастнымъ случаемъ могъ попасться въ плѣнъ: аулъ былъ такъ хорошо и тѣсно окруженъ, что съ минуты перваго натиска едва ли могла уйдти изъ него хотя одна душа; какимъ же образомъ допустить, чтобъ офицеръ могъ быть взятъ незамѣтно въ плѣнъ и уведенъ, также не будучи никѣмъ замѣченъ? Казаки перехватили даже разбѣжавшихся ребятъ, не только вершниковъ. Невѣдомскаго видѣли въ послѣдній разъ на самомъ приступѣ, когда наши бросились въ шашки; въ рукопашномъ бою, гдѣ каждый поневолѣ занятъ былъ только тѣмъ, что у него подъ носомъ, его болѣе никто не замѣтилъ, а спохватились его уже по окончаніи всего дѣла, послѣ сбора. Какъ бы то ни было, но Невѣдомскій пропалъ, и не было въ цѣломъ отрядѣ ни одного человѣка, который бы, соображаясь съ обстоятельствами, могъ сдѣлать на этотъ счетъ какое-нибудь сбыточное предположеніе. Скажемъ болѣе: если офицеръ попадется въ руки горцевъ, то объ этомъ всегда

узнаютъ скоро, какъ чрезъ лазутчиковъ, такъ и прямо отъ тѣхъ, которые надѣются получить за него выкупъ; о Невѣдомскомъ же никогда и никакихъ слуховъ не было, и горцы сами говорили, что въ дѣлѣ этомъ не плѣнили у насъ ни одного человѣка.

— Вотъ судьба!— сказалъ одинъ изъ товарищей пропавшаго безъ вѣсти, когда всѣ они, благополучно воротившись на спокойный бивачный ночлегъ, сидѣли съ трубками вкругъ костра, за общимъ чаемъ: — вотъ судьба! Явился человѣкъ на свѣтъ неизвѣстно откуда; прозваніе дано ему неизвѣстно кѣмъ, и оно называетъ его невѣдомымъ пришельцемъ; подъ этимъ прозваніемъ онъ служилъ, дослужился чиновъ и отличій, и само правительство не знало, кого оно жалуетъ и награждаетъ; и сошелъ онъ со свѣту какъ Невѣдомскій, никому невѣдомо какъ и куда. Что скажете на это, господа, какъ прикажете это объяснить?

— Онъ, кажется, былъ изъ воспитательнаго дома?— спросилъ другой: — такъ, помнится, сказывалъ кто-то.

— Такъ вы не знаете похожденій нашего Ивана Непомнящаго? спросилъ первый.

— Нѣтъ, онъ не изъ воспитательнаго дома, и происхожденіе его еще загадочнѣе этихъ безродныхъ пріемышей правительства. Я знаю въ подробности все, что объ Иванѣ Павлычѣ было извѣстно, и коли хотите, разскажу странныя событія, при которыхъ бѣднякъ явился на свѣтъ:

«Въ одной изъ столицъ нашихъ жила, вовсе неизвѣстная въ высшемъ обществѣ, повитуха; но въ среднемъ и чиновничьемъ кругу ее очень любили. Она была женщина

порядочная, добросовѣстная, но жадная на деньги и въ дѣлѣ своемъ бралась своими руками за все сама, не брезгая ничѣмъ, не требуя никакой прислуги. Эта обрусѣлая нѣмка жила себѣ скромно и тихо, съ одною кухаркой, съ которою обжилась и не разставалась много лѣтъ. Сама она, по роду занятій, большую часть дней и ночей проводила внѣ дома, и кухарка эта, Аннушка, была столько же хозяйкой въ маленькомъ хозяйствѣ этомъ, сколько сама Марья Ивановна. Въ маленькой, укромной квартирѣ своей принимала она иногда и у себя, если родильница почему-либо этого желала, и Аннушка пріучена была къ этому уходу.

«Однажды вечеромъ позвонили. Вошелъ молодой, ловкій, весьма хорошо одѣтый мужчина — князь или графъ, какъ Марья Ивановна увѣряла; робко, но торопливо потребовалъ онъ хозяйку, спѣшно вошелъ и, поклонившись, спросилъ: «Можно ли здѣсь разрѣшиться одной пріѣзжей дамѣ, которая заѣхала сюда одна, безъ родныхъ и безъ знакомыхъ, задержана была дѣлами и нездоровьемъ долѣе, чѣмъ разсчитывала и, настигнутая рокомъ своимъ, теперь не знаетъ куда дѣваться?» На утвердительный отвѣтъ, за которымъ хозяйка намѣрена была спросить: въ какой день, или около какого времени она должна ожидать эту гостью, посѣтитель тотчасъ раскланялся, сказавъ, что роженица будетъ чрезъ полчаса. Застигнутая вѣстью этою врасплохъ, Марья Ивановна съ Аннушкою захлопоталась и едва только успѣла припасти самое необходимое, какъ карета простучала по двору, звонокъ подалъ голосъ, и тотъ же молодой человѣкъ ввелъ въ комнату молодую, рослую, прекрасную собой жен-

щину, одѣтую богато и съ большимъ вкусомъ. Много лѣтъ спустя, Марья Ивановна съ какимъ-то изумленіемъ и подобострастіемъ разсказывала объ этомъ нежданномъ для нея явленіи, припоминая, какъ плавно и твердо эта женщина вошла, какъ спокойно и привѣтливо поздоровалась и съ какою великолѣпною простотою прошлась по комнатѣ, въ черномъ шелковомъ платьѣ, въ головномъ уборѣ, будто прямо съ бала, а между тѣмъ чрезъ часъ времени уже все было кончено, и новый гражданинъ этого міра вступилъ на свое мірское поприще.

«Черная дама, по словамъ Марьи Ивановны, едва дозволила себѣ во все время нѣсколько вздоховъ вслухъ: ни одного стона, не только крика, не было слышно. «Такого нечеловѣческаго мужества», говорила Марья Ивановна: «я не видывала во всю жизнь свою; а чрезъ мои руки переходило въ годъ не менѣе сотни родильницъ, и принимала я тогда уже болѣе двадцати пяти лѣтъ. Дѣло привычное; но мнѣ и Аннушкѣ, среди этого мертваго молчанія, даже сдѣлалось страшно.»

«Менѣе часа, какъ увѣряетъ Марья Ивановна, таинственная роженица оставалась на постели, вдругъ сама встала, блѣдная, но твердая и свѣжая, не слушала никакихъ убѣжденій и будто не слыхала ихъ, отказалась даже, къ ужасу заботливой Марьи Ивановны, отъ неизбѣжнаго въ такихъ случаяхъ роковаго ромашковаго чаю; прямо съ одра своего подошла она твердою поступью къ зеркалу и стала оправлять на себѣ волосы.... Отъ изумленія растерявшаяся Марья Ивановна даже не смогла остановить смѣ-

лую руку своей таинственной гостьи, когда она потомъ подошла къ окну, гдѣ, для домашняго обихода, стоялъ графинъ съ водою, налила полный стаканъ и выпила его разомъ.

«Дама присѣла, попросила позвать изъ другой комнаты своего провожатаго, который бросился со слезами цѣловать ея руки, сказала ему что-то, и онъ спѣшно удалился. Обратясь къ хозяйкѣ, она благодарила ее, отдала ей готовый пакетъ, въ которомъ оказалось пятьсотъ рублей, и просила ее оставить у себя младенца хоть до завтра, просила также найти тотчасъ хорошую кормилицу, обѣщая прислать за ними на слѣдующій день. Марья Ивановна слушала все это, какъ во снѣ, не понимая, какъ можетъ роженица уѣхать въ этомъ положеніи, и спросила: «Развѣ вы не останетесь у меня, по крайней мѣрѣ, до девятаго дня?» Но та съ кроткою улыбкой отвѣчала, что не можетъ оставаться и девяти минутъ, встала и вышла сама съ тѣмъ же молодымъ человѣкомъ, который, между тѣмъ, привелъ извощичью карету. Онъ заботливо проводилъ жену — сестру — подругу. Богъ знаетъ, кѣмъ и чѣмъ ему была она — проводилъ только подъ руку, по лѣстницѣ съ третьяго жилья, оба сѣли, и карета покатилась. Марья Ивановна и Аннушка смотрѣли только другъ на друга, не могли опомниться отъ изумленія и не знали что говорить. Прибравъ на-скоро все, онѣ, по обычаю, послѣ такихъ ночныхъ трудовъ, принялись за самоваръ и кофейникъ.

«Взглянувъ еще разъ на ребенка, Марья Ивановна присѣла отдохнуть и успокоиться, пожала плечами, покачала

головой, откусила крошку сахару съ булавочную головку и сказала, прихлебывая:

«— Ай, ай, Аннушка! смотри, какія дѣла на свѣтѣ дѣлаются — а?

«— Да какая хорошая,— сказала Аннушка: — да богатая, да знатная! Вѣдь и мнѣ, вотъ что пожаловала, и статная, и даже, вотъ вошла, такъ ничего не замѣтно, все равно, что мы съ вами, Марья Ивановна. Съ нею, бѣдною, что-нибудь да приключилось, и разодѣтая; чаї, дома сказала на вечеръ куда уѣхала... Ахъ, Марья Ивановна, случай какой!

«— Богъ съ нею, Аннушка, не наше дѣло это. Мы свое сдѣлали, все благополучно покончили, и она не оставила насъ.

«— Ужь подлинно, что не оставила,—прибавила та: — и, вѣстимо, матушка, что дѣло не наше: про то Богу вѣдомо; а барыня прекрасная и презнатная; салопъ какой, соболій весь, крытъ зеленымъ бархатомъ, дорогой, предорогой!

«— Да,—продолжала Марья Ивановна:—знатнаго, княжескаго рода. Такихъ серёгъ я и не видывала. Ну, Аннушка, прибирай, отдохнемъ. Богъ вѣсть, много ли еще дадутъ мнѣ уснуть эту ночь; въ нашей работѣ только въ два или три лѣтніе мѣсяца и выспишься, а съ августа по май вѣдь ни одной ноченьки не дадутъ соснуть. Утромъ иди скорѣе за кормилицей, да приведи хорошую — слышишь? Жалованья тутъ не пожалѣютъ и разодѣнутъ, знаешь какъ?

«На утро пріѣхалъ тотъ же молодой человѣкъ, освѣдомился о ребенкѣ, о кормилицѣ, и просилъ бабку оставить ихъ еще на время у себя, обѣщая много благодарности и хорошую плату за всѣ труды и хлопоты. Говоря это, онъ все оглядывался кругомъ, искалъ чего-то съ безпокойствомъ и очень обрадовался, когда Марья Ивановна подала ему забытый вчера роженицею платокъ, шитый, батистовый и кружевной, вѣроятно, мѣченный, хотя наша бабушка, въ простотѣ своей, и не догадалась осмотрѣть уголковъ. Посѣтитель спѣшно сунулъ его въ карманъ, еще разъ просилъ позаботиться матерински о младенцѣ и уѣхалъ. Кормилица была нанята и расположилась съ питомцемъ своимъ въ гостиной комнатѣ Марьи Ивановны.

«Чрезъ нѣсколько времени явился опять тотъ же молодой человѣкъ и просилъ бабку не поскучать воспитаніемъ ребенка, положивъ сверхъ платы кормилицѣ, по пятидесяти рублей въ мѣсяцъ и выдавъ деньги за полгода впередъ. Для небогатой женщины это была находка. Посовѣтовавшись съ Аннушкой, хозяйка согласилась; самое ее никогда почти не было дома, Аннушка по цѣлымъ суткамъ скучала одна и рада была новымъ домочадцамъ.

«Послѣ нѣсколькихъ недѣль, нечаянно вечеромъ, вдругъ опять явилась мать ребенка, въ такомъ блескѣ и величіи, что Аннушка готова была присягнуть за нее, что она перваго княжескаго рода; но она пришла пѣшкомъ, одна одинёхонька, и никто не зналъ откуда она взялась. Казалось, она пріѣхала съ самаго великолѣпнаго бала.

«Порадовавшись сыночку, она подарила ему нѣсколько

дорогихъ, прекрасныхъ игрушекъ, претонкаго бѣлья, платья, одарила бабку, кормилицу и Аннушку, и отдала деньги за второе полугодіе. Замѣчаніе Марьи Ивановны, что младенца пора крестить, она предупредила отдачею записки, въ которую завернутъ былъ золотой крестикъ, деньги на крестины, съ надписью: *Иванъ Павловъ Невѣдомскій*, родился тогда-то. Слова эти написаны были, видимо, искаженною рукою. Бѣлье и пеленки помѣчены были И. Н.

«Марья Ивановна, пожавъ плечами, покачавъ головой и потолковавъ обо всемъ этомъ съ своею наперсницею, Аннушкой, продолжала ходить за ребенкомъ и заботиться о немъ, какъ о родномъ. Прошелъ годъ, наступилъ и другой; мать навѣдывалась раза три, молодой человѣкъ также временемъ заходилъ; опять одарили всѣхъ, заплатили условную цѣну впередъ и скрылись. Аннушка, вслѣдствіе тайнаго, семейнаго совѣта, побрела было разъ слѣдомъ за барыней, когда она вышла отъ нихъ и пошла пѣшкомъ черезъ дворъ; хотѣлось было узнать, куда поѣдетъ эта загадочная гостья, въ собольемъ салопѣ своемъ на рытомъ бархатѣ, по десяти цѣлковыхъ аршинъ—а и эта разцѣнка была уже сдѣлана, въ томъ же семейномъ совѣтѣ — но осторожная княгиня оглянулась нѣсколько разъ, проходя по двору, и, замѣтивъ Аннушку, робко, издали остановившуюся, пригрозила ей пальцемъ, приворожила ее этимъ къ мѣсту, и спѣшно скрылась. Пристыженная Аннушка воротилась съ неудачнаго поиска своего въ большомъ

страхѣ и пересказала Марьѣ Ивановнѣ обстоятельно обо всемъ.

«Мальчику исполнилось два года, и въ день его рожденія мать навѣстила его въ послѣдній разъ: никто болѣе не навѣдывался о немъ, и затѣмъ ни о матери, ни о провожатомъ ея не было никакихъ слуховъ. Марья Ивановна утѣшала себя и Аннушку тѣмъ, что не заболѣла ли бѣдная мать, не уѣхала ли куда на время, или не сталась ли какая помѣха для отлучекъ изъ дома; но вскорѣ Марья Ивановна очень была озабочена подростающимъ питомцемъ своимъ, за котораго никто не вносилъ болѣе платы: куда съ нимъ дѣваться, какъ его воспитать и пристроить? Ей, женщинѣ бѣдной и занятой по ремеслу гдѣ день, гдѣ ночь, такой воспитанникъ былъ въ большую тягость. Притомъ она все еще считала его чуть не владѣтельнымъ княземъ, полагала, что родные явятся, потребуютъ отчета, и что она обязана держать и воспитать его какъ барина. Но годъ проходилъ за годомъ, и никто о немъ не заботился. Сколько Марья Ивановна ни старалась разузнать что-нибудь о загадочныхъ родственникахъ его — все напрасно. Одинъ только разъ, и то ужь давно, она встрѣтила въ гостиномъ дворѣ ту самую молодую, прекрасную и богатую женщину, которая покинула у нея своего ребенка: она была не одна, съ нею шла еще другая, такъ же богато-одѣтая дама. Марья Ивановна замѣтила, что несчастная мать узнала ее, сильно встревожилась и спѣшно скрылась въ другую лавку; скромная Марья Ивановна не сочла

приличнымъ преслѣдовать ее, но и не желала упустить этотъ нечаянный и, можетъ быть, послѣдній случай обезпечить будущность ребенка; она подошла къ красивой каретѣ съ гербомъ, постояла, оглядываясь, и наконецъ спросила у ливрейнаго лакея: «чья эта карета?»—«Господская», отвѣчалъ тотъ громко и отвернулся. Кучеръ разсмѣялся остротѣ этой и на обращенный къ нему вопросъ не далъ никакого отвѣта, а глядѣлъ въ противную сторону. Въ это самое время княгиня или графиня подошла скорыми шагами къ каретѣ, бесѣдуя съ своею подругой; дверцы скоро растворились, опять затворились, подножка хлопнула, и карета укатила прежде, чѣмъ бѣдная Марья Ивановна успѣла опомниться; а когда она вздумала сѣсть на извощика и догнать ее, то по пустому издержала двугривенный, а кареты не нагнала. Ваня росъ; Марья Ивановна заботилась о немъ, какъ о сынѣ, сколько могла, держала даже для него дорогихъ въ столицѣ учителей, но, наконецъ, выбившись изъ силъ, пристроила его въ одно изъ низшихъ военныхъ заведеній, куда мальчикъ, понимая положеніе свое, самъ убѣдительно просился. Онъ вышелъ оттуда, по бойкимъ способностямъ своимъ, очень молодъ, топографомъ, былъ назначенъ сюда, на Кавказъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ отличился и произведенъ въ офицеры, получилъ еще затѣмъ, какъ всѣмъ вамъ, господа, извѣстно, два креста и два чина, былъ любимъ и уважаемъ всѣми нами, и товарищами и солдатами.»

Кто была мать его, эта прекрасная и богатая, знатная женщина? Зачѣмъ она скрыла ребенка? Зачѣмъ забыла его,

или отказалась отъ него, будучи еще жива и находясь все еще въ той же столицѣ?

Прибавимъ къ этому, что Невѣдомскій пропалъ со свѣту навсегда, никому невѣдомо какъ и куда. О немъ не было никакихъ болѣе слуховъ. Какъ бѣднякъ явился, такъ и исчезъ,— безъ слѣда и безъ вѣсти.

X.

ГЕНЕРАЛЬША.

Не въ глуши и вовсе не въ Саратовѣ, а на пространствѣ между обѣими столицами и въ трехъ только верстахъ отъ большой дороги, есть сельцо, въ которое я попалъ случайно, проѣзжая вмѣстѣ съ тамошнимъ уѣзднымъ предводителемъ въ сосѣднюю съ сельцомъ этимъ усадьбу.

— Зайдемте, пожалуйста, къ одной изъ помѣщицъ этого сельца, — сказалъ онъ мнѣ: — вы познакомитесь съ лицомъ, извѣстнымъ у насъ въ уѣздѣ подъ именемъ *генеральши*, потому-чтò она, говоря о себѣ охотно въ третьемъ лицѣ, сама себя иначе не называетъ. Я задержу васъ только на часъ или полтора; но вы этимъ подарите мнѣ три дня, потому-что мнѣ, вѣроятно, пришлось бы ѣхать сюда нарочно. Думаю, что и вы не пожалѣете потеряннаго часа, потому-что увидите лицо довольно замѣчательное и, вѣроятно, будете свидѣтелемъ не менѣе замѣчательнаго объясненія.

— Съ удовольствіемъ. Что жь, вѣроятно у васъ и здѣсь также небольшія ссоры и мировыя между сосѣдями?

— Ужь не говорите! Пять владѣльцевъ въ одномъ сельцѣ, да на бѣду еще въ этомъ числѣ три бабы, и всѣ пятеро постоянно проживаютъ въ своихъ помѣстьяхъ! Вѣрите ли, дошло до того, что исправникъ и становой объѣзжаютъ сельцо Подымалово, какъ чуму; каждую почту въ земскій судъ приходитъ отсюда по пяти просьбъ, то-есть отъ каждаго владѣльца по одной, и просьбы эти пріобщаются къ особому *наряду*, который надписанъ: «нарядъ просьбамъ и жалобамъ владѣльцевъ сельца Подымалова.» Каждыя двѣ-три недѣли приходятъ жалобы на имя губернскихъ властей, и вотъ оттуда-то порою сваливаются они и на меня, заставляютъ, хоть ради позора, укрощать и усовѣщивать почтенныхъ владѣльцевъ, но безуспѣшно. Вотъ вы увидите сами образчикъ такой попытки моей. Лѣтъ не болѣе двѣнадцати, Подымалово было въ однѣхъ рукахъ: четыреста душъ, земли довольно, лѣса̀ и во̀ды свои, крестьяне зажиточные, хозяйство въ порядкѣ; хоть покойникъ и жилъ широконько, но впередъ не заживался, чужаго не прихватывалъ; хозяйственныя заведенія разнаго рода были у него устроены хорошо и прочно, по мѣркѣ на вотчину въ четыреста душъ. Перечетверите да перепятерите все это, и что̀ тутъ останется? Куда одному изъ наслѣдниковъ дѣваться со скотнымъ дворомъ на сто головъ, когда онъ не въ силахъ прокормить и десяти? Куда другому съ житницей на пять тысячъ четвертей, когда у него ихъ на-лицо не бываетъ болѣе пятидесяти? Что̀ третьему дѣлать съ

птичникомъ и обширнымъ овиномъ на каменныхъ столбахъ, коли, сверхъ-того, и овинъ и птичникъ еще остались за межой, на чужой землѣ? Вотъ посмотрите: барская усадьба, за сносомъ всѣхъ сносимыхъ частей съ разными владѣльцами, еще-таки разгорожена заборомъ пополамъ: дворы, садъ, огородъ, не только самый домъ, все размежевано, и двѣ закоснѣлыя непріятельницы живутъ подъ одной общей кровлей, размежевавъ и чердакъ, и подвалъ и сталкиваясь всюду для смутной вражды и брани. Остальные три владѣльца расположились по разнымъ концамъ сельца: одному изъ нихъ досталась теплица, которая разсыпалась бы, еслибъ ее стать переносить; она осталась на старомъ мѣстѣ, на чужомъ усадѣ; новый хозяинъ поддерживать ее не въ силахъ, а взялъ; пробившись съ нею нѣсколько лѣтъ и разорившись на нее, онъ теперь забрался въ нее самъ, всѣмъ дворомъ опричь хоромъ, и процвѣтаетъ тамъ, вмѣстѣ съ ананасами. Лѣсъ, вода, луга — все размежевано клиньями да полосами; каждый лоскутъ, по качеству, отдѣльно размежеванъ на пять полосъ, чтобъ никому не досталась борозда къ своему загону; жадность и зависть все располосовали на тесьмы и ленты, — ну просто никому нельзя курицы выпустить, чтобъ она не зашла въ чужую межу.... Вотъ, поглядите, кровли раскрыты: ихъ истравили зимой на барскій скотъ; лошадёнка найдется развѣ въ десятомъ дворѣ, коровёнка едва ли и на десять дворовъ одна; «у насъ скота держать нельзя», отвѣтитъ вамъ здѣсь каждый мужикъ на вопросъ объ этомъ: «на межахъ живемъ, и сохи на своей полосѣ не заворотишь; у насъ скотину со двора

займутъ, не только съ улицы, а выгнать и курицы некуда; семерыхъ въ одинъ кафтанъ согнали.»

— Отчего жь,—спросилъ я: — помѣщики ваши не сдѣлаются какъ-нибудь добромъ, не разверстаются землями къ одному мѣсту, не скупятъ имѣнія, хоть по частямъ, въ однѣ руки?... Вѣдь нельзя же имъ не убѣдиться на дѣлѣ, что при нынѣшнемъ порядкѣ всѣ они лишаются своихъ доходовъ?

— Говорите вы! ужь мало ли мы съ ними бились? Какъ дѣло дойдетъ до разверстки, то у каждаго изъ нихъ одна забота, чтобъ кому изъ прочихъ не досталась полоса получше. Въ чужихъ рукахъ ломоть великъ: какъ ни разводи ихъ, все зависть претитъ, все несогласны — ну и межуютъ каждый клокъ порознь и поровну. Вонъ у нихъ всѣ полосы, въ длину вёрсты, а въ ширину сажени, всѣ въ лапшу искрошили; ни одинъ нейдетъ на размѣнъ безъ барыша, то-есть не обидѣвъ и не обдѣливъ другаго; а какъ вдалекѣ обоимъ нельзя взять больше и надуть другъ друга, то и мѣны быть не можетъ; и лежатъ, какъ песъ на сѣнѣ — ни себѣ, ни другому. А чтобъ скупить клочки въ однѣ руки, то на это бы всякій изъ нихъ готовъ, на это бы всѣ они лакомы, да купила-то ни у кого не хватаетъ, а въ долгъ ни одинъ не уступаетъ ни одной бороздки, будучи самъ готовъ принять въ вѣдѣніе свое всѣ сосѣднія имѣнія, съ платою за нихъ заемными письмами. Всѣ они въ этомъ отношеніи такъ хорошо знаютъ сами себя и другъ друга, что даже одно предложеніе посредника о подобной сдѣлкѣ считаютъ личною обидой. Вотъ они

и сошлись тутъ самъ-пятъ, сидятъ въ кучкѣ, а глядятъ врознь, стерегутъ лоскутья свои и подстерегаютъ другъ друга въ потравѣ, не давая покоя ни себѣ, ни добрымъ людямъ.

Между тѣмъ мы подошли къ старой усадьбѣ, разгороженной во всю длину пополамъ; перегородка эта во всю длину чистаго, чернаго и скотнаго дворовъ усажена была по гребню рогатками, какъ бы раздѣляя два непріятельскіе стана. У господскаго дома было два подъѣзда, съ каждаго конца по одному, но оба, очевидно, кой-какъ пристроены были новыми зодчими, между тѣмъ какъ первоначальный подъѣздъ и входъ посрединѣ дома былъ упраздненъ: дверь была заложена и крыльцо сломано. Одна половина лицевой стороны дома была не такъ давно подмазана вохрой, другая, напротивъ, носила на себѣ всѣ слѣды десятилѣтняго пребыванія въ исконномъ видѣ своемъ, такъ что только одна половина заложенной посреди дома двери, сломаннаго подъѣзда и крыльца была завохрена домашними средствами, на половинѣ генеральши, а другая оставалась нетронутою, со времени послѣдняго домашняго переворота. Генеральская же половина крыши чинилась, и по этому поводу вся кровля размежевана была чрезъ конекъ поперекъ веревкою, на самой границѣ владѣній.

Мы вошли. Мальчишка, сидѣвшій въ передней, приказалъ намъ обождать, покуда онъ позоветъ *дядюшку*, и чрезъ нѣсколько минутъ явился, кажется, съ дѣдушкою—со старымъ, дряхлымъ слугой, на котораго, для пополненія нищенскаго наряда его, оставалось только навѣсить суму. Ста-

рикъ привѣтливо поклонился спутнику моему, назвавъ его по имени и отчеству, извинился, просилъ тотчасъ же войти, а самъ пошелъ съ докладомъ къ генеральшѣ. Вскорѣ, въ сосѣдней комнатѣ послышались стоны, безъ которыхъ хозяйка никогда и никого не принимала. Насъ просили войти.

На длинномъ диванѣ, въ одномъ углу его, на высиженномъ въ теченіе многихъ лѣтъ мѣстѣ, въ глубокой ямкѣ, сидѣла довольно тучная старушка, съ лицомъ ничтожнымъ до пошлости: несмотря на выкатившіеся глаза, первые пріемы ея показали, что она помнитъ и уважаетъ чинъ свой, но иногда умѣетъ быть снисходительною. Предводителю говорила она: «Ты мой батюшка, мой голубчикъ, отцы наши покровители», на меня же не обращала никакого вниманія; раза два только, вначалѣ, она съ осторожностью на меня покосилась, взглянувъ бочкомъ не въ лицо мнѣ, а на мою одежду: изношенный, дорожный сюртукъ мой, повидимому, успокоилъ ее, и она уже болѣе на меня не глядѣла, будто меня тутъ и не бывало. Спутникъ мой не счелъ за нужное представить меня, и я пользовался всею свободой отсутствующаго. Я оглянулся кругомъ: мебель ветхая, но старой, хорошей работы, а обивка на ней въ мохрахъ и лохмотьяхъ. На окнахъ — такъ называемый поповскій цвѣтникъ: бальзамины, капуцины и герань; на шаткомъ полу, въ двухъ противоположныхъ углахъ, разсажены были врознь двѣ чумички, вязавшія непомѣрно грязные чулки; въ дверяхъ стояла и по-временамъ выглядывала къ намъ украдкой еще дѣвка, босая, тиковая, плот-

ная; ее, казалось, очень затруднили естественные законы статики, потому-что она, тиковая дѣвка эта, держалась для равновѣсія обѣими руками за дверь и ложилась впередъ всѣмъ тѣломъ, желая получше разсмотрѣть гостей. Далѣе не было видно, ни слышно ничего; но ею передавались по-временамъ позадь себя кому-то какіе-то телеграфическіе знаки.

Послѣ первыхъ привѣтствій, хозяйка наша закричала, чтобъ Никитѣ Иванычу, то есть спутнику моему, подали кофе. Приказаніе это было передано далѣе вѣстовымъ женскаго пола, кончившимся въ дверяхъ, а исполнено вскорѣ еще инымъ должностнымъ лицомъ, женщиной въ лѣтахъ, съ плавной походкой и въ старомъ платьѣ съ барскихъ плечъ, которыя были почти вдвое шире плечъ распорядительницы кофейнаго угощенія, довѣренной особы, которая собственно *ходила около горячаго*. На меня не обращали никакого вниманія, и на мою долю не досталось ничего. Спутникъ мой только по-временамъ косился на меня улыбаясь, и продолжалъ бесѣду свою съ хозяйкой.

— Сдѣлайте милость, ваше превосходительство, покончимте дѣло это добромъ. Не хорошо для васъ, право не хорошо.

— А мнѣ что, мой батюшка! помилуй, куда же мнѣ дѣваться? не со свѣту же отъ нихъ бѣжать! Вѣдь житья нѣтъ — вонъ, послушай, слышь? Это милая сосѣдка моя стучитъ, гвоздь въ стѣну колотитъ, и все это мнѣ на зло. Вѣдь ваше дѣло наѣздное, голубчики мои, покровители наши; вѣдь вотъ ты послушалъ да и поѣхалъ, а мнѣ-то каково,

горемычной? вѣдь она, я чай, всю стѣну у себя, на зло мнѣ, исколотила гвоздями—слышишь? Машка, поди, дура, скажи Филипычу (старому слугѣ, который насъ принималъ), скажи, чтобъ онъ унялъ эту озорницу, безстыдницу; скажи, что вотъ-де гости у генеральши, самъ предводитель.... ну, пошла же! Вотъ все такъ, батюшка, день деньской, а ужь какую-нибудь пакость да придумаетъ. Вотъ хоть бы это дѣло, покровители вы наши, о которомъ изволишь говорить. Вѣдь толкуешь, а дѣла-то не знаешь, ей-богу не знаешь, не такъ бы говорилъ. А ты лучше послушай меня, чѣмъ обижать сироту безвинно: я тебѣ разскажу все, какъ есть, не утаю ничего.... (стукъ за стѣною раздался еще сильнѣе....) Слышишь ли? видишь ли? Что скажешь на это„ отцы наши? И такъ вотъ она все дѣлаетъ, простоволосая; а она и чепецъ-то незаконно носитъ, ей-богу незаконно —да!... Ну, вотъ слушай: курицу мою, хохлушечку, изволишь видѣть, обварила она кипяткомъ—вотъ злоба какая, прости Господи!—за-то, что та, бѣдная, подошла къ ней подъ окно, только подошла да на антихристку эту поглядѣла; вотъ съ чего, батюшка, и дѣло-то у насъ началось. Ну, за что жь она курицу мою обварила, разсуди же ты самъ? Ну, дворянское ли это дѣло? Вотъ дѣвчонка моя, увидавъ скверность такую, заступилась за барыню свою, за генеральшу, — вонъ эта, вонъ, что въ углу сидитъ. Негодная она, покровитель ты мой, сегодня и рядовъ не прошла по уроку — я вотъ еще раздѣлаюсь съ нею —да, а за добро мое заступилась, за обиду: а во дворѣ у нея объ эту пору баба случилась, съ села, грибковъ принесла кузовочекъ, сколько слѣдовало ей тамъ поставить

на барскій дворъ. Проклятая-то и кричитъ бабѣ: «Поймай сейчасъ дѣвчонку эту», и обругала ее, «поймай сейчасъ да потаскай ее порядкомъ», а сама еще приговариваетъ, въ окно глядя: «еще прибавь, еще хорошенько!» Такъ моя Палашка насилу вырвалась изъ-подъ этой потасовки, вся избитая ко мнѣ прибѣжала; реветъ, батюшка: вѣдь больно, вѣдь тоже человѣкъ. «Ахъ ты, згинь передо мной!» подумала я, «что я стану дѣлать, бѣдная я, горемычная сирота?» Послала за старостой и накрѣпко наказала ему какъ-нибудь поймать бабу эту, да порядочно ей попомнить дѣло это, чтобъ она впередъ знала одно свое свиное рыло да кривое веретено, а не смѣла бы рукъ подымать на генеральскихъ крестьянъ. Вотъ, покровители мои, старостиха моя и зазвала какъ-то бабу эту къ себѣ, и досталось ей тамъ таки порядкомъ; что жь, не подѣломъ, скажешь, батюшка, что ли? Ну, слушай же, слушай все: не прошло трехъ дней, какъ бурнаевскій староста, по приказанію барыни своей, вотъ, почтенной сосѣдки моей, озорницы, какъ староста ея поймалъ на улицѣ мою старостиху; та въ крикъ, благимъ матомъ, такъ нѣтъ, сударикъ ты мой, затащили ее силою, какъ вотъ сущіе разбойники, въ избу и отбузовали ее такъ, что вѣдь еле-еле жива осталась. Ну, мой отецъ, тутъ-то чтó прикажешь дѣлать — а?

Напрасно предводитель старался вразумить генеральшу, что и сама она въ дѣлѣ этомъ неправа, что враждѣ этой и взаимной мести конца не будетъ, если обѣ стороны станутъ продолжать подобную расправу, что самоуправство было тутъ обоюдное, и что, по руской пословицѣ: первая

брань лучше послѣдней, надо дѣло это бросить и покончить, — все напрасно: хозяйка, среди самой жаркой бесѣды своей и самыхъ горькихъ жалобъ, вспомнила вдругъ, что гость ея охотникъ до земляники и думала хоть этимъ склонить его въ свою сторону; она отрядила Сашку, чтобъ позвать Машку, Машку послала за Палашкой, а Палашкѣ велѣла сказать ключницѣ, чтобъ подала для дорогаго гостя землянички, а между тѣмъ стала охать и вздыхать, поминая покровителей своихъ, смотрѣла на гостя съ какою-то недовѣрчивостью, будто хотѣла спросить: «да ужь ты, мой батюшка, не купленъ ли окаянною злорадкою моею?» При потчиваніи земляникой, она опять сдѣлалась довѣрчивѣе и на всѣ убѣжденія предводителя непоколебимо отстаивала право и правоту свою, требуя одного: отеческаго совѣта и наставленія, чѣмъ и какъ бы теперь отомстить Бурнаевой. «Будь другъ и благодѣтель», продолжала она, «приставь голову къ плечамъ, научи ты меня, горемычную, ка̀къ бы мнѣ отвадить ее, ка́къ бы ей всучить щетинку, да чтобъ она вѣкъ меня помнила?»

Между тѣмъ я опять остался за штатомъ: мнѣ не дали и земляники. Предводитель сдѣлалъ еще попытку примирить генеральшу съ другимъ сосѣдомъ ея, жившимъ въ особой берлогѣ, на другомъ концѣ селенія. Тутъ дѣло началось не съ курицы, а съ пѣтуха: діогеновскій пѣтухъ этотъ, двуногій и безперый, безпутный и взбалмошный племянникъ одного изъ пяти владѣльцевъ Подымалова, который былъ приглашенъ и принятъ разбитымъ параличомъ дядей для помощи по управленію имѣніемъ, не выходилъ

со двора безъ хлыста и шатался по селу чуть не круглыя сутки для полицейской расправы. Въ особенности строго наблюдалъ онъ за потравою, загонялъ лично крупную и мелкую скотину и даже птицу къ дядюшкѣ на дворъ, для полученія выкупа, а виновныхъ, даже и людей генеральши, наказывалъ изъ своихъ рукъ, по усмотрѣнію. По поводу такого событія, задорный пѣтухъ этотъ, преслѣдуя какого-то потравщика со двора генеральши, самъ позабылъ всѣ грани и межи, перескочилъ, въ горячности своей, въ огородъ, перетопталъ что̀ ни попало ему подъ ноги и, кромѣ этихъ безпорядковъ и убытковъ, произвелъ въ чужомъ владѣніи возмущеніе... между овцами; преслѣдуемый думалъ укрыться въ овчарнѣ, а преслѣдователь ворвался за нимъ по горячимъ слѣдамъ, растворилъ настежъ загонъ и распустилъ овецъ, которыя всю ночь пропировали въ генеральскомъ огородѣ. Вотъ причина другой вражды, вслѣдствіе которой сдѣланъ былъ ночной набѣгъ, распоряженіемъ старосты генеральши, на огородъ берложнаго жителя, а занятые имъ гуси отбиты силою. Съ той и съ другой стороны поданы были просьбы, множество побочныхъ обстоятельствъ запутало и испестрило дѣло это, и предводитель, ради позора, хотѣлъ прекратить его мировою. Но всѣ старанія и тутъ также были тщетны и не повели ровно ни къ чему. Почтенная генеральша никакъ не могла понять самыхъ простыхъ и ясныхъ истинъ, точно будто бы съ нею говорили по-китайски. Она все продолжала разсказывать свое горе, свое сиротское житье, обиды сосѣдей, и въ десятый разъ снова пускалась во всѣ подробности то того, то другаго

событія, обвиняя во всемъ всѣхъ, кромѣ себя и своего генеральскаго старосты. «Чѣмъ бы попотчивать тебя, дорогой ты мой гость?» продолжала она, покачивая привѣтливо головою и глядя искательно въ глаза ему, не обращая притомъ никакого вниманія на мои любознательные взоры: «и клубнички-то ты ужь ныньче не хочешь кушать у меня — о-о-хо-хо! миротворцы вы наши, отцы-покровители! Вѣдь скверный человѣчишко онъ, и съ названнымъ племянникомъ своимъ, вотъ чтó, поплевка онъ не стóитъ, и не заступаться бы тебѣ за него....»

— Такъ удостойте же его снисходительно хоть этого: плюньте да покиньте дѣло, памятуя высокій санъ свой и чиновное достоинство....

— Заступникъ, заступникъ и покровитель, да только не вдовъ и сиротъ, какъ Богъ и Государь велятъ, а вотъ какихъ людишекъ!...

— Помилуйте, сударыня, за что же вы изволите обижать меня?... Я забочусь обо всѣхъ, а болѣе всего о васъ; я желалъ бы избавить васъ отъ непріятной огласки, отъ безполезныхъ хлопотъ, непріятнаго для васъ безпокойства, которымъ вамъ теперь угрожаютъ....

— Угрожаютъ, батюшка, — перебила она: — угрожаютъ. Всѣ на меня, на сирую вдовицу, всѣ вы кормильцы на сиротъ, а за нихъ-то кто, отцы мои? Одинъ Богъ!

— Матушка Аграфена Абрамовна, ваша правда, да вы напередъ выслушайте меня: вѣдь не за худомъ, а за добромъ было я къ вамъ пріѣхалъ. Ну положимъ, что дѣло ваше вотъ хоть съ Бурнаевой, вначалѣ правое, да разсу-

дите же, ради Бога, вѣдь по самоуправству, на которое сосѣди ваши жалуются, и сами вы несовсѣмъ правы: вѣдь драться-то Богъ и государь также не велятъ; а зазвать бабу и обойтись съ нею такъ — это, воля ваша, вовсе не годится. Ну коли дѣло пойдетъ въ ходъ, то что жь тутъ будетъ добраго для васъ? Нельзя же, чтобъ васъ за это оправдали! Старосту вашего потянутъ въ судъ, мужиковъ поведутъ туда жь свидѣтелями; на селѣ пойдутъ розыски; васъ станутъ день за день безпокоить, да вѣдь и самихъ васъ запросы не минуютъ, — ну пріятно ли вамъ все это будетъ?

Я написалъ всю рѣчь предводителя въ одинъ духъ, но она сказана была, и то съ трудомъ, въ разбивку и въ десять пріемогъ, потому-что Аграфена Абрамовна перебивала ее на каждомъ третьемъ словѣ; она не умѣла ни слушать, ни понимать такихъ рѣчей, а умѣла только возражать и отвѣчать на каждое сказанное слово; на слова́: «положимъ, что ваше дѣло правое», она отвѣчала съ жаромъ, перебивая рѣчь: «да ужь тамъ власть ваша, хоть кладите, хоть не кладите, а вѣстимо, что правое»; на замѣчаніе о самоуправствѣ — что ее вотъ никакъ ужь въ озорники пожаловали, что вотъ нынѣ уже ни одного подлеца пальцемъ тронуть нельзя, а надо терпѣть все, и что вотъ какія времена пришли. и прочее. Словомъ, тутъ не́почто было терять слова̀, и хозяйку нашу вразумить не было никакой возможности.

Спутникъ мой вздохнулъ, покосился на меня, пожалъ плечами, между тѣмъ какъ генеральша наша продолжала

соболѣзновать о сиротскомъ положеніи своемъ, о горемычномъ житьѣ-бытьѣ и беззащитности бѣдной вдовы, которую всякій обижаетъ; продолжая плакаться на озорничество злорадцевъ своихъ, которые вездѣ находятъ покровительство и защиту, она вдругъ оглянулась въ сторону и дала окрикъ на одну изъ вязальщицъ: «чего ротъ разинула, чушка?» и закончила тою же простодушною просьбою, какою начала бесѣду: «не откидывайся ты отъ меня, защитники и покровители вы наши; вѣдь я пріѣзду твоему, какъ слѣпецъ прозрѣнію, обрадовалась; не откажись, дай совѣтъ: какъ же мнѣ теперь съ недругами своими управиться, что̀ бъ мнѣ такое надъ ними сдѣлать?»

Предводитель, въ самомъ забавномъ отчаяніи, опустилъ голову, вздохнулъ съ удержаннымъ нетерпѣніемъ, всталъ и сказалъ:

— Вотъ я ка̀къ засидѣлся у васъ въ пріятной бесѣдѣ, а намъ съ товарищемъ давно пора ѣхать; я и его позадержалъ. Позвольте хоть на прощанье представить вашему превосходительству: статскій совѣтникъ Н.

Хозяйка вытянулась, приподняла брови надъ уставленными въ меня большими, безжизненными глазами. Она никакъ не ожидала, чтобъ статскій совѣтникъ, чуть не генералъ, просидѣлъ такъ скромно и спокойно на стулѣ у дверей въ продолженіе цѣлаго часа, между тѣмъ какъ за круглый диванный столъ, гдѣ сидѣла хозяйка съ другимъ гостемъ, подавали кофе и землянику.

— Ахъ мой отецъ и благодѣтель, заступники вы мои! — сказала наконецъ, собравшись съ духомъ, хозяйка, ува-

жавшая чины и санъ: — хороши же мы съ тобою, нѐчего сказать! Палашка, зови скорѣе Машку! Машка! вели скорѣе ключницѣ кофе подать! Милости просимъ, не откажите, очень рада вамъ! А вы гдѣ изволите служить, при какой должности?

— Я служу профессоромъ, сударыня, при университетѣ.

— Профессоромъ, — повторила она, видимо успокоившись: — дà, тàкъ, я знавала... Да вотъ и тутъ у насъ, недалеко, также былъ.... какъ бишь его? ныньче, слышно, и по учительской должности иные дослуживаются и въ люди выходятъ.. А не вы ли, батюшка, ѣздили тутъ по близости — какъ-то во дворѣ у меня сказывали — имѣньеце смотрѣть? Видно также купить желаете?

— Нѣтъ, сударыня, я имѣній не покупаю, а смотрю на нихъ иногда волей и неволей, и то со стороны, и за этимъ не ѣзжу.

— Тàкъ, — сказала она со вздохомъ недоумѣнія: — а въ краяхъ нашихъ стало-быть, проѣздомъ?

Товарищъ мой сталъ вторично раскланиваться, сказавъ, что пора и честь знать. Мы извинились за безпокойство и спѣшно удалились. Такъ какъ оказалось, что этотъ статскій совѣтникъ былъ профессоръ, то и приглашеніе на кофе и землянику не повторилось.

— Ну что́? — спросилъ меня Никита Ивановичъ, когда мы вышли на просторъ — какова̀?

— Ничего̀, — отвѣчалъ я: — Коробочка въ своемъ родѣ.

— Я съ намѣреніемъ потѣшилъ наблюдательность вашу, оставивъ васъ въ покоѣ, на стулѣ у дверей, чтобъ дать

вамъ случай увидѣть и послушать ее на просторѣ. Вотъ къ кому насъ приставляютъ пѣстунами; прошу тутъ управиться, прошу вразумить ее и наставить!

— Никита Ивановичъ, батюшка!... раздался за нами сиплый, рѣзкій голосъ. Я оглянулся и увидѣлъ, что изъ окна другой половины разгороженнаго пополамъ дома, той именно, которая осталась неокрашенною и гдѣ властвовала самоуправная же сосѣдка генеральши, — что изъ окна этого выглядывала голова въ чепцѣ; но опытный спутникъ мой ухватилъ меня за руку и, прибавивъ шагу, сказалъ: «Не оглядывайтесь: тутъ бѣда будетъ, не отдѣлаемся. Будетъ съ васъ, поѣдемъ. Объ этой, хоть она и не генеральша, поразскажу вамъ дорóгою. Подражая чиновной генеральшѣ, она величаетъ себя *совѣтницей;* еслижь спрóсите ее, когда это нужно бываетъ знать, напримѣръ, при подписи бумагъ, какая она совѣтница, то она извиняется безпамятствомъ и незнаніемъ чиновъ и проситъ писать ее по чину прóсто совѣтницей. Она, изволите видѣть, не статская, а титулярная, да и то пополамъ съ грѣхомъ, какъ намекнула намъ гордая соперница ея, генеральша. Но сядемте сперва и уѣдемъ: намъ издали грозитъ еще третье привидѣніе — одинъ изъ здѣшнихъ помѣщиковъ. Это также лицо довольно замѣчательное: онъ уже тридцать лѣтъ какъ собирается основать монастырь, не получивъ на это, впрочемъ, никакого разрѣшенія, и постоянно собираетъ для этого приношенія и вклады. Взгляните: онъ уже стоитъ за воротами съ кружкою, глядитъ сюда и, безъ сомнѣнія, ждетъ только отвѣта гонца своего, посланнаго впередъ на раз-

вѣдку и пустился поперекъ, чтобъ намъ отрѣзать дорогу. «Пошелъ!» закричалъ Никита Ивановичъ ямщику: «да смотри, не останавливайся, не слушай никого, гони впередъ!...»

Владѣтели сельца Подымалова выходили на крылечко или стояли въ окнахъ, справа и слѣва, когда мы проѣзжали по улицѣ, махали привѣтно руками и кричали: «Никита Иванычъ, батюшка!» Но спутникъ мой раскланивался съ ними въ обѣ стороны и только приграживалъ изподтишка ямщику, который вопросительно на него оглядывался, въ готовности осадить лошадей.... И Богъ вынесъ насъ благополучно....

XI.

ПРАДѢДОВСКІЯ ВЕТЛЫ.

— Что рыло-то рукавомъ утираешь, сынокъ, аль уморился?—спросилъ старикъ, сидя на лавкѣ по одну сторону большаго угла, между тѣмъ какъ сынокъ его, Василій, у котораго все лицо горѣло добродушною радостью, сидѣлъ по другую сторону и, отдуваясь, возилъ рукавомъ рубахи по всему лицу.

— Уморился, бачка,—отвѣчалъ тотъ, отставивъ руку и глядя смѣючись прямо въ глаза отцу.

— Экъ ты, поросенокъ!—продолжалъ этотъ, привѣтливо кивая бородой: — помотался парень туда-сюда, ужь и уморился! И знать, что первинка тебѣ; а вотъ кабы баушка заставила тебя еще по двору борону таскать, такъ и узналъ бы ты тогда, каково это дѣло. И расхохотался самъ остротѣ этой. — Нѣтъ, Вася, хоть и сбѣгалъ ты разъ десятокъ другой, то за тѣмъ, то за семъ, на село, да помотался взадъ и впередъ промежъ избы да бани, на посыл-

кахъ, да сбѣгалъ еще на погостъ къ попу за молитвой, а уморился ты, чай, не съ этого.

— А съ чего жь?—спросилъ сынъ, глядя все также на отца.

— А съ того,—продолжалъ тотъ, облокотясь на столъ,— что сердце у тебя неспокойно было, что душа болѣла. Вѣдь я знаю тебя, сынокъ: молоду жену ты любишь, человѣкъ ты жалостливый и къ чужимъ, не токмá что къ своимъ; ну, и выболѣло сердце, и захватило духъ; а тебѣ чаится, что уморился.

Василій, не говоря ни слова, опять накрылся рукавомъ и сильно разъ другой всхлипнулъ, опять утерся, и опять глядѣлъ на старика весело и покойно.

— Пожалуй, что и поборонилъ бы,—сказалъ онъ:—кабы ей сердешной отъ этого легче стало; ужь вотъ какъ поборонилъ бы!—И, сжавъ кулакъ, положилъ его на столъ, съ трудомъ опять удерживаясь отъ рыданій. Онъ хотѣлъ было прибавить: «жаль больно было Насти» да ужь и промолчалъ, что бъ пуще себя не разжалобить.

— Ну, Вася,—сказалъ старикъ:—теперь молись: благодаря Бога, все кончено. Вотъ ты меня и въ дѣды пожаловалъ; спасибо тебѣ. Теперь новыя заботы тебѣ: припасай что нужно на размывку рукъ, на кашки, на крестины.

«Вася! — послышался слабый голосъ молодой матери:— дай, голубчикъ, водицы испить, да студененькой, слышь, не стоялой. — «Зáразъ, Настюшка,»—отвѣчалъ этотъ, и опрометью кинулся вонъ.

— Экой прыткій онъ у тебя, сношенька!—молвилъ ста-

рикъ радушно, поправивъ лучину на свѣтцѣ и оборотившись лицомъ къ кутнику.—«Твоя кровь, свекорушко — отвѣчала та привѣтливо:— еще чай самъ ты въ перегонки съ нимъ пустишься, коли на то пойдетъ.» И старикъ умильно и самодовольно расхохотался: ему какъ-то люба казалась выдумка снохи, чтобъ ему бѣжать взапуски съ сыномъ. «А что жь!» сказалъ онъ: «почему не бѣжать, поколѣ Господь грѣхамъ терпитъ? Вѣдь и то, восей за мошенникомъ, за бродягой этимъ, погнались, такъ вѣдь я, даромъ что старикъ, напередъ всѣхъ выбѣжалъ, такую угонку ему далъ, что онъ и въ часъ не отпыхался.»

Въ эту минуту вошелъ Василій съ ведромъ воды въ одной рукѣ и съ какимъ-то сверткомъ въ другой, прижавъ его къ груди; а свертокъ этотъ визжалъ, ровно какъ скучаетъ несчастный закинутый щенокъ. Это явленіе до того изумило старика, что онъ, только вытаращивъ глаза, могъ проговорить: «Господь съ тобой, съ нами крестная сила», а Настя кинулась къ лежащему съ нею рядомъ младенцу, будто спутавшись съ памяти своей и не понимая, откуда ребенокъ ихъ взялся съ улицы. Василій поставилъ ведро и, поглядѣвъ свѣтлымъ мѣсяцемъ на старика своего и на испуганную жену, сказалъ: «Глядите-тка, вотъ что намъ еще Богъ послалъ! Глядите; живой вѣдь! Я иду отъ колодца, и много ли пройти-то, Настя, и всего-то вѣдь только повернуться, иду съ ведромъ, да вѣдь чуть было не раздавилъ его, сердешнаго, Господь меня спасъ. Только вотъ что: туда бѣгъ — ничего не было,

слышь, а оттуда иду — что молъ такое подъ порогомъ? глядь, анъ вонъ что!» Послѣ первыхъ страховъ и удивленій, всѣ трое стали было спрашивать другъ друга, что дѣлать съ этимъ и какъ быть? Но молодая мать, потребовавъ младенца къ себѣ, тотчасъ уложила его рядомъ съ своимъ и объявила, что у нея теперь двойни, что Богъ послалъ этого безпріютнаго, какъ Богъ же послалъ имъ и перваго, что надо вспоить и вскормить обоихъ. Василій на все соглашался, хоть и потужилъ было, что Настѣ ужь больно тяжело будетъ; а старикъ и подавно. «Вотъ, сношенька, не было ни гроша, да вдругъ алтынъ!» — «Ну, вѣстимо, куда жь его дѣвать? Божья воля; вѣдь не слѣпой щенокъ это, а душа человѣческая: надо порадѣть, Христа ради, да помолившись, Ему славу воздать! Все молись, сынокъ, что ни пошлетъ Богъ; и хорошее пошлетъ, молись, и худое пошлетъ — все молись. Мы вѣдь глупы, Вася, мы и худа отъ добра не распознаемъ; а Господь старый Чудотворецъ: все знаетъ; на Него и полагайся.

— Надо сбѣгать къ сотскому сказать, да выборному,— молвилъ, спохватившись, Василій:—чтобъ не сталъ браниться становой.

— Ну что жь, сбѣгай...— отвѣчалъ старикъ, подошелъ къ снохѣ и прочиталъ еще наставленіе о томъ, какъ должно бояться Бога и во всякое время молиться.

Сводные двойни крещены были однимъ именемъ: Киріакомъ; по времени рожденія, въ концѣ сентября, священникъ прибралъ имъ имя это; а для различія роднаго всегда

называли Кирюшей, а подкидыша — Кирей. Крестины отпраздновали очень весело и шумно, потому что люди много глумились надъ добродушнымъ Васильемъ, у котораго, на диво всему народу, оказался свой сынъ, какъ у жены его свой, что видно у нихъ съ женою за споромъ дѣло стало. «Гдѣ ты выборонилъ сынка?» спрашивалъ одинъ. «Да вишь не хотѣлъ уступить женѣ», отвѣчалъ за Васю другой; а всѣ заканчивали шутки эти завѣреньемъ, что за доброе дѣло ихъ Господь не покинетъ и что станутъ они жить благословенно. Баушка-повитуха изготовила мужу Насти такую ложку каши, что у него было очи на лобъ вылѣзли: тутъ было болѣе соли и перцу, чѣмъ каши. Все это не мало способствовало общему веселью; а дѣдушка, опередившій всѣхъ, какъ восей догоняли бродягу-конокрада и давшій ему такую знатную угонку, проплясалъ цыганскую съ ложками, объявивъ, что будетъ плясать еще на свадьбѣ обоихъ внучатъ своихъ, а тамъ ужь и полно.

Тяжеленько было семьѣ этой выращивать двойней, но Настя кормила обоихъ одинаково, то грудью, то рожкомъ, а дѣдушка, у котораго былъ свой маленькій достатокъ, помогалъ имъ по временамъ то нужной скотинкой, то хлѣбцемъ, то наймомъ работника въ страду. Кирюша и Киря росли такъ, что и отецъ и мать забыли о всякой разницѣ между ними, называли и считали ихъ обоихъ родными дѣтьми своими, двойнями, а за Кирей было у нихъ даже болѣе хлопотъ и заботъ, чѣмъ по родномъ сынѣ, потому что Киря выдался гораздо похилѣе названнаго двойничка своего, и за нимъ было болѣе ухода.

Парнишки стали подростать родными братьями и вышли преудатными ребятами; но пріемышъ Киря отставалъ и въ ростѣ, и въ дородствѣ отъ двойничника своего, и дѣдушка былъ этимъ очень недоволенъ, пѣняя почасту на сноху, «что люди-де со стороны корить станутъ, скажутъ плохо кормишь его». — «Его воля» отвѣчала Настя, у которой послѣ первенца не было вовсе болѣе дѣтей: «не пайкомъ отпускаемъ, не съ вѣсу», и вслѣдъ затѣмъ принималась уговаривать Кирю, чтобъ больше ѣлъ. Въ доброй крестьянской семьѣ и дѣти удатны бываютъ, и самое безтолковое воспитаніе идетъ впрокъ. Знаете ли отчего это? Оттого, что господствующимъ вліяніемъ на дѣтей бываетъ любовь и благодушіе, а преобладающимъ примѣромъ — миръ и кротость. Вотъ въ чемъ заключается вся тайна воспитанія. Все, что за симъ будетъ упущено или искажено, большею частью исправляется само собою исподволь, когда бывшій ребенокъ начинаетъ входить въ года и, постепенно мужая, наживаетъ свой умъ-разумъ. Поэтому мы и видимъ постоянно, что хорошіе и дурные крестьяне родомъ ведутся, какъ хохлатыя курицы дворомъ и, назвавъ крестьянскую семью, всегда можно сказать о ней, какова она, вообще, а рѣдко придется дѣлать рѣзкія изъятія для нѣкоторыхъ ея членовъ.

Пришла Святая; семья наша воротилась изъ церкви, помолилась еще разъ передъ домашнимъ образомъ, перехристосовались снова и принялись разгавливаться. Кажется, день этотъ, глядя на него со стороны, такой же, какъ и всѣ дни; нѣтъ въ немъ никакихъ стихійныхъ примѣтъ и

отличекъ, а между тѣмъ, кому не кажется онъ, несмотря ни на какое ненастье, днемъ свѣтлымъ, радостнымъ и праздничнымъ, которому въ году нѣтъ ровни, ни дружки? А въ крестьянскомъ быту, въ хорошей семьѣ, и подавно: всѣ заботы, всѣ насущные труды и суеты покоятся, нѣтъ на душѣ ничего, кромѣ ясной и свѣтлой радости; сброшены съ плечъ тяжелая, а съ нимъ и черствая вещественность, нужда настоящая и забота о будущемъ. Богъ далъ дожить до свѣтлаго праздника — и на селѣ встрѣчаешь одни только спокойныя, радостныя, беззаботныя лица. Мужикъ, съ окладистою бородою, забывъ степенство свое, ладитъ для молодёжи качели и, сѣвъ на нихъ самъ первый, для опыта, до того расходился, что не хочетъ слѣзть и дуритъ съ малыми ребятами и дѣвками, которые стаскиваютъ его за ноги и за полы; сѣдой какъ лунь, дѣдушка съ трясучею головою, не только въ чистой, но и въ новенькой рубахѣ съ иголочки, стружитъ и правитъ лубочекъ, съ котораго внучки станутъ катать яица; а внучки мечутся вокругъ него кувыркомъ, другіе скачутъ пробками на одной ногѣ, съ дикими припѣвами, и только одна скромная дѣвочка стоитъ передъ нимъ смирно, уставивъ глаза на лубочекъ, засунувъ большіе пальцы обѣихъ рукъ по самую ладонь въ ротъ, а средніе персты въ оба уха. Затыкая и оттыкая ихъ въ скорой перемежкѣ, она забавляется этимъ, вслушиваясь въ нестройный крикъ прочихъ дѣвченокъ и ребятишекъ...

Нашъ дѣдушка, однакожь, схвасталъ, когда обѣщалъ плясать на свадьбѣ внуковъ: лубочекъ онъ бы, можетъ статься, еще и согнулъ бы кой-какъ, а ужь качелей бы не поста-

вилъ и въ дѣло никуда болѣе не годился. Двадцать лѣтъ на-кости, къ пятидесяти, много горба прибавятъ и навыпередки ужь больше не побѣжишь ни съ кѣмъ. Послѣ розговѣнья и завтрака захотѣлось ему сказать слово семьѣ, и онъ велѣлъ всѣмъ опять присѣсть. Вотъ слова его:

— Привелъ мнѣ Господь еще разъ съ вами, дѣтки, разговѣться, да чу, въ послѣдній. И пора! Ты не мигай, сношенька, не страшно умирать; это не лапти ковырять: легъ подъ образà да выпучилъ глаза—и все тутъ. Какъ велъ меня Господь путями своими, такъ и приметъ. Его милосердію предаюсь. Плакать нè по што, дѣтки, Богъ не безъ милости, а пора мнѣ опрастывать мѣсто на печи: часомъ пбсушиться да погрѣться надо и другому. Ну, въ покойники я не напрашиваюсь — Его святая воля; жить мнѣ съ вами и куда какъ было хорошо! всѣ вы меня покоили, всѣ вы меня берегли; а все заживаться не слѣдъ. Вы, Кирюша да Киря, смотри у меня, любить да почитать отца-мать; не то и молитвы не приметъ отъ васъ Господь и моихъ грѣховъ не замòлите: такъ мнѣ тяжко будетъ на томъ свѣтѣ, и буду я страдать долго.

Кирюша съ Кирей встали и повалились дѣду въ ноги.

— Ну, Господь васъ благословитъ: вставайте, садитесь, да слушайте, къ чему я рѣчь веду. Вы, Вася съ Настей, живите по-людски да по-божески, и все молитесь, что бы ни послалъ Господь, все молитесь: потому, видишь, что мы глупы, и добра отъ худа и худа отъ добра не распознаемъ, а Онъ все строитъ по свбему, никого не слушаетъ; вотъ ты и подавайся по волосамъ — легче будетъ головѣ. Все

молись, а не споруйся. Въ Покровъ жените парней—пора. Берите снохъ смирныхъ, чтобъ въ избу глядѣли, а не вонъ. Ты, Вася, оставайся большакомъ, а ихъ не распускай на отдѣлъ; пуще всего не давай снохамъ ссориться: такъ не изъ чего будетъ расходиться; мужики-то поладятъ; семь топоровъ вмѣстѣ подъ лавкой лежатъ, а двѣ прялки врознь. Это твое дѣло, Настя, смирныхъ выбери да держи любовно. Доживу, самъ благословлю; не доживу, такъ не прогнѣваются. Рѣчи мои слышали, теперь, вставши помолимся да и ляжемъ отдохнуть, а свѣтлый день передъ нами. Съ нами Христосъ!

Еслибъ дѣдъ прожилъ послѣ этого еще долго, то слова его на большую половину были бы забыты; но какъ онъ умеръ спокойно на Ѳоминой, напомнивъ еще всѣмъ о томъ, что наказывалъ, то рѣчи его и врѣзались въ память каждаго и поминались то тѣмъ, то другимъ, при всякомъ случаѣ. Старикъ оставилъ сыну рублей съ триста, да устроенное общими силами хозяйство.

Къ Покрову пріисканы были невѣсты и благополучно засватаны, а свадьбамъ, разумѣется, быть въ одинъ день. Настя стряпала это дѣло и выбирала осторожно невѣстъ смирныхъ, да условилась съ мужемъ, чтобъ обѣихъ невѣстокъ, по вводѣ въ домъ, заставить вмѣстѣ помолиться и приложиться къ образу, что ссориться и наговаривать другъ на друга мужьямъ не станутъ, а потомъ велѣть поцѣловаться и поклониться отцу-матери; затѣмъ и сыновьямъ помолиться и, побратавшись передъ образомъ, обмѣняться тѣльными крестами.

Все это было хорошо, да вышла небольшая помѣха. Къ осени, какъ выражаются крестьяне, царскій колоколъ прогудѣлъ на всю Россію: сказанъ наборъ. Вѣсть эта сперва и не смутила было Василья, потому что онъ считалъ себя одиночкой, какъ отецъ съ однимъ сыномъ, не подумавъ о томъ, что Киря, какъ узаконенный пріемышъ, приписанъ былъ къ семьѣ по народной переписи, а потому и все равно, сынъ ли онъ, племянникъ, братъ ли, чужъ ли чуженинъ, — онъ вошелъ въ счетъ работниковъ, и отъ тройниковъ одного отдать придется. Въ общихъ и ни на чемъ не основанныхъ словахъ: «кажись, семья моя молода, есть постарше», заключается вся надежда нашего крестьянина, и только немногіе, большесемейные, стоящіе на первой очереди, либо вообще болѣе толковые и заботливые, знаютъ очередь свою напередъ и ждутъ ее; большую часть застигаетъ она врасплохъ.

Такъ случилось и тутъ. Собрали валовую сходку и прочитали учетный списокъ, въ коемъ семьи всей волости писаны сподрядъ, по старшинству очереди; выслушали человѣкъ десятокъ, кои сомнѣвались, почему они стоятъ выше такой-то семьи, которая, кажись, старѣе; растолковали имъ дѣло и затѣмъ вызвали по сему списку коренныхъ, подставныхъ и запасныхъ, объяснивъ каждому, въ которую голову онъ идетъ въ ставку, осмотрѣли ихъ, подвели подъ мѣру, объявили, когда опять собираться для отвоза въ городъ и ставки, и распустили сходку. Семьи, оставшіяся подъ очередью, быстро, весело и шумно собрались и разъѣхались и разошлись первыя; за ними потянулись и запас-

ные, въ надеждѣ, что очередь до нихъ не дойдетъ, и тѣ изъ подставныхъ, которые бойко слѣдили за осмотромъ и отмѣткою коренныхъ и также разсчитывали, по числу годниковъ, что и ихъ не должна хватить очередь. Остались въ отсталыхъ коренные, которымъ все еще казалось, будто они не все растолковали начальству, что до положенія ихъ семьи относилось, и будто есть семьи и постарѣе ихней. Въ этомъ числѣ былъ и Василій съ Кирюшей и Кирей. Постоявъ на сходкѣ, перетолковавъ между собою все и похлопавъ нѣсколько разъ руками о полы, пошли они въ приказъ и Василій рѣшился выступить впередъ и подойти къ начальнику.

— Какъ такъ, ваша милость, семьѣ моей сказана очередь? Я всего вотъ самъ-другъ съ сыномъ, а это у меня чужой, только принятъ въ домъ, то-есть только и вины моей, что я выкормилъ его.

Тотъ отыскалъ семью въ учетномъ спискѣ и объявилъ Василью, что семья его тройниковая, а по сложности лѣтъ 42, стоитъ на первой очереди, въ коренныхъ, между такими-то двумя семьями, по такимъ-то причинамъ учетныхъ правилъ; что родной и неродной сынъ считается такимъ же работникомъ; а какъ оба они холосты, то старшій бы долженъ идти въ первую ставку; но какъ они и одних лѣтъ, то надо имъ кинуть жребій, и вызвалъ отца сдѣлать это сейчасъ.

— Жеребій кидать нѣчего,—отвѣчалъ Василій:—Киря не выходитъ въ мѣру, онъ коротышъ.

Начальникъ взглянулъ еще разъ на списокъ и сказалъ:

— Правда твоя, я не досмотрѣлъ. Стало-быть, пойдетъ твой Киріякъ. Миновать нельзя.

— А кабы того не было, подкидыша-то, такъ мнѣ бы не отдавать и сына?

— Конечно, нѣтъ; тогда бы вы были двойниками на правахъ одиночекъ.

— Какъ же такъ? сказалъ Василій со вздохомъ: — что приняли мы подкидыша съ улицы, такъ въ этомъ мы и виноваты стали? А подкидышъ не доросъ, такъ за эту вину отдать будетъ роднаго сына—вѣдь онъ у насъ одинъ только и есть....

— Жаль тебя, Василій, а дѣлать тутъ нечего, дѣло законное. Ты слушай да пойми меня: семью Маленкова знаешь? Ну, у него одинъ же сынъ, Сергѣй — такъ ли? да племянникъ Иванъ приписанъ, который шатается гдѣ-то и дома не живетъ, и Маленковъ такой же тройникъ и отдаетъ теперь сына послѣдняго. Такихъ найдется много; гдѣ по переписи три работника, тамъ одного отдай. Понялъ?

Василій вздохнулъ и молчалъ. Говорить было нечего.

— Что жь,—продолжалъ тотъ:—коли сдѣлалъ божеское дѣло, принялъ, вспоилъ и вскормилъ безроднаго, такъ неужто ты теперь объ этомъ пожалѣешь?

Василій взглянулъ на начальника почти тѣми же радушными глазами, какъ глядѣлъ на отца въ тотъ вечеръ, когда утирался рукавомъ, полагая, что уморился, то есть за полчаса до того, какъ найденъ и принятъ былъ Киря.

— Нѣтъ,—молвилъ онъ:—сохрани Богъ отъ грѣха, жа-

лѣть не стану. Да и ровны они мнѣ оба; обоихъ хозяйка выкормила разомъ, двойни они мои....

— Говори, говори, Василій,— сказалъ ему начальникъ, видя, что онъ замолкъ, не досказавъ всего.

Слеза прошибла Василья, но онъ продолжалъ:

— Разумѣется, что два сына у меня, вотъ они. Старикъ отецъ на Ѳоминой померъ—царство ему небесное!—такъ и умирая, наказывалъ: «Ты, говоритъ, все молись, Василій; и хорошо придетъ—молись, и худо придетъ — все молись; потому, говоритъ, что мы глупы, и худа-то отъ добра и добра отъ худа не распознаемъ.» Вотъ что!

Кому случалось видѣть на дѣлѣ, какъ рекрутство отправляется у насъ въ разныхъ полосахъ государства, тотъ, конечно, былъ пораженъ тѣмъ, какъ разнообразно, по внѣшности по крайней мѣрѣ, проявляются впечатлѣнія этой повинности и притомъ, какъ будто только смотря по исконному мѣстному обычаю. На югѣ, напримѣръ, заведено, что по первымъ слухамъ о наборѣ, всѣхъ очередныхъ берутъ подъ стражу, нерѣдко сажаютъ и въ кандалы; и безъ этого нельзя обойтись: они бы всѣ разбѣжались. Но будучи разъ отданы, они смиряются и покоряются своей судьбѣ. На сѣверѣ и на востокѣ это было бы мѣрой почти неслыханной: тамъ держатъ подъ присмотромъ только отдаваемыхъ за дурное поведеніе, не въ очередь; а очередныхъ, по осмотрѣ, распускаютъ, съ приказаніемъ не отлучаться. Изъ числа 200—300 рекрутъ или очередныхъ, случается иногда, что одинъ или два человѣка скроются, а большею частью и ни одинъ. Нигдѣ нѣтъ столькихъ побѣговъ отъ помѣщи-

ковъ, какъ въ Малороссіи, а между тѣмъ помѣщикъ тамъ вынужденъ сажать очередныхъ тотчасъ въ колодку: иначе бы ихъ не доискались. Порча также водится только мѣстами, какъ бы гнѣздами. Въ одной семьѣ введены порубы, хотя это бываетъ рѣже; въ другой насыпаютъ мышьяку или сулемы въ ухо; въ третьей очень ловко растравляютъ язву на ступнѣ или голени, отчего кожа приростаетъ послѣ къ кости и образуется безобразный рубецъ; самые закоснѣлые напускаютъ на себя притворную падучую, а простоватые ограничиваются тѣмъ, что натираютъ лицо и другія части бадягой, образуется опухоль и отекъ; иные искусно вздуваютъ кожу. Эти средства обыкновенно бываютъ неудачны. Но вообще подобные случаи рѣдки, и бываетъ ихъ, напримѣръ, по Нижегородской губерніи, одинъ или два въ наборъ, на 36 тысячъ душъ удѣльныхъ крестьянъ; очереднымъ, безъ всякаго опасенія, объявляется объ очереди ихъ, и они распускаются по домамъ; нерѣдко даже, въ случаѣ крайней надобности, имъ выдаются еще срочные виды, для отлучки, съ обязательствомъ явиться къ ставкѣ, и въ этомъ случаѣ всегда почти являются они сами къ сроку.

Также точно отъ мѣстнаго обычая зависитъ и то, какъ вѣсть объ очереди принимается въ семьѣ и какъ провожаютъ очереднаго. Вообще можно сказать, что населеніе чисто-земледѣльческое чуждается и боится солдатчины гораздо болѣе, чѣмъ населеніе промысловое, почему между первымъ и охотники или наемщики довольно рѣдки, тогда, напротивъ, какъ ихъ въ послѣднемъ довольно, лишь бы нашлись хозяева, готовые дать парню погулять самымъ неис-

товымъ, буйнымъ образомъ два-три мѣсяца; послѣ этого онъ смиряется и самъ проситъ. чтобъ его скорѣе поставили. У обрусѣвшей мордвы и другихъ чудскихъ племенъ, обрусѣвшихъ мѣстами до того, что и признаковъ ихъ происхожденія почти не осталось, бабьи заплачки и причеты сохранили, однакожь, свое значеніе, и безъ нихъ не можетъ обойтись ни одно важное событіе въ крестьянскомъ быту: тутъ оплакиваютъ солдата гласно, на улицѣ, съ дикимъ однообразнымъ воемъ, на заведенный тоскливый голосъ въ семь нотъ, изъ которыхъ послѣдняя растягивается и переходитъ въ верхнюю октаву; въ коренныхъ же русскихъ селеніяхъ этого нѣтъ, а провожаютъ рекрута и прощаются съ нимъ довольно разумно и спокойно, какъ бы прощаясь со всякимъ семьяниномъ на дальнюю и долгую разлуку.

Нашъ Василій принадлежалъ къ чисто земледѣльческому разряду крестьянъ нагорныхъ уѣздовъ. Онъ не могъ принять вѣсть объ отдачѣ сына въ солдаты съ такимъ спокойствіемъ, какъ это обыкновенно дѣлается въ волостяхъ заволжскихъ, промысловыхъ. Сколько ни утѣшалъ онъ себя и Настю тѣмъ, что надо же кому-нибудь служить великому Государю, что Богъ его и тамъ не оставитъ, что отецъ не велѣлъ роптать ни на что, а велѣлъ только молиться, — а конецъ концовъ все-таки былъ тотъ, что надо разставаться съ одинцомъ своимъ навсегда. Кирюша съ Кирей повѣсили носы и молчали; второй, надумавшись какъ-то, сталъ было робкимъ голосомъ плакаться на судьбу свою, что вотъ изъза него отдаютъ теперь названнаго брата въ солдаты, что

лучше бы ему было утопиться, чѣмъ взводить такое горе на отца-мать, кормильцевъ своихъ; но Настя первая зажала ему ротъ, сказавъ: «Молчи, молчи, Господь съ тобой, не грѣши, Божья воля; нешто ты недоросъ по своей волѣ? Божья воля, дитятко, молчи!» А Кирюша, сидя кулемъ на лавкѣ и свѣсивъ головушку, прибавилъ: «Про это что толковать, Киря? ужь тебѣ ли, мнѣ ли, а кому-нибудь идти надо.»

Вошелъ въ избу сосѣдъ, также хорошій мужикъ, посмотрѣть, что дѣлается у Василья да потужить съ нимъ. «Что, Василій», спросилъ онъ, помолившись: «какъ думаешь?» — «Да что думать тутъ?» отвѣчалъ тотъ: «видно снаряжать Кирюшу да благословлять.» — «А что бъ тебѣ, Василій, понавѣдаться въ Борисово; тамъ, намолчка была какъ-то, Иванъ Верзилинъ — чай Верзилиныхъ знаешь? — былъ слухъ, что продаетъ онъ квитанцію.»

Василій взглянулъ было радостно во всѣ глаза на сосѣда, который навелъ его на новую думку, не бывавшую у него до сего и въ головѣ; но потомъ, вздохнувъ, сказалъ: «Что жь, квитанція, чай, не по мнѣ придется.» — «Однако, продолжалъ тотъ: «понавѣдался бы, Богъ милостивъ; я человѣкъ не замочный, самъ знаешь, а коли ребята твои на годъ пойдутъ въ кабалу ко мнѣ, по пятидесяти дамъ — вотъ и сотня.»

Настя кинулась просить мужа послушаться этого совѣта; парни молчали. Не чая успѣха, Василій, однакожь, сказалъ большое спасибо сосѣду, а самъ, не откладывая дѣла, всталъ, взялъ шапку, перекрестился и пошелъ. Часа черезъ три онъ уже и воротился, но добрыхъ вѣстей не

принесъ. Верзилинъ поставилъ, года три назадъ, охотника, и квитанція береглась у него до очереди; между тѣмъ у него выбылъ одинъ работникъ, умеръ племянникъ, а самъ онъ вышелъ изъ лѣтъ, то есть исполнилось шестьдесятъ; такимъ образомъ квитанція стала лишнею, и онъ продавалъ ее, но не отдавалъ ниже 600 серебромъ, за наличныя. У Василья отцовскихъ денегъ было сотни три, да одна своя, прикопленная, да сто давалъ сосѣдъ, за годичную кабалу, а одной не хватало и добыть ее негдѣ. Какъ ни раскидывали на умахъ, а нѣтъ ее! Продать, кромѣ одной лишней лошадки, коли сыновья дома пахать не станутъ, нечего; взаймы никто не дастъ, опасаясь въ такомъ случаѣ, что мужичокъ, отдавъ послѣднее и распродавъ все, падаетъ въ быту своемъ и дѣлается несостоятельнымъ. Потолковали еще на другой и на третій день, и рѣшили, что знать такъ Богу угодно, а Кирюшѣ судьбы своей не миновать.

На улицѣ послышались голоса толпы, и Василій, оглянувшись позади себя въ окно, увидѣлъ цѣлую ватагу костромскихъ шерстобитовъ, съ Ветлуги, которые остановились съ оружіемъ своимъ, полутора-саженными лучками, прямо противъ двора его, поглядывали и что-то толковали. Вслушавшись, Василій, однако, не могъ понять въ чемъ дѣло. «Чаво», говорилъ одинъ, «нѣтъ, не пятьдесятъ, а выйдетъ и цѣла сотня; ты гляди, четвертей по 20 будетъ, вотъ что». — «А дуплясты», замѣтилъ другой. — «Ну, дуплясты,» сказалъ третій: «такъ сотни не выйдетъ, а все безъ малаго.» Что они далѣе говорили, того Василій и вовсе не могъ понять, потому-что бесѣда ихъ продолжалась уже не

на русскомъ, а на вовсе незнакомомъ Василью языкѣ. Потолковавъ, шерстобиты спустили лучки свои однимъ концомъ съ плечъ на землю, какъ бы для отдыха, а одинъ изъ нихъ пошелъ въ избу Василья.

Надобно знать, что этотъ народъ, костромскіе шерстобиты, ходятъ съ лучками своими по всей Россіи, не исключая и Сибири, на заработки, и нерѣдко занимаются, гдѣ случится, и другимъ промысломъ: они же тележники, санники, колесники и дужники. У нихъ свой, придуманный ими языкъ, какъ у владимірскихъ, тверскихъ и костромскихъ офеней или коробейниковъ, но только другой, то есть слова у нихъ большею частью другія. Такъ, напримѣръ, скоро, у офеней: ***рыкло***, у шерстобитовъ ***шатрово*** или ***башково;*** вѣникъ, у офеней ***пленальникъ***, у шерстобитовъ— ***било;*** снопъ, у офеней ***зябликъ***, у шерстобитовъ ***ломежъ*** и проч. Вотъ почему Василій не могъ понять ни слова, какъ только шерстобиты заговорили по своему.

Итакъ, одинъ изъ нихъ вошелъ, помолился и проговорилъ бывалымъ землепроходцемъ: «Богъ на̀ помочь въ окно глядѣть, безъ пироговъ не садиться, безо щей не ложиться, безъ красныхъ невѣстъ жениховъ не держать! Дома ль хозяинъ?» — «Благодаримъ покорно, я хозяинъ», обозвался Василій: «съ чѣмъ Богъ принесъ?» — «Ну», продолжалъ краснобай: «хозяину гумно гора горой, хозяюшкѣ свѣту полны воробья, полны коробья, добрымъ молодцамъ по бархатну чапану, а тебѣ, честной хозяинъ, подносимъ бархатну шапку — въ простой ходить тебѣ не годится. Берешь, что ль?»

Хоть и не до веселья было теперь бѣдному Василью, однако ветлужанинъ разсмѣшилъ его. «Бай, что ли», сказалъ онъ, «а я не дамъ толку твоимъ рѣчамъ.» — «А вотъ что», продолжалъ тотъ: «три ветлы стоятъ на дворѣ у тебя; онѣ чай не завѣтныя; постоятъ еще годъ-другой— знать ужь и такъ больно переспѣли — да и надъѣстъ ихъ дупло, а вѣтромъ повалитъ, храни Богъ убьетъ кого. Мы дужники, поработаемъ тутъ около нихъ, и деньги далибъ хорошія. Можно ль посмотрѣть да обухомъ ударить: есть дупло, такъ скажется.»

Василій всталъ и вышелъ съ нимъ на дворъ; вся артель, приставивъ лучки свои къ избѣ, окружала три огромныя ветлы, посаженныя когда-то, никакъ лѣтъ тому восемьдесятъ, прадѣдомъ Василья. Тогда воткнуто было съ десятокъ хворостинъ, три изъ нихъ уцѣлѣли и стояли теперь, красуясь въ дымчатой листвѣ своей и покрывая увѣемъ полъ-двора и полъ-улицы. Пни ихъ были четвертей по двадцати въ обхватѣ. Постучавъ обухомъ тутъ и тамъ, увѣрившись, что дупла нѣтъ, и покричавъ на своемъ, никому незнакомомъ языкѣ между собою, они подошли къ хозяину, и артельщикъ спросилъ Василья, что возьметъ онъ за три ветлы эти на срубъ, и съ тѣмъ, чтобъ выработать дуги у него на дворѣ, а за хлѣбное-де плати особо. Пожалѣлъ было Василій прадѣдовскихъ ветлъ своихъ и сказалъ: «Нѣтъ, не хочу, не дамъ рубить.» Вся артель напала на него и божилась, что вотъ только стоять имъ до первой бури, а тамъ и свалитъ ихъ, и еще, сохрани Богъ! кого придавитъ. «Ну», сказалъ артельщикъ, протянувъ руку: «пятьдесятъ цѣлко-

венькихъ взялъ, что ли?» Василій выпучилъ глаза: не слышалъ онъ, чтобъ такія деньги давали за три ветлы. Однако онъ крѣпился. «Нѣтъ, не беру.» Съ шумомъ, крикомъ и божбой заставили его противъ желанія подставить руку артельщику, между тѣмъ какъ тотъ все набавлялъ и билъ срозмаху по рукѣ его, и дошелъ наконецъ до семидесяти пяти цѣлковыхъ. Какой-то говоръ пробѣжалъ по артели, и большакъ, отдернувъ руку свою, молвилъ: «Ну, Богъ съ тобой! Ой да, пойдемъ, братцы.» Василій остановилъ ихъ и послалъ Кирю за сосѣдомъ, который бралъ ребятъ въ кабалу. «По рукамъ», сказалъ сосѣдъ: «и не думай больше. Давай гнѣдаго своего на придачу къ парнямъ—вѣдь опять на двѣ сохи пахать станешь — купишь, а теперь онъ у тебя будетъ въ лишнихъ. Богъ съ тобой, Василій, человѣкъ ты и сосѣдъ добрый: доплачу остатки, двадцать-пять цѣлковыхъ за тебя, и шестая сотня полна. Бери денежки да бѣги къ Ивану, въ Борисово, чтобы кто не перебилъ. Дастъ Богъ здоровья, наживете больше. Вотъ, парней-то женишь нынѣ, анъ двѣ работницы въ домѣ; а дѣвки тѣ хорошія, работящія.»

Василій перекрестился, получилъ деньги съ шерстобитовъ, получилъ и съ сосѣда. Кирюша съ Кирей отвѣсили ему по низкому поклону, глядѣли ему въ глаза, чтобъ, въ чемъ нужно, прислужиться, а сами не могли отбиться отъ докучливой слезы. Настя обняла и его, и дѣтей; досталъ онъ свою денежку про черный день, счелъ все — шестьсотъ гладко, опять перекрестился, пошелъ и воротился еще за-

свѣтло съ квитанціею. Ветлужцы храпѣли въ повалку подъ своими ветлами.

— Вотъ оно и выходитъ такъ,—сказалъ Василій за ужиномъ, среди радостной семьи своей: — что надо всему молиться. Что ни придетъ, все молись. Господь, старый Чудотворецъ, знаетъ что строитъ.

XII.

ЖЕНИХЪ.

Тарантасъ во весь духъ подкатилъ къ станціонному дому; сѣдокъ выскочилъ изъ него въ одинъ прыжокъ, и бранный крикъ, звонкій и голосистый, полился тутъ же на всѣ стороны, точно будто продолженіе только-что замолкшаго колокольчика. Опытный смотритель, выглянувъ изъ-за косяка въ самый край оконнаго стекла, схватилъ поспѣшно книгу и исчезъ съ нею во внутренніе покои, то-есть въ третью комнату, съ выходомъ на заднее крыльцо; ямщики, показавшіеся было тутъ и тамъ, остановились въ отдаленіи, глядя на проѣзжаго и не рѣшаясь, приступить ли ближе и спросить, не велятъ ли смазать, или ужь лучше не соваться и переждать грозу.

Проѣзжій бросился на перваго встрѣчнаго и, ухвативъ его за воротъ, съ лютою назойливостью и угрозами требовалъ лошадей; баба высунулась изъ окна и, заревѣвъ на весь бѣлый свѣтъ, кричала: «Господь съ тобою, не бей

его! это не здѣшній: онъ ничего не знаетъ.» Проѣзжій кинулся къ бабѣ, и «нездѣшній» (хотя это и былъ одинъ изъ ямщиковъ) бросился во дворъ и скрылся. Баба, въ свою очередь, исчезла у окна, и проѣзжій остался было въ недоумѣніи; но, оглянувшись и увидавъ, что все было вокругъ пусто, что даже привезшій его ямщикъ, отложивъ наскоро лошадей, куда-то пропалъ, принялся снова кричать и гаркать, бросился во дворъ и подъ навѣсъ, въ конюшню; здѣсь онъ только-что успѣлъ увидѣть, что отъ вступительныхъ его привѣтствій толпа ямщиковъ бросилась вонъ, въ заднія ворота; посрединѣ стояла покинутая, до половины охомученная тройка. Проѣзжій зарыкалъ въ неистовствѣ. Голосъ какого-то старика обозвался наконецъ гдѣ-то въ темномъ углу: «Полно, баринъ; лошади готовы; гляди, вотъ вѣдь ты самъ разогналъ ямщиковъ. Иди съ Богомъ, приведемъ сейчасъ.» — «Что?» заревѣлъ этотъ, будто его что ужалило: «грубить? и ты грубить? Постой, гдѣ ты тамъ?» и кинулся въ ту сторону, откуда слышалъ голосъ. Но подъ ноги попался ему мальчишка, ростомъ вполчеловѣка, съ дугой и возжами. «Что, и ты ямщикъ?» закричалъ проѣзжій голосомъ, будто взялъ въ плѣнъ англичанина: «и ты ямщикъ?» продолжалъ онъ, встряхивая его за шиворотъ, такъ что колокольчикъ звенѣлъ подъ дугой: «и ты ямщикъ, ямщикъ?» Мальчишка повернулся бокомъ, вывернулся какъ-то послѣ первой встряски, бросивъ тутъ же дугу и возжи, и кинулся бѣжать. Храбрый непріятель насѣлъ было на него въ одинъ прыжокъ; но этотъ, видно, также не совсѣмъ розиня, очутился подъ телегой и только шелестъ со-

ломы, вскорѣ также затихшій, убѣдилъ наступника въ томъ, что мальчишка скрылся въ неприступную твердыню — въ темный и грязный уголъ, подъ ворохъ саней и ломаныхъ телегъ.

Растерявшись нѣсколько въ незнакомой ему мѣстности, проѣзжій сталъ оглядываться среди залповъ проклятій своихъ, но не могъ опознаться, изъ какого именно закоулка слышался ему, до послѣдняго приключенія, голосъ старика. Конюшня опустѣла; ни души не видно; лошади, съ полунадѣтыми на нихъ шлеями, стоятъ; дуга и возжи лежатъ на землѣ. Скорыми, машистыми шагами пустился онъ на дворъ и въ избу отыскивать смотрителя. Изба оказалась пустою; онъ только слышалъ толкотню и хлопанье дверей впереди себя за двѣ и за три комнаты, но не могъ никого настигнуть: комнаты вели, черезъ сквозныя сѣни, кругомъ. Употребивъ военную хитрость и оборотившись вдругъ среди настойчиваго преслѣдованія своего въ противную сторону, храбрый налётъ едва не столкнулся со всего разгону съ тою же бабой, которая уманила его въ окно отъ перваго ямщика; онъ до того обрадовался этой встрѣчѣ послѣ столькихъ безуспѣшныхъ поисковъ, что совсѣмъ было вцѣпился въ добычу свою обѣими руками, но, озадаченный обезображеннымъ видомъ ея, остановился: шлыкъ на боку, полкосы растрепано; дикій взглядъ и такая попытка, будто бѣдная баба уходила по зрячему отъ медвѣдя. «Что жь лошадей? Смотритель гдѣ? Что жь мнѣ лошадей?» кричалъ онъ голосомъ, отъ котораго баба тщетно старалась уклониться то вправо, то влѣво. «Что жь лошадей?» продолжалъ онъ и,

зная за собою неумѣстную въ этомъ случаѣ слабость, положилъ, изъ предосторожности, обѣ руки въ карманы, и тогда только, наконецъ, замѣтилъ, что онъ тромбономъ своимъ покрывалъ и заглушалъ отвѣтъ испуганной хозяйки «нездѣшняго» ямщика, что-де оглянись, батюшка, да поѣзжай съ Богомъ: лошади давно готовы. И въ самомъ дѣлѣ, ямщики будто того только и ждали, чтобъ сердитый баринъ вышелъ изъ конюшни, а можетъ быть и спасшійся на задній дворъ смотритель ускорилъ дѣло: лошади были заложены.

Проѣзжій выбѣжалъ какъ угорѣлый и, продолжая изрыгать проклятія и угрозы, далъ своему тарантасу сразбѣгу такого немилосерднаго толчка, что кузовъ крякнулъ и закачался; потомъ обошелъ съ другой стороны и сдѣлалъ то же, къ крайнему изумленію и очевидному удовольствію собравшихся теперь въ полной наличности зрителей, ямщиковъ и другаго народа. Это, изволите видѣть, капитанъ производилъ какой-то дорожный опытъ прочности и остойчивости своего тарантаса. Наконецъ онъ сѣлъ и поѣхалъ. Никто не безпокоилъ его просьбой на водку, а смотритель поглядѣлъ только изъ-за оконнаго косяка.

Оправившись нѣсколько на сидѣньѣ, прокричавъ: «пошелъ!» съ приправой доморощенной соли, и оглянувшись самодовольно во всѣ стороны, капитанъ вдругъ затянулъ сильнымъ и звучнымъ, хотя и дикимъ голосомъ, какой-то романсъ; костоломный толчокъ внезапно прекратилъ голошенье это, съ значительнымъ укушеніемъ языка. Но романсъ до того укротилъ неистоваго воина, что онъ только

воспользовался этимъ невольнымъ перемежкомъ для разгульнаго подстрекательства ямщика, съ присвистомъ и даже обѣщаніемъ на вино. Остальную часть перегона капитанъ пытался пропѣть съ чувствомъ хотя одно четверостишіе или колѣнцо, отъ кочки до кочки, отъ толчка до толчка, но какъ и это оказалось неисполнимымъ, то онъ замолкъ, пережевывая укушенный языкъ свой, хотя, какъ храбрый офицеръ, иногда не обращалъ большаго вниманія на какую-либо тѣлесную боль. Вскорѣ ямщикъ пустилъ во всѣ лопатки и осадилъ лошадей, протащившихъ тарантасъ на возжяхъ отъ подъѣзда станціи до угла забора.

Здѣсь проѣзжій нашъ будто переродился. Онъ не выскочилъ кувыркомъ изъ тарантаса, не ворвался опрометью въ домъ, не разсыпался проклятіями и угрозами, а вошелъ съ извѣстной осанкой, вытянулся, охорашиваясь, вошелъ скромно, хотя и твердымъ шагомъ, въ домъ и, встрѣтивъ человѣка въ сюртукѣ почтоваго вѣдомства, полюбопытствовалъ узнать, для порядка, онъ ли смотритель. На утвердительный отвѣтъ капитанъ принялъ видъ строгаго, но на сей разъ снисходительнаго начальника, и сказалъ голосомъ и удареніемъ, недопускавшими ни отговорокъ, ни возраженій: «Вы мнѣ самоварчикъ; да почиститься и помыться надо; да вели братецъ.... прикажите обмыть хорошенько дорожный экипажъ мой: я въѣзжаю въ городъ и притомъ, пожалуйста, распорядись.» Потомъ капитанъ вошелъ въ слѣдующую комнату и растянулся.

И на станціи, съ которой уѣхалъ путникъ нашъ, вслѣдъ за нимъ ямщики долго еще скоморошили на всѣ лады, по-

казывая поочередно передъ хохочащею навзрыдъ толпою, кàкъ проѣзжій выскочилъ, кàкъ вбѣжалъ, бѣсновался въ припрыжку, торопился саженными шагами, не зная куда и за чѣмъ, какъ онъ давалъ угонки каждому встрѣчному и, наконецъ, вызвавъ мальчишку, заставили его показывать въ лицахъ, кàкъ онъ ушелъ отъ сердитаго барина на карачкахъ, подъ складъ телегъ и саней, кáкъ баринъ на него зáрился, а онъ, впотьмахъ и подъ костромъ телегъ, показывалъ ему языкъ. Все это многихъ и долго потѣшало.

Между тѣмъ, укрощенный близостью города и пріятнаго общества, герой брился, мылся, стригся, чистился, буквально съ ногъ до головы; изъ занятой имъ комнаты только и раздавалось на весь домъ: «эй, воды!» и вслѣдъ затѣмъ вода эта выплескивались изъ тазовъ и рукомойниковъ въ окно, и опять раздавалось рѣзко и отчетисто, какъ командныя слова: «эй, воды!» Бѣдная смотрительша сбилась съ ногъ и бѣгала взадъ и впередъ, приговаривая: «ахъ ты, Господи, что это за напасть!» но не хотѣла огорчить и разсердить пріѣзжаго позднимъ отказомъ, чтобъ не лишиться заработаннаго уже, по ея разсчету, хорошаго вознагражденія за свѣтъ, за тепло, за воду, за посуду, за самоварчикъ и за безпокойство. Наконецъ, чистка кончилась, дверь во внутренніе покои растворилась настежь и капитанъ предсталъ во всѣмъ блескѣ красоты своей и величія. Тогда былъ внесенъ и раздѣланъ чемоданъ, а изъ тарантаса взятъ своеручно поставецъ, отъ котораго ключикъ оказался на шеѣ хозяина; изъ поставца достали стклянку съ золотымъ ярлыкомъ, и началось кропленіе, спрыскиваніе и

натиранiе духами не только личности или особы капитана, но и всей одежды и даже бѣлья въ чемоданѣ. Нестерпимое благовонiе разлилось не только по всему дому, но повалило клубомъ въ растворенныя окна и перегородило поперекъ улицу. Прохожихъ, съ непривычки, сильно ошибало, а капитанъ Пѣтушковъ съ усладою дышалъ и плавалъ въ этой околицѣ. Вымытому за-ново тарантасу не досталось ни одного пинка.

По отъѣздѣ капитана съ этой станцiи, дѣла представились въ слѣдующемъ видѣ: смотритель стоялъ на крыльцѣ и вертѣлъ въ пальцахъ гривенникъ, разглядывая его съ такимъ вниманiемъ, будто ему попалась въ руки вещь незнакомая, загадочная, и притомъ такихъ крошечныхъ размѣровъ, что ее почти между пальцевъ не видно. За нимъ, сбоку стояла смотрительша съ засученными рукавами и жалобно пищала, что она бы давно плюнула да отошла, кабы знала, какого пера соколикъ этотъ; что она и ногъ подъ собою не слышитъ, и руки отшибла, и плечи отмахала ему въ услугу, а онъ, безстыдникъ этакой, вонъ что дѣлаетъ! Передъ смотрителемъ стояла толпа ямщиковъ и шарила за умомъ-разумомъ въ затылкахъ своихъ. Они обмывали и окачивали тарантасъ и также увѣряли, что работы за этимъ дѣломъ было много. «И грязь-то невѣсть отколь на немъ завезена», замѣтилъ одинъ, для болѣе рѣзкой выставки заслугъ своихъ: «такъ и въѣлась.» Оставимъ ихъ въ этомъ недоумѣнiи и послѣдуемъ за своимъ героемъ.

Вечеръ; свѣчи поданы. Капитанъ сидитъ нѣсколько на

отшибѣ среди общества обоего пола и самодовольно улыбается. Онъ какъ-то держитъ ушки на макушкѣ, нетерпѣливо выжидая большой затиши въ бесѣдѣ, готовый крякнуть, какъ только приличіе это позволитъ, и принять также участіе въ разговорѣ. Его выписала въ городъ этотъ старуха-тетка, ввела въ домъ и предоставила ему искать своего счастья ловкостью обращенія и изяществомъ бесѣды.

— А горло у васъ не болитъ, сударыня? — спросилъ онъ, наклонившись нѣсколько впередъ, одну изъ дѣвицъ, дочь хозяйки.

— Нѣтъ, не болитъ,—отвѣчала та, не понимая куда этотъ вопросъ клонится.

— И у матушки вашей не болитъ?

— Нѣтъ, не болитъ.

— Ну,—продолжалъ тотъ, щелкнувъ языкомъ, голосомъ, изъявлявшимъ крайнее сожалѣніе: — а у меня есть превосходное средство отъ горла; отъ насморка и отъ колики есть....

На гостя покосились, но разговоръ продолжали попрежнему. Выждавъ приличную минуту, капитанъ опять крякнулъ и сказалъ:

— Я хотѣлъ вамъ доложить, что я пріѣхалъ сюда, или, то есть прискакалъ въ тридцать семь часовъ. Года три тому, какъ я былъ переведенъ въ Малиновскій полкъ, я прискакалъ въ сутки.... позвольте, чтобъ не соврать....

Онъ призадумался, наморщилъ брови и началъ про себя считать версты на умахъ, но общій говоръ занялъ и отвлекъ всѣхъ отъ этого замысловатаго счета и отъ счетчика,

такъ что докладъ этотъ остался неконченнымъ. Капитанъ передернулъ плечами, но пріятная и самодовольная улыбка не сплывала съ лица его. Онъ пріосанился, оглянулся, и ему показалось, что онъ напрасно присѣлъ въ двухъ шагахъ отъ остальнаго, дружнаго общества. Пододвинувъ стулъ свой поближе, онъ опять, улучивъ время, крякнулъ и въ недоумѣньѣ, или, лучше сказать, въ увѣренности занять всѣхъ пріятнымъ разсказомъ, началъ такъ:

— Разъ я, сударыня, былъ на цѣпи....

Невольный хохотъ послышался тутъ и тамъ, и одна изъ дамъ спросила:

— Кàкъ, на цѣпи? кто жь васъ посадилъ нà цѣпь?

— Нѣтъ,—продолжалъ капитанъ Пѣтушковъ:—то есть я хотѣлъ сказать въ цѣпи, въ застрѣльщикахъ.

— Дà, это другое дѣло,—отвѣчала дама: — вы насъ простите, мы этого дѣла не понимаемъ.

И опять кто-то вмѣшался въ бесѣду, и капитанъ остался за штатомъ. Нисколько не унывая, онъ окинулъ потолокъ глазами, потомъ, не измѣняя благообразнаго лица своего, окинулъ всѣхъ собесѣдниковъ радушною улыбкою, подобралъ самодовольно подбородокъ и съ невозмутимымъ терпѣніемъ выждалъ своей очереди.

— Когда мы задавали феферу туркѣ, началъ онъ....

И опять уже, противъ всякаго чаянія и желанія, долженъ былъ покончить на этомъ небольшомъ отрывкѣ разсказъ свой, потому-что дамы не поняли, что такое онъ задавалъ, а впродолженіе объясненій его, рѣчь зашла уже о другомъ и никто его не слушалъ.

Словоохотливый капитанъ Пѣтушковъ не разъ на вѣку своемъ пріятно занималъ общество, и потому, конечно, не безъ причины считалъ себя такимъ собесѣдникомъ, которому не стыдно явиться въ любое собраніе. Итакъ, онъ въ себѣ не сомнѣвался, а между тѣмъ неудача становилась и для него самого довольно очевидною.

«Эка задача!» подумалъ онъ: «по новому знакомству, не зная людей, конечно, съ разу не угадаешь, чѣмъ ихъ потѣшить, видно здѣсь не прывыкли къ нашему брату, военному, а пробавляются въ бесѣдахъ, вотъ какъ и теперь, между собою, все больше пустяковиной. Что жь, мы не ударимъ въ грязь лицомъ и на этомъ. Постоимъ за себя. Можно пустить этакъ скандачка съ языка и на другой ладъ.»

И за словомъ или за думкой этой онъ привсталъ, обтянулъ на себѣ мундиръ, принялъ почтительное положеніе и сказалъ:

— Можетъ быть, сударыня, вамъ угодно сыграть въ фанты....

Эта несчастная, хотя и вполнѣ невинная выходка, окончательно подрѣзала бѣднаго Пѣтушкова. Все общество, отъ мала до велика, такъ или иначе, выразило, хотя и не словами, убѣжденіе свое, что гость этотъ не шутя сидѣлъ гдѣ-нибудь на цѣпи и по недосмотру сторожей своихъ сорвался. Незадача — какъ называлъ онъ самъ впослѣдствіи вечеръ этотъ — не ушла даже и отъ его проницательности. Не потерявъ нисколько самоувѣренности, онъ, однакожь, очутился какъ-то не въ своей тарелкѣ, не пытался болѣе

занимать общество, которое привыкло къ одной *пустяковинѣ*, прошелся нѣсколько разъ звучно по комнатѣ, крякалъ, ничѣмъ не стѣсняясь, думалъ было еще предложить, не угодно ли приказать ему спѣть романсъ, но разсудилъ, что лучше оставить припасъ этотъ въ запасѣ до другаго раза, тѣмъ болѣе, что ему сегодня незадача. Расшаркавшись очень живописно и шумно на всѣ стороны, поднявъ этимъ по-неволѣ всѣхъ на ноги и сказавъ почти каждому что-нибудь пріятное, капитанъ Пѣтушковъ отправился домой къ теткѣ.

Ночью онъ видѣлъ весьма нехорошій сонъ, отъ котораго всталъ утромъ не въ духѣ, но былъ кротокъ и тихъ, какъ приличествуетъ въ чужомъ домѣ. Это вынужденное созерцательное положеніе навело его на умъ. Когда тетушка встала, кофе былъ поданъ, и онъ приложился къ рукѣ и разузналъ обстоятельно, каково тетенька изволила почивать, то, не любя откладывать дѣла, онъ сказалъ напрямикъ:

— Незадача мнѣ, тетенька, у Гужовыхъ, да и не нашъ край; это, воля ваша, пустяковина: примѣромъ сказать, не тѣ люди. Я не боюсь, тетенька, то есть могу сказать, что не боюсь пройтись по какому угодно обществу, а тѣмъ паче, что касается.... я самъ это всегда любилъ — сами знаете; видѣли мы и свѣтъ, и людей и въ полку считались отборными. А лучше, тетенька, потолкуемте по купеческой части, то есть потрудитесь высватать у Веретенниковыхъ.

Тетенька согласилась на это съ удовольствіемъ и черезъ часъ отправилась самолично въ этотъ домъ, о которомъ ради выбора ему говорила, объяснивъ, что у Гужовыхъ

надо ему напередъ заискивать самому, тамъ за глаза не отдадутъ, а у Веретенникова, по старому простому обычаю, дѣло легко покончить и достаточно познакомиться на смотринахъ. Лукавый подбилъ капитана Пѣтушкова сунуться напередъ туда, гдѣ предстояло брать грудью; это, конечно, и приличнѣе храброму офицеру, но послѣ незадачи, пустяковины и не хорошаго сна, онъ передумалъ.

Послѣ первыхъ привѣтствій, тетенька у Веретенниковыхъ сочинила масляные глазки и объявила, что пріѣхала за дѣльцемъ. Груню выслали вонъ; но, само собой разумѣется, что она стала за двери и прислушивалась, между тѣмъ какъ двѣ дѣвки во все время терлись то за тѣмъ, то за семъ, въ гостиной. У Веретенниковыхъ было жениха съ два на примѣтѣ, и одному изъ нихъ, который передъ ними всѣмъ взялъ и даже нравился невѣстѣ, сегодня вечеромъ назначено было смотрѣть ее, но не гласно, а тайкомъ; она видывала его хоть въ окно, а онъ не зналъ ея еще въ глаза. Но осторожные родители не сочли благоразумнымъ отгонять *добрыхъ* людей, доколѣ дѣло не было еще рѣшено и могло разстроиться. Они просили подумать, потому что дочь еще молода, но, узнавъ, что долго думать нельзя, по короткому сроку отпуска капитана, просили сперва познакомиться. Настояніе тетеньки, чтобъ знакомство это послѣдовало сегодня, нѣсколько ихъ было затруднило; но и тутъ родители разсудили, переглянувшись, что одно дѣло другому не мѣшаетъ, согласились и на это, и просили пожаловать къ вечернему чаю.

Капитанъ Пѣтушковъ пропѣлъ за это тетенькѣ новый

романсъ, положенный, какъ онъ выразился, на маршевую музыку, и принялся душиться. Водки онъ не пилъ, и погребчикъ или поставецъ его былъ весь наполненъ стекломъ этого разбора. Лаванъ, колонь, амбре и разныя помады занимали порядочный ларецъ. Въ ожиданіи столь пріятнаго вечера, Пѣтушковъ потѣшалъ тетеньку весьма замѣчательными бесѣдами. Онъ, между прочимъ, объяснилъ ей въ подробности, какой мошенникъ былъ у нихъ каптенармусъ, а между тѣмъ онъ былъ любимецъ полковника; какое дивное средство у него есть отъ горла и отъ колики есть, и называлъ его за это «фактомъ»; еще сообщилъ ей, что приклады новыхъ ружей у нихъ чрезвычайно круты, почему ихъ неудобно держать подъ прикладъ и полагалъ, что англичанинъ подкупилъ мастера и далъ за это милліонъ. «Что ему значитъ милліонъ?» прибавилъ онъ, когда тётушка отъ изумленія всплеснула руками: «милліонъ ему ничего не значитъ» — и, въ доказательство, вздернулъ и опять опустилъ плечи, крякнулъ и запѣлъ трубнымъ гласомъ другой романсъ, еще лучше перваго, но положенный не на маршевую, а на простую музыку.

Въ такой пріятной бесѣдѣ время прошло скоро и стало близиться къ шести часамъ, къ смотровой порѣ. Собрались и пошли съ тётенькой подъ-ручку и, на всякій случай, съ тетрадкой отборныхъ, списанныхъ стишковъ въ карманѣ.

У Веретенниковыхъ встрѣтили жениха чинно и радушно и все упрашивали садиться и не безпокоиться, приговаривая: «помилуйте!» Сидѣли въ гостиной; дверь въ жилыя

комнаты была притворена; шла пріятная бесѣда, въ которой здѣсь никто не опиналъ капитана, да и онъ не спотыкался: рѣчи лились рѣкой. Вдругъ двери распахнулись настежь и вошла хозяйская дочь, очевидно, къ этому торжественному случаю нѣсколько подготовленная; она была въ бѣломъ платьѣ со множествомъ огромныхъ розовыхъ бантовъ, въ ладонь шириною, и въ алмазныхъ серьгахъ. Пѣтушковъ вскочилъ, подошелъ къ ручкѣ, шумно представился ей какъ тётенькинъ племянникъ и, упросивъ ее садиться, тотчасъ же продолжалъ:

— Какой пріятный городъ это! Вы давно изволите въ немъ проживать?

— Мы не выѣзжали; я здѣсь родилась.

— Много чести для города и должно быть очень пріятно.... А мы, такъ вотъ все шатаемся, конечно, очень понимая насчетъ высокой цѣли.... Можетъ быть, вамъ, сударыня, неизвѣстно, что я едва не погибъ во цвѣтѣ лѣтъ?

Въ то время женщина, явившаяся въ дверяхъ внутреннихъ покоевъ съ какими то тревожными, таинственными знаками, вызвала хозяйку, которая тотчасъ же увела за собою дочь, между тѣмъ какъ капитанъ продолжалъ съ большимъ одушевленіемъ и молодецкими ухватками объяснять хозяину опасныя похожденія свои. Оставимъ ихъ и послѣдуемъ за невѣстой.

Со двора приставленные люди дали знать, что пришелъ женихъ, которому обѣщано было сегодня показать подъ рукою невѣсту. Негласные смотрины эти происходили такимъ-образомъ: женихъ введенъ былъ въ сѣни и постав-

ленъ въ темномъ углу, подъ лѣстницей; невѣста вышла съ двумя провожатыми, у которыхъ были свѣчи; одна изъ женщинъ шла впереди, другая позади невѣсты, смѣло освѣщая ее съ ногъ до головы, потому что въ невѣстѣ этой не было никакого видимаго изъяна или порока — ни хромоты, ни бѣльма, ни косаго бока. Она подошла къ большому шкапу, отперла его и стала тамъ перебирать что-то, по хозяйству, минуты черезъ двѣ заперла его и шествіе тѣмъ же порядкомъ возвратилось въ покои.

Но, не смотря на непорочность невѣсты, прихотливый женихъ, не говори ни слова, вышелъ изъ сѣней, какъ-только продѣлка эта кончилась, и скорыми шагами отправился было со двора. Здѣсь добрые люди перехватили его, требуя привѣта и отвѣта. Упрямый женихъ, какъ видно, нѣсколько разочарованный смотринами, либо ужь опытный въ дѣлахъ этого рода, махнулъ только рукой и хотѣлъ продолжать путь. Ему заступили дорогу, убѣждая объясниться и обдуматься, не обижать добрыхъ людей такимъ недобрымъ уходомъ, а въ то же время старый прикащикъ успѣлъ уже потолковать съ хозяиномъ и, выскочивъ изъ дома, молвилъ вполголоса (вообще и вся бесѣда эта велась скромно и тихо), что де хозяинъ походу кладенъ: онъ пять тысячъ прибавляетъ къ пачкѣ, изъ уваженія къ тому только, что сама невѣста предпочла его прочимъ соискателямъ. Молодой человѣкъ какъ будто призадумался въ нерѣшимости, но видимо склонялся на выгодное предложеніе; старый прикащикъ, послѣ нѣсколькихъ зазывныхъ поклоновъ, взялъ его почтительно подъ-руку и ввелъ опять съ

задняго крыльца въ домъ. Тутъ провели его тихонько въ небольшой покойчикъ, гдѣ его встрѣтилъ и усадилъ хозяинъ; дѣло кончено было въ немногихъ словахъ. Веретенниковъ подтвердилъ условія, назначилъ на все приличное время и сроки, обнялся трижды съ будущимъ зятькомъ своимъ и, проводивъ его до крыльца, возвратился опять въ гостинную.

Здѣсь капитанъ Пѣтушковъ, не обращая никакого вниманія на весьма замѣтную суматоху, на чередной уходъ то матери невѣсты, то отца, ни на шопотъ ихъ и разные въ семейномъ кругу понятные знаки, продолжалъ раскидывать врознь, въ живописномъ, хотя и угловатомъ порядкѣ, всѣ члены свои и порывисто, звучнымъ голосомъ, опрастывался постепенно отъ припасенныхъ на сей вечеръ достопримѣчательностей. Построивъ на столъ батарею, онъ съ такимъ жаромъ объяснялъ разницу между кюветомъ и барбетомъ, что не взвидѣлъ передъ собою свѣта и столкнулъ со стола свѣчу. Этотъ нечаянный случай заставилъ его нѣсколько опомниться и угомониться; онъ освѣдомился объ Аграфенѣ Тимоѳеевнѣ, дочери Веретенникова, которая, съ тѣхъ поръ какъ мать ее вызвала, болѣе не показывалась. «Должно быть, у нея маленько головушка побаливаетъ», отвѣчалъ старикъ: «чуть ли она ужь и не прилегла ли.» Этотъ отвѣтъ послужилъ сметливой тётенькѣ не только прямымъ намекомъ на то, что пора имъ убираться изъ гостей домой, но и былъ принятъ сю, какъ рѣшительный отказъ племяннику, что и подтвердилось при объясненіяхъ ея съ хозяйкой на слѣдующее утро.

Капитанъ Пѣтушковъ тутъ ничего не понималъ, а былъ случаемъ этимъ озадаченъ еще болѣе, чѣмъ первымъ. Въ самомъ себѣ онъ былъ увѣренъ какъ нельзя болѣе, и вѣры этой не могла поколебать никакая неудача; потому онъ всю вину свалилъ на неспособную къ такимъ тонкимъ дѣламъ тётеньку и выѣхалъ изъ маленькаго городка точно въ такомъ же расположенiи духа, въ какомъ былъ на той станцiи, гдѣ кормилъ тарантасъ свой пинками. Весь первый перегонъ проскакалъ онъ стоя, погоняя во все время ямщика; на станцiяхъ оралъ и бѣсновался съ такимъ неистовствомъ, что къ вечеру сдѣлался вовсе безъ голоса и бесѣдовалъ уже не иначе, какъ подымая то правый, то лѣвый кулакъ выше головы, въ родѣ телеграфа.

XIII.

ДЫШЛО.

Ремесла за плечами не носишь, а съ нимъ добро. Конечно, ремесло ремеслу рознь; но всякое знаніе и умѣнье кормитъ человѣка, а находчивость спасаетъ.

Вотъ, сударь мой, какіе для примѣра бываютъ случаи. Небольшаго чина военный человѣкъ, свойственно и прилично званію своему былъ горяченекъ, срывчивъ, что говорится, скоръ на-руку. Случилось ему какъ-то переправляться на перевозѣ, и довелось сѣсть въ лодкѣ самъ-третей съ чиновникомъ, также въ каскѣ и съ краснымъ воротомъ, да только не военнаго, а другаго вѣдомства, и съ какимъ-то купцомъ. Какая у нихъ ссора на водѣ вышла— этого достовѣрно не знаю, должно быть за непочтительность; но ужь лодка стала подплывать къ противному берегу, какъ военный, не говоря худаго слова, хвать своего сосѣда всей пятерней повыше краснаго воротника. На лодкѣ поднялся крикъ, суматоха; перевозчикъ чуть не выронилъ

изъ рукъ веселъ; между тѣмъ проходитъ берегомъ, либо стоитъ и ждетъ переправки, аудиторскій писарь. Увидѣвъ такое причинное дѣло и понимая всю важность его, онъ, какъ опытный въ такихъ дѣлахъ человѣкъ, тотчасъ спохватился — какъ же и не помочь своему брату, военному— и кричитъ во весь голосъ на лодку: «Ваше благородіе, что вы это дѣлаете? вѣдь бѣда будетъ! Бейте скорѣе въ рожу купца-то ради прикосновенности, чтобъ не годился въ свидѣтели!»

Вотъ, сударь, кабы этотъ добрый человѣкъ не подоспѣлъ со стороны во-время и кстати, чтобъ научить молодаго офицера уму-разуму, такъ бѣдному могло бы быть и худо: перевозчикъ да купецъ, два стороннихъ, неприкосновенныхъ къ дѣлу и неотводныхъ свидѣтеля, еслибъ они сдѣлали подъ присягой согласное показаніе, составили бъ этимъ полную и законную улику, на основаніи которой судъ былъ бы вынужденъ обвинить военнаго; а какъ одинъ только свидѣтель, перевозчикъ, не винитъ еще передъ судомъ обвиняемаго, а другой отводится и не можетъ быть опущенъ къ присягѣ, будучи и самъ истцомъ, то судъ могъ развѣ только оставить обвиняемаго въ подозрѣніи. Не сообрази человѣкъ всего этого второпяхъ, да не поправься, поколѣ еще было время — ну, и пропалъ бы, что называется, ни за грошъ.

Правда и то, что коли о всякомъ дѣлѣ говорятъ, что оно мастера боится, то о дѣлахъ этого рода, гдѣ все виситъ на тонкостяхъ, и подавно надо разумѣть то же. Надо всѣ эти тонкости знать; надо быть большимъ законникомъ и дер-

жать на-готовѣ всѣ приправы и уловки, чтобъ не попасться, не опростоволоситься. А ловкій законникъ, смышленый подъячій и стряпунъ, тертый приказный — куда какъ иную пору вертитъ дѣлами, бѣда, да и только; вся власть въ его рукахъ. И черно — бѣло, и бѣло — черно, и красно—пестро; словомъ, ровно добрый плотникъ: что захотѣлъ, то и срубилъ; за всякое дѣло какъ за дышло берется: куда хочетъ, туда и воротитъ.

Вотъ, сударь, была у насъ этакая хорошая штука, какъ секретарь гражданской палаты, у котораго, кромѣ пера съ махалкой, не было никакихъ родовыхъ вотчинъ — продалъ съ тысячу десятинъ лѣсу да еще и строеваго. Лѣсъ этотъ продалъ онъ больно дешево, потому что онъ былъ чужой, но зато продалъ его крѣпко, все одно то-есть, что обвѣнчалъ, и денежки сполна получилъ и во владѣніе ввелъ. Ловкій былъ человѣкъ на эти дѣла, дока!

Вишь, одинъ помѣщикъ покупалъ у другаго имѣніе, да долго не сходились въ цѣнѣ да въ условіяхъ. Покупщику хотѣлось купить вотчину ту съ лѣсомъ—а лѣсъ былъ знатный, особнякъ. Продавецъ дорожился и дорожился именно по своимъ разсчетамъ за лѣсъ. «Ну», говоритъ, «такъ изволь купить имѣніе мое безъ лѣсу; покиньте его мнѣ». А опричь лѣсу, вишь, они въ цѣнѣ сходились. «Нѣтъ», говоритъ тотъ: «безъ лѣсу купить бы не хотѣлось. Что ужъ мнѣ козла въ огородъ пускать, держать сосѣда въ особнякѣ; лучше уступите да отдайте и съ лѣскомъ, такъ будемъ сватами.» Ну, вотъ они и съѣхались по уговору вечеркомъ для этого дѣла, чтобъ, то-есть, поступившись

другъ другу тѣмъ-сѣмъ, сладить, порѣшить да написать условія для купчей. Съѣхавшись, да и пригласили къ этому дѣлу, какъ человѣка свѣдущаго, секретаря гражданской палаты. У него же въ рукахъ будетъ и дѣло это вершиться, такъ оно ужь одно къ одному, и кстати.

Сошлись, толковали долгонько, а все какъ-то ихъ толкъ-отъ не беретъ. Одинъ опять гнетъ въ свою сторону: «Давай, говоритъ, куплю съ лѣсомъ», другой воротитъ въ свою: «Коли 25 тысячъ не дашь за лѣсъ, такъ покинь его, торгуй вотчину по себѣ, а лѣсъ пусть будетъ за мною». Дѣло то все какъ-то и не клеится.

Тѣмъ временемъ продавецъ на часокъ вышелъ, а секретарь, оглянувшись, и говоритъ вполголоса покупщику:

— Вамъ больно хочется купить вотчину ту съ лѣсомъ?

— Да,—говоритъ: — очень бы желательно, да дорожится; этой цѣны дать нельзя, а безъ лѣсу что-то неохота пускаться.

— Такъ покупайте скорѣе имѣніе безъ лѣсу, да молчите и не хлопочите ни о чемъ: лѣсъ будетъ вашъ.

— Какъ же такъ?

— Лѣсъ вы у меня купите, я вамъ его продамъ. Что дадите?

— Да какъ же его продадите? Я что-то не пойму.

— И не ваша забота понимать, это мое дѣло, продамъ да и только, и будетъ вашъ. Что дадите?

— Да не знаю, право, какъ это....

— Чего вамъ знать? Толковать долго некогда; вотъ во-

ротится продавецъ, такъ и кончены торги наши. Хотите купить, такъ и покупайте — будетъ крѣпко.

— Что просите?

— Нынѣшній хозяинъ не отдаетъ ниже 25 тысячъ, я скидываю 15 тысячъ, дорожиться не хочу; но ужь меньше ни копейки.

— Да какъ же вы продадите чужой лѣсъ?

— Опять таки! Говорю вамъ, что это не ваша забота; коли продамъ, такъ будетъ не чужой, а вашъ; впередъ не возьму ничего, для вѣрности можно раздѣлить задаточекъ такъ, чтобъ моя половина безъ вашей не годилась въ дѣло.

Сладили и ударили по рукамъ.

Продавецъ воротился. «Ну», говоритъ покупщикъ, «видно съ вами не сладишь — безъ лѣсу, такъ безъ лѣсу, давайте писать условіе. Не вѣкъ жить изъ-за этого дѣла въ городѣ: пора и ко дворамъ.» Секретарь живо настрочилъ, къ обоюдному удовольствію, всѣ условія, толкъ короткій, примѣрную купчую, а объ лѣсѣ ни тутъ, ни тамъ нѣтъ и помину. «Дѣло объ лѣсѣ», сказалъ секретарь на ушко покупателю, «особь статья; ее мы обдѣлаемъ утре. Утро вечера мудренѣе».

На другой день живо и безъ всякой задержки переписали набѣло купчую, засвидѣтельствовали какъ слѣдуетъ, еще разъ толкомъ прочитали, записали въ крѣпостную книгу.... Покупщикъ все поглядываетъ на секретаря, видя, что дѣло подходитъ къ концу, а объ лѣсѣ нѣтъ и рѣчи; а секретарь только мигаетъ и киваетъ ему на всѣ лады, чтобъ

только угомонить его и увѣрить, что дѣло будетъ сдѣлано. Дрогнула было рука у покупщика напослѣдокъ, какъ пришлось расписываться въ книгѣ, за подписью продавца, въ полученіи подлинной купчей; но секретарь опять-таки его сумѣлъ кой-какъ успокоить и дѣло кончилось благополучно; раскланялись и разошлись.

Этого покупщикъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ и тотчасъ же, проводивъ продавца, воротился въ палату, чтобъ потребовать отчета у секретаря.

— Будьте, пожалуйста, спокойны,—сказалъ тотъ: — дѣло ваше идетъ своимъ порядкомъ, какъ нельзя лучше. Приходите ко мнѣ на домъ тотчасъ послѣ присутствія, да готовьте деньги.

Покупщикъ, выждавъ съ большимъ нетерпѣніемъ урочное время, приходитъ, и съ какимъ-то тягостнымъ недоумѣніемъ глядитъ секретарю-продавцу въ глаза, не понимая, чѣмъ теперь дѣло это кончится.

— Ну, —началъ тотъ: — такъ вамъ желательно пріобрѣсти лѣсъ, а владѣлецъ упрямится, не продаетъ: и продадимъ и купимъ безъ него, не обезпокоимъ. Пожалуйте купчую, гдѣ она у васъ? Въ купчей этой лѣсу нѣтъ?

— Вы сами знаете, что нѣтъ.

— Ну, стало быть, она намъ и не годится.

И за словомъ изорвалъ ее въ клочки. Покупщикъ испугался было этого невиданнаго способа покупки лѣса и кинулся на свою купчую; но тотъ, отвернувшись рѣшительно въ сторону, покончилъ свое дѣло.

— Теперь, —продолжалъ онъ: — у васъ и купчей нѣтъ:

она затеряна; вы подадите завтра же просьбу объ этомъ въ палату — вотъ она и просьба готова; вы требуете копію съ крѣпостной книги: это будетъ такая жь купчая, она ей во всемъ равносильна; а тамъ-то, изволите видѣть, въ крѣпостной книгѣ, лѣсъ-то есть, и включенъ онъ въ одну цѣну.

— Какъ такъ?— спросилъ озадаченный покупщикъ, все еще неясно понимая въ чемъ дѣло.

— Я вамъ говорю, что, за утратою подлинной купчей, выдадимъ вамъ другую, списавъ ее съ крѣпостной книги, а тамъ лѣсъ вписанъ; вѣдь въ книгѣ-то оба вы съ продавцомъ росписались, не прочитавъ записки: на это-то я и билъ. Готовьте другую половину бумажекъ, да подписывайте-ка вотъ просьбу.

Замѣчаніе о другой половинѣ бумажекъ относится къ тому, что, заключивъ между собою *законное* условіе о продажѣ и покупкѣ чужаго лѣса, пріятели другъ другу не довѣряли, а потому покупщикъ и разорвалъ условную сумму пополамъ, раздѣливъ ее такимъ образомъ, что одному достались однѣ верхнія, другому нижнія половинки. Такъ у насъ колютъ пополамъ и бирки съ зарубками, для вѣрнаго взаимнаго счета.

Покупщикъ подалъ просьбу въ палату о томъ, что потерялъ свою купчую, и просилъ о выдачѣ довѣреннаго списка, изъ книги. Дѣло это обычное, бывалое; никто въ палатѣ не обратилъ на это большаго вниманія, и списокъ былъ выданъ, вѣрный отъ буквы до буквы съ подлинникомъ, потому-что статья въ крѣпостнюй книгѣ составляетъ на-

стоящій документъ. Въ спискѣ этомъ, какъ обѣщалъ секретарь, оказался и лѣсъ, о коемъ идетъ рѣчь, съ подробнымъ обозначеніемъ межъ и граней. Покупщикъ, по совѣту секретаря, помѣшкалъ нѣсколько, протянулъ время, подалъ просьбу о вводѣ во владѣніе, выждалъ сроки, и сталъ безспорнымъ владѣльцемъ купленной вотчины и лѣса. Бывшій владѣлецъ, узнавъ объ этомъ когда уже пошла рубка въ лѣсу и полѣсовщики его были высланы, закричалъ было, какъ говорится, въ свинъ голосъ, зашумѣлъ; но когда ему растолковали дѣло и показали въ крѣпостной книгѣ четкую подпись его, то онъ содрогнулся отъ ужаса при мысли о такой неслыханно-наглой продѣлкѣ, смирился поневолѣ и сталъ усердно совѣтовать всѣмъ знакомымъ и незнакомымъ, другу и недругу, читать со вниманіемъ все, что они подписываютъ, даже готовые документы, записываемые при куплѣ и продажѣ въ крѣпостную книгу, чего нынѣ почти никто не дѣлаетъ, довольствуясь обычно тѣмъ, что читаютъ и перечитываютъ самый актъ. Никому не приходитъ въ голову, что можно совершить подложный актъ, а въ книгу, другимъ подлогомъ, записать другое, и что, при утратѣ купчей, крѣпостная книга рѣшаетъ дѣло.

Вообще, довольно опасно не читать того, что подписываешь. Я зналъ секретаря, который, приходя съ докладомъ, всегда приносилъ съ собою небольшой запасъ безсмысленныхъ бумагъ, подписанныхъ въ задумчивости или въ часъ недосуга начальникомъ; бумаги эти служили остраской и пугаломъ, если начальникъ упрямился и не хотѣлъ чего-либо подписать или уступить въ чемъ секретарю. Каж-

дая изъ такихъ бумагъ выкупалась новой жертвой, новою уступкой, и затѣмъ уничтожалась; но какъ начальнику не было извѣстно, какъ великъ былъ этотъ грозный запасъ подписанныхъ имъ беззаконій, то онъ и не выходилъ изъ кабалы у своего письмоводца.

XIV.

ПАМЯТКА.

Ѣхалъ баринъ семьей въ большомъ рыдванѣ на своихъ лошадяхъ шестерикомъ. Было это въ глуши, въ Костромской, дремучими лѣсами, по такимъ мѣстамъ, гдѣ въ тѣ времена ѣзжали только днемъ. Тутъ живали такіе молодцы, что стеречь подъ мостомъ проѣзжихъ было для нихъ обиходнымъ дѣломъ, хлѣбомъ насущнымъ.

Лошади позамаялись, случилась еще и небольшая ломка — разсчитывали въ двѣ упряжки проѣхать боръ, а пришлось ночевать на перепутьѣ. Посовѣтовавшись съ людьми своими, помѣщикъ рѣшился пристать въ ославленной издавна деревнѣ, которая лежала въ глуши, на пролѣскѣ по 25-ти верстъ на обѣ стороны отъ жилаго мѣста. «Ничего, сказалъ старый бывалый кучеръ, Богъ милостивъ, не бойтесь; теперь не прежнія времена, хоть и шалятъ ино да ужь не такъ; пристанемъ къ Кузьмѣ; онъ это дѣло давно покинулъ.» — Заѣхали.

Изба большая, просторная, но одна съ хозяевами, чис-

той нѣтъ. Семья крестьянская, съ большими и малыми, душъ подъ 15; невѣстка, молодая проворная бабенка, мотается туда и сюда, подаетъ прiѣзжимъ то молока, то масла, накормила и людей и свою семью, да и понесла подавать ужинать кому-то на полати. «Что ты это, матушка, спросилъ помѣщикъ, кого кормишь тамъ?» —«А дѣдушка у насъ тамъ лежитъ, отвѣчала она, безъ ногъ, такъ ему и подаю.» Слово за словомъ, дѣдъ обозвался, подползъ къ краю полатей, выказалъ богатырскую, бѣлокурую голову свою и поздоровался.

— Что ты, дѣдушка, аль неможется?

— И не знаю, баринъ, какъ и сказать; здоровъ я лежать, здоровъ ѣсть, и здоровъ бы совсѣмъ, да ногъ нѣту; такъ вотъ и лежу.

— Что жь такое сталось съ тобой? Давно?

— Да ужь побольше двадцати годовъ будетъ; а что сталось — Богу извѣстно: Онъ казнитъ насъ за грѣхи наши, и меня не обнесъ. Какъ заслужилъ, такъ и терпи; дѣлать нечего, Господь даромъ не накажетъ.

— Что жь ты такъ, можетъ статься и клеплешь на себя, дѣдушка? Смиренiе годится, конечно, — молись да надѣйся, да спроси знающихъ людей, авось помогутъ.

— Нѣтъ, батюшка баринъ, на меня давнымъ давно лопата выросла — да вишь, и земля не примаетъ. Ты, видно баринъ добрый, есть вотъ у тебя и хозяюшка, и дѣтки— тебѣ можно сказать все; да что, и таить-то нечего: Богъ разсудитъ меня, а не люди. Всѣмъ вѣдомо у насъ, что надо мною сталось, а коли слушать станешь, такъ разскажу.

— Сдѣлай милость, дѣдушка, пожалуйста.

— Даромъ что я теперь на полатяхъ сижу, а я слышу и вижу все: я знаю, что вы вотъ со страхомъ Божьимъ пристали ночевать къ намъ—слухомъ земля полнится; деревня хороша да слава худа. Прошло то время, батюшка-баринъ; спите, что у Христа за пазухой, и съ Богомъ заутре поѣдете. Вотъ что.

«А лѣтъ тому двадцать пять было не то. У насъ на кругу была очередь по дворамъ, въ какой день кто прибудетъ, то ужь никто, кромѣ очереднаго, на дворъ пускать не смѣетъ; а тотъ примай да и раздѣлывайся, какъ знаешь. Кому какое счастье выдастся. Бывало какой-нибудь запоздалый голышъ на дворъ—поглядишь да и отворотишься; а прикатитъ съ полной кисой, такъ за нимъ и ухаживаешь, да выпроводивъ за село, тамъ и обработаешь.

«Вотъ, батюшка баринъ, говорю все передъ тобою, какъ передъ Богомъ—вотъ и была изба моя на очереди. Пріѣзжаетъ на саночкахъ какой-то изъ военныхъ, одинъ одинешенекъ; баринъ молодой, веселый. Указываютъ ему мой дворъ — я вишь былъ на очереди; я вышелъ, растворилъ ворота, глянулъ на него, и думаю: хоть бы ты провалился; хлопотъ-то будетъ съ тобой, а поживиться ужь нечѣмъ.

«Вошелъ онъ въ избу, попросилъ отпрячь лошадь, да убрать ее, все разговариваетъ, требуетъ себѣ того, другаго, привередничаетъ,—я отвернулся, пошелъ, думаю: кабы зналъ ты у кого гостишь, такъ бы потише сталъ. Онъ видитъ, что у меня не скоро какъ то поворотились, да и говоритъ: «что жь вы, ужь не думаете ли, что я не заплачу

вамъ? Не бойсь, хозяинъ, отблагодарю, только накорми да напой чайкомъ хорошенько; я промерзъ; ты чай думаешь нечѣмъ и расплатиться мнѣ? Вотъ, гляди, слава Богу, есть чѣмъ — было бы за что». — Да и сталъ пересыпать цѣлую горсть золота! «Вотъ, говоритъ, привезъ изъ походу, да ѣду теперь домой; товарищъ-то у меня захворалъ дорогой, такъ я и остался одинъ съ лошадкой....» У меня на него глаза такъ и разгорѣлись: вотъ-де не думано, не гадано — а что добра! Тотчасъ послужилъ ему чѣмъ Богъ послалъ и не отходилъ во весь вечеръ отъ него — такъ вотъ и подмываетъ: жду, не дождусь, чтобъ заснулъ.... Уснулъ онъ. Что, говорю, тутъ что ли его порѣшить?—«Нѣтъ, батюшка, говоритъ старшій сынъ—царство ему небесное—того гляди хлопотъ наживешь, либо кровь, либо что, слѣды останутся; такъ лучше за яромъ.» Ну, ладно.

«Далъ я ему соснуть часа два, и бужу: пора-де вамъ ѣхать. Онъ поглядѣлъ въ окно—«рано, хозяинъ; еще темно, ни зги не видать, поспѣю.»

«Я обождалъ еще съ часокъ мѣста, да выслалъ сына, велѣлъ заложить двое дровней, проѣзжать подъ окномъ да покрикивать; бужу опять, говорю: пора, баринъ, нынѣ зима, свѣту не дождешься, а вонъ ужь мужики наши въ лѣсъ по дрова поѣхали. Онъ поглядѣлъ опять въ окно, послушалъ — «и то такъ; ну давай съ Богомъ собираться, закладывай, хозяинъ, мою лошаденку.»

«Разсчитались мы — хоть ужь и не до счету мнѣ было, и не хотѣлъ я брать, да принудилъ: возьми, говоритъ, все, что слѣдуетъ возьми. Сѣлъ онъ, поблагодарилъ и поѣхалъ.

Я съ сыномъ кинулись на дровни, пустились проулкомъ да окольной дорожкой лѣсомъ, выѣхали ему въ встрѣчу и дожидаемся. Ѣдетъ. Мы, какъ слѣдуетъ, подскочили и лошадь его подъ уздцы, а сынъ.... сынъ-то у меня, баринъ, былъ молодецъ, вотъ что головой подъ матицу доставалъ, и вотъ какой въ плечахъ — вотъ!... Сынъ его за воротъ.— «Это что? Кто это? Хозяинъ, да это ты?... —«Да ужь такъ, баринъ, въ полѣ съѣзжаются, родомъ не считаются; подавай деньги всѣ сполна, а тамъ молись Богу; ужь коли узналъ, такъ тебѣ живу не быть.

«— Охъ, старикъ, старикъ, — закричалъ онъ: — и этому ты сына учишь? Самъ какъ-то увернулся, соскочилъ съ саней, да хватитъ чѣмъ-то сына — онъ, сердечный, какъ стоялъ такъ и сгорѣлъ съ ногъ, какъ снопъ. У меня сердце подкатилось, руки такъ и обмерли; а онъ подходитъ ко мнѣ, ровно вотъ какъ къ доброму кому идетъ, а я стою, самъ не свой, и рукъ и ногъ не разведу; взялъ онъ меня за вихоръ, потянулъ на себя, ровно парнишку какого, да и говоритъ: «а тебя, стараго чорта, надо проучить порядкомъ, чтобъ ты на такое дѣло дѣтей не водилъ.» Да раза три какъ вытянетъ меня по спинѣ — и Господь его знаетъ какъ и чѣмъ, только я весь обомлѣлъ; на своихъ ногахъ стою, а спина ровно перешиблена и головы не слышу.... Покинулъ онъ меня, я и упалъ; онъ пошелъ, привелъ дровни мои, а самъ все читаетъ да приговариваетъ, да меня коритъ; взялъ онъ меня впоперекъ, взвалилъ навзничь на дровни, а руки и ноги переплелъ подвязками; пошелъ да взялъ сына моего, взвалилъ его на меня, вотъ,

говоритъ, тебѣ наука; ступай домой! Самъ нахлесталъ лошадь, да и пустилъ назадъ по дорогѣ.

«Пошла лошадь домой, стала у воротъ; на деревнѣ еще рано и у меня дома спятъ, а у самого нѣтъ силъ, ни выбраться да встать, ни закричать. Лежитъ, сердечный, на мнѣ сынъ, и слышу я, что ужь онъ не живой. Подъ конецъ очнулся я маленько, застоналъ; тутъ стало свѣтать; гляжу сыну въ глаза — а онъ взвалилъ его на меня лицомъ къ лицу — гляжу на него, такъ и есть: Богу душу отдалъ!

«Вышли у меня со двора, ахнули, глядя на насъ, сняли и меня; сына похоронили, меня подсадили на полати — да вотъ, батюшка баринъ, съ тѣхъ поръ я уже съ нихъ и не слѣзалъ!...

«Вотъ оно каково, баринъ; Богъ и долго терпитъ, да больно бьетъ; вотъ мнѣ проѣзжій памятку и задалъ. Господь съ тобой, баринъ, съ хозяйкой и съ дѣтьми твоими; опочинь, какъ у Христа за пазухой, да съ Богомъ утре и поѣдешь.»

Во все время этого разсказа всѣ односемьяне и домочадцы старика занимались каждый своимъ дѣломъ, не обращая большаго вниманія на слова его; видно, они уже имъ прислушались.... Но у проѣзжихъ, во время разсказа, не разъ волоса подымались дыбомъ и морозъ подиралъ по кожѣ. Впрочемъ, они переночевали спокойно и благополучно выѣхали.

XV.

МЕДВѢДИ.

— Знаете ли вы «Сергачскаго боярина?» А знаете ли «Сморгонскаго студента?» — Одного-то знаю, а другаго не вѣдаю. — Все одно. Въ Сергачскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи, обучаютъ медвѣдей и ходятъ съ ними дармоѣдничать по всей восточной Руси; и въ Сморгонахъ, въ Бѣлоруссіи, поставляютъ ихъ же на всю западную Русь. Тамъ называютъ ихъ «сергачскими боярами», здѣсь же «сморгонскими студентами». И тутъ и тамъ вожаки берутъ ученаго звѣря напрокатъ у хозяевъ, а также изъ оброку у своихъ господъ, и шатаются съ ними по бѣлому свѣту. Въ южной Россіи вожаки нерѣдко бываютъ изъ цыганъ, а медвѣдей достаютъ либо изъ Бѣлоруссіи же, либо черезъ Молдавію, изъ-за Карпатскихъ горъ.

Многіе изъ васъ, я думаю, когда-нибудь слышали быль, какъ вожаки съ медвѣдями спасли небогатаго помѣщика, или, вѣрнѣе, хуторянина, отъ разбойниковъ и убійцъ, но

немногіе быть можетъ знаютъ подробности этого происшествія, которое случилось въ 1806 году, въ Екатеринославской губерніи, Бахмутскаго уѣзда, неподалеку Лугани.

Хуторянинъ этотъ, человѣкъ уже не молодой, жилъ себѣ особнякомъ и обработывалъ пашню наемными работниками; въ домѣ же у него было немного людей, — всего мужикъ да двѣ бабы. Рѣчь шла объ немъ, что онъ скупъ, и что у него есть деньги, которыя однако жь запрятаны гдѣ-то, такъ что никто ихъ не найдетъ: кто говорилъ, что онѣ состоятъ изъ серебра и золота; зарыты у него въ кувшинѣ подъ печкой — а хата его была, какъ обыкновенно въ тѣхъ мѣстахъ, мазанная, съ битымъ, глинянымъ поломъ; иные толковали, что деньги его, все ассигнаціи, зашиты у него въ подкладку халата. Хуторъ его лежалъ версты полторы въ сторонѣ отъ проселочной дороги и притомъ въ небольшомъ оврагѣ, при двухъ колодцахъ съ журавлями, изъ которыхъ одинъ окруженъ былъ хорошо поддержаннымъ плодовымъ садомъ. Съ дороги только виднѣлись очепы колодцевъ. Хозяинъ, между прочимъ, держалъ много дворовой птицы.

Вожаки съ медвѣдями, какъ извѣстно, ходятъ обыкновенно артелями, по нѣсколько человѣкъ; расходятся, по уговору, тутъ и тамъ по разнымъ дорогамъ и потомъ сходятся. Подъ Луганью собрались, однажды, такимъ образомъ, пять человѣкъ съ медвѣдями; день вечерѣлъ, было пасмурно, а тамъ пошелъ и дождь. Вожаки отправились въ ближайшую деревеньку, но несговорчивая помѣщица выгнала ихъ оттуда, ни за что не соглашаясь принять на ноч-

легъ пятерыхъ медвѣдей, хотя цыгане очень красно разсыпались передъ нею и обѣщали было ей показать самыя лучшія штуки. Медвѣди кланялись въ поясъ, взапуски съ своими вожатаями; но несмотря на эти звѣриныя вѣжливости, старуха все таки ихъ не впустила.

Пустившись по дорогѣ дальше, цыгане увидѣли въ сторонѣ, сквозь мелкій дождь, очепы двухъ колодцевъ. Обрадованные этимъ, они тотчасъ же своротили туда и, подойдя черезъ четверть часа къ окраинѣ оврага, увидѣли передъ собой небольшой садъ и бѣлую мазанку, съ немногими надворными строеніями. Они спустились, подошли къ окнамъ хаты, у которыхъ стоялъ хозяинъ, и низко кланялись взапуски съ медвѣдями, просились къ нему ночевать. Старикъ отвелъ имъ одинъ изъ надворныхъ сарайчиковъ, съ тѣмъ только уговоромъ, чтобы они не разводили тамъ огня и не курили трубокъ. Цыгане еще разъ поклонились въ поясъ и расположились ночевать.

Около полуночи одинъ изъ цыганъ проснулся отъ какого-то шуму и услышалъ, что курицы подняли страшный крикъ. Какъ человѣкъ опытный въ этомъ дѣлѣ, онъ заключилъ, что кто-нибудь забрался въ курятникъ и переполошилъ птицу; оглянувшись на собратовъ своихъ и на медвѣдей, онъ убѣдился, что тутъ всѣ на лицо; но въ то же время ему бросился въ глаза какой-то глухой крикъ и необыкновенный свѣтъ: окна хозяйскаго дома были освѣщены. Цыганъ всталъ, изъ любопытства подошелъ потихоньку къ окнамъ — и со страхомъ глядѣлъ на то, что дѣлалось въ домѣ: четыре разбойника держали раздѣтаго и связаннаго

старика-хозяина и тащили его на брошенный посреди пола горящій пукъ соломы; раскачивая его на рукахъ и поджаривая, они допытывались, гдѣ у него лежатъ остальныя деньги, не вѣря ему въ томъ, что онъ уже отдалъ имъ всѣ.

Цыганъ кинулся, сломя голову, къ товарищамъ, разбудилъ ихъ и позвалъ, съ медвѣдями, за собою. Трое изъ нихъ стали вокругъ дома подъ окнами, четвертый у задняго крыльца, а пятый, съ самымъ надежнымъ воспитанникомъ Сморгонъ, подошелъ къ переднему крыльцу. Разбойники приперли дверь. Цыганъ стукнулъ своею дубинкою въ двери — воры опѣшали, но не отпирали. Тутъ по слову: «А ну, Потапычъ, подсунь-ка вотъ сюда лапу!» — медвѣдь подсунулъ лапу свою въ щель подъ двери, высадилъ ее безъ большой натуги и съ ужаснымъ ревомъ вошелъ въ комнату, приготовляясь къ пляскѣ, а цыганъ вторилъ ему своимъ дикимъ крикомъ; прочіе ревѣли, кричали и стучали подъ окнами. Разбойники отскочили въ страхѣ — такихъ понятыхъ не ожидали; двое кинулись было къ окнамъ, но и здѣсь встрѣтила ихъ мачихина лапа и чуть не причесала по модѣ. Вошли и остальные цыгане съ медвѣдями, который въ двери, а который въ окно; самый отчаянный разбойникъ, опомнясь немного, хотѣлъ пробиться на проломъ, но «красная барышня», какъ одинъ изъ цыганъ называлъ свою медвѣдицу, не надорвавшись, осилила и поборола этого молодца. Словомъ, всѣхъ четырехъ перевязали и представили въ Бахмутъ, а старика спасли, хотя онъ не скоро вылежался послѣ значительныхъ обжоговъ.

Работникъ и одна баба, бывшіе на хуторѣ, были найдены также связанными, а другая женщина успѣла скрыться впотьмахъ, и она-то, забравшись со страху въ сосѣдній съ сараемъ курятникъ, надѣлала первую тревогу.

Тутъ собесѣдники стали припоминать множество разсказовъ о медвѣдѣ: какъ медвѣдь, укравъ куль муки, снесъ ее на рѣчку и думалъ тамъ заварить саламату да расхлебать ее лапой, и какъ сердился онъ, что вода болтушку уноситъ; какъ у соннаго сергачевца медвѣдь въ лѣсъ ушелъ, отыскалъ тамъ двоихъ товарищей и поставилъ было вожака съ козой втупикъ, пока этотъ, наконецъ, со страху не догадался ударить въ барабанъ, заиграть въ дудку да пустить впередъ мальчишку, по обычаю одѣтаго козой, выступить на поляну: какъ только медвѣдь заслышалъ эту пѣсню да увидѣлъ всѣ снаряды и приборы, — то, заревѣвъ, поднялся на дыбы и пошелъ поворачиваться, какъ его въ старые годы учивали.... Дикіе медвѣди ушли, а этотъ дался въ руки. Наконецъ разсказывали также — не то быль, не то сказку, — о томъ, какъ медвѣдь съ крестомъ въ деревню пріѣхалъ. Мужикъ поѣхалъ зимою въ лѣсъ, по дрова: медвѣдь, котораго, видно, кто-то поднялъ съ берлоги и который поэтому бродилъ, сердитый и голодный по лѣсу, подошелъ сзади къ дровнямъ, — между тѣмъ какъ мужикъ рубилъ въ сторонѣ хворостъ, — и кинулся прыжкомъ на лошадь; та дернула впередъ, понесла, и тамъ Мишка не попалъ на лошадь, а попалъ на дровни. Испуганная лошадь мчала его, сломя голову, а онъ, оглядываясь по сторонамъ, струсилъ, не рѣшаясь соскочить, и

потому ревѣлъ и безуспѣшно хватался лапами за кусты. Лошадь промчала его черезъ старое кладбище, и Мишукъ со страху хотѣлъ было ухватиться за наклонившійся крестъ, но крестъ остался у него въ лапахъ, и Мишка, въ недоумѣніи, оборачивая его во всѣ стороны, пріѣхалъ съ нимъ прямо къ крестьянину на дворъ. Къ этому прибавляютъ, будто нашъ Мишка этимъ нечаяннымъ происшествіемъ такъ былъ озадаченъ, что мужики успѣли его окружить и навсегда отъучить отъ продѣлокъ.

XVI.

ОХОТА НА ВОЛКОВЪ.

Въ молодости, въ полномъ здоровьѣ и силѣ, иногда весело бываетъ порыскать на просторѣ, по горамъ и угорьямъ, по низамъ и по равнинамъ, по густымъ борамъ, прислушиваясь къ токованью глухаря, и скрадывая его, когда онъ самъ себя заслушается и ничего не слышитъ и не видитъ, — то мочажинами по чистой полянѣ, гдѣ чуткая собака дѣлаетъ мертвую стойку на молчанку или бѣлокуприка, котораго у насъ принято называть нерусскимъ именемъ дупеля, — то чистокустьемъ, молодымъ березнякомъ, гдѣ слука или боровой куликъ, самый лакомый кусочекъ сластоѣжекъ, взвивается передъ тобою столбикомъ, со своимъ особеннымъ, густымъ свистомъ и булькаиьемъ, — то, закинувъ гончихъ въ островъ, стоять, притаясь на лазу, слѣдить ухомъ за отчаяннымъ, заливнымъ лаемъ ихъ, болѣе похожимъ на голосистый, пѣвучій вой; го-го-го-го! вторитъ имъ усердный псарь—голосъ его обращается сюда, въ эту

сторону — лай и завыванье слышатся сквозь трущобу ближе и ближе — ясно узнаешь каждую гончую по голосу: вотъ *дошлая*, заливается плачемъ, будто боится упустить добычу; вотъ *турка* вторитъ густымъ ободрительнымъ ревомъ, вотъ *ширяй* отрывисто подхватываетъ, а *мухаршая* разливается колокольчикомъ: ай, ай, ай, ай!

Грудь на просторѣ широко дышитъ, суетныя заботы покинуты на время тамъ, далеко, въ душномъ городѣ; въ этомъ муравейникѣ мелочныхъ страстишекъ, дрязговъ и суетъ человѣкъ на время отрѣшился отъ всего, что гнететъ и томитъ, онъ одинъ съ природою, глазъ на-глазъ, и будто ему ни до чего въ мірѣ нужды нѣтъ... Но и это не надолго: онъ разсыпаетъ избытокъ тѣлесныхъ силъ своихъ по полямъ и горамъ, онъ освѣжаетъ духъ свой, пригнетенный одною умственною дѣятельностью, онъ будто въ знойный, удушливый день выкупался въ безграничномъ морѣ, кинувшись беззаботно, торчмя головой, въ бездну его; и освѣжась и укрѣпясь живительною силой природы, бодро возвращается опять къ своему долгу. Работѣ время, досугу часъ.

Была сказана охота на трое сутокъ: первый день на зайцевъ, другой на тетеревей, третій на волковъ. Эти охоты, кои называются отъѣзжимъ полемъ, гдѣ кочуютъ становъ и сходятся въ урочный часъ на урочныхъ мѣстахъ, теперь становятся рѣдки, а въ былое время всю осень, съ Семена-дня (сентяб.) и до пороши, охотники проводили гурьбами въ отъѣзжемъ полѣ.

Подъ угорьемъ Урала, въ самой Башкиріи, жилъ ба-

ринъ во всемъ краѣ томъ извѣстный владѣлецъ. Дѣдъ его купилъ у башкиръ сотню тысячъ десятинъ чернозему, лѣсу, горъ, рѣкъ и озеръ, со всѣми угодьями, среди непочатой дикой природы, переселился туда съ цѣлымъ полкомъ крестьянъ, породнился черезъ женитьбу съ татарами, взялъ въ приданое большое татарское село, и все поколѣнье этого рода славилось въ краѣ богатствомъ, хлѣбосольствомъ и гостепріимствомъ. Этимъ-то бариномъ сказана была охота, какъ всегда водилось, на полномъ угощеніи радушнаго хозяина. Это дѣлалось очень просто: онъ давалъ знать немногимъ окружнымъ помѣщикамъ и въ Оренбургъ, что въ Ташлахъ охота, сборъ съ вечера, такого-то числа; и кто могъ отлучиться отъ дѣлъ или службы, являлся на мѣсто, проскакавъ слишкомъ 200 верстъ на башкирскихъ лошадкахъ съ лычною упряжью. Случалось, что и первый приступъ этотъ стоилъ иному коли не головы, то руки или ноги: верховыхъ, одичалыхъ коней, не бывавшихъ въ упряжкѣ, хватали съ паствы; цѣлая деревня сбѣгалась для закладки ихъ, башкиръ, отроду не правившій возжами, не только тройкою, вскакивалъ на облучекъ, между тѣмъ какъ толпа окружала и держала лошадей, стараясь угомонить ихъ то лаской, то угрозой, путникъ садился въ кузовъ, и за словомъ: пошелъ! вся толпа разомъ, съ крикомъ и гикомъ отскакивала въ сторону; изумленная тройка съ мѣста подхватывала во весь духъ и мчалась, не разбирая ни пня, ни колоды, до мѣста; тутъ опять выбѣгала на встрѣчу такая жь безалаберная, шумная толпа запрягальщиковъ, которая съ трудомъ останавливала разлетѣв-

шуюся тройку, между тѣмъ какъ другіе кидались опрометью въ поле, хватать укрюкомъ первыхъ попавшихся имъ лошадей.

Съѣздъ былъ изрядный; веселый хозяинъ ходилъ по всѣмъ комнатамъ, гдѣ расположились гости, шутилъ, смѣялся, иногда и подсмѣивался, а вокругъ всѣ были заняты пересмотромъ ружей, насыпкой пороховницъ и дробницъ; а болѣе также веселой болтовней; тутъ былъ и памятный доселѣ въ томъ краю, всѣми любимый записной охотникъ, не унывавшій никогда, нигдѣ и ни при какой невзгодѣ, и умѣвшій смѣшить всѣхъ самыми пустыми и пошлыми остротами: онъ стрѣлялъ слуку по сарафану, утку по салопу; онъ зайцу задавалъ прыску вдогонку, а убивъ его, никогда не забывалъ отдать ему послѣднюю честь, приложивъ руку къ козырку, — словомъ, какъ я сказалъ, пошлыя ничтожности выходили у него до того забавны, что даже Пушкинъ, познакомясь съ нимъ въ Оренбургѣ и попарившись у него въ банѣ съ росписаннымъ охотою передбанникомъ, прислалъ ему послѣ своего Пугачева, но забывъ прозванье его, написалъ: «Тому офицеру, который сравнивалъ вальдшнепа съ Валленштейномъ». Былъ тутъ и необходимый при всякомъ подобномъ случаѣ охотникъ, на котораго будто судьба наложила обязанность невольно забавлять собою общество, не смѣшить его, какъ тотъ дѣлалъ, дешевыми остротами, а странностями и чудачествомъ своимъ, опрометчивостью и неудачами.

Вскорѣ послѣ шумнаго ужина всѣ улеглись—завтра вставать до зари—лишь нѣсколько отчаянныхъ кузнецовъ про-

ковали всю ночь въ четыре кулака по зеленой наковальнѣ, или, какъ выражался острякъ, занимались руководствомъ шайки пятидесяти двухъ разбойниковъ, т. е. играли въ карты. Всѣ мы до зари вскочили бодрые, веселые, полные надеждъ на великіе охотничьи подвиги, а эти несчастные ковали, не смыкая глазъ во всю ночь, бродили блѣдные, растрепанные. Послѣ перехватки на скорую руку, всѣ усѣлись на тарантасы, по-просту на дроги, гдѣ помѣщается человѣкъ до двѣнадцати, и радостно понеслись въ поле. Тутъ всѣхъ развезли по шалашамъ, подали знакъ рогомъ, и конные загонщики тронулись въ ходъ со всей округи.

Дѣло это устраивается такъ: тетерева съ ранней весны разсыпаются врозь по всему простору мелкаго лѣса, березовыхъ колковъ полей, гдѣ и вьютъ на землѣ, въ травѣ и подъ кустами, гнѣзда; въ это время они такъ ловко прячутся, что матки почти не удается видѣть, а развѣ только наткнешься иногда на косача, т. е. пѣтуха. Высидѣвъ цыплятъ, отъ 10 до 20, тетерка водитъ ихъ, какъ курица, и въ іюлѣ хорошо стрѣлять молодыхъ изъ-подъ собаки; выростивъ цыплятъ, тетерева начинаютъ стаиться, днемъ летаютъ на кормевку стаями на хлѣба, особенно когда хлѣбъ уже въ копнахъ, а къ ночи отлетаютъ въ ближніе лѣса; на зимовку же, когда въ этихъ мѣстахъ, столь привольныхъ по осени, все покрывается снѣгомъ, и зерна съ земли не добудешь, они подаются далѣе въ глушь, въ дремучіе хвойные лѣса, гдѣ клюютъ хвою и хвойныя шишки. Вотъ во второй-то промежутокъ времени, когда они держатся въ

мелкихъ лѣсахъ большими стаями, ихъ бьютъ на чучела: ставятъ въ открытыхъ мѣстахъ на полянахъ сухое или очищенное отъ листвы дерево, на которое вообще птица охотно садится, сажаютъ на дерево это чучело тетерева или грубое подобіе его, сшитое изъ сукна и набитое сѣномъ, либо такой же, окрашенный деревянный болванъ, а шагахъ въ двадцати отъ него ставятъ соломенный шалашъ, гдѣ укрывается охотникъ; пролетая взадъ и впередъ, особенно коли ихъ въ другихъ мѣстахъ сгоняютъ, тетерева принимаютъ безобразное чучело это за своего брата, присѣдаютъ къ нему сбоку, и охотникъ стрѣляетъ свою добычу, подбирая ее послѣ за одинъ разъ подъ сухимъ деревомъ. Эта охота бываетъ удачна по зарямъ, потому-что тетерева днемъ отлетаютъ, какъ сказано, на хлѣбà, а въ лѣсахъ только ночуютъ.

Я сѣлъ себѣ въ просторный, вязанный пучечками соломеный шалашъ, прорѣзалъ охотничьимъ ножемъ окошечко вершка въ два, противъ чучела, осмотрѣлъ еще разъ исправность ружья, и прилегъ бокомъ, въ ожиданіи прилета живыхъ чучелъ.

Воробей, подумалъ я, не похожъ на умнаго человѣка, а между тѣмъ много хитрѣе этого простакà. Тетеревъ, онъ же березовикъ, полевой тетеревъ, палюкъ, паляпсъ, пальникъ, или пальникъ, будто бы оттого, что любитъ паленыя, горѣлыя мѣста — сторожемъ, человѣка на выстрѣлъ рѣдко подпуститъ, но въ обманъ дается на всѣ лады: не только попадаетъ онъ въ снопахъ въ пленки, силки, не умѣя отпутать петли отъ ноги, не только кроютъ его всей стаей

шатромъ, большою сѣтью, онъ валится даже въ корзины и верши: ставятъ въ полѣ ивяную плетушку, съ крышкой на чебурахѣ или на перечалѣ, т. е. которая перевертывается, опрокидывается; вершу эту обставляютъ снопами, цѣлая стая падаетъ на поддѣльную копну, а кто попалъ на крышку, тотчасъ проваливается; крышка опять устанавливается, и ближайшій сосѣдъ погибшаго, не чая худа, пользуется просторомъ и садится на его мѣсто — гдѣ его постигаетъ та же злая участь! Да чего, дѣло строится еще проще: ставятъ плетенку, долгую, узкую кверху, съ отверстіемъ по гребню во всю длину, не шире четверти; вдоль этого отверстія протягиваютъ бичевку, обвитую соломой, и всю плетенку обставляютъ снопами: тетерева смѣло и не задумавшись съ разлету садятся на продольный жгутъ, который, перевертываясь у нихъ подъ ногами, роняетъ ихъ въ плетенку, а слѣдующіе собраты погибшаго спѣшатъ занять его мѣсто! Такимъ образомъ случалось, что вся корзина набивалась до верху птицей, и остальнымъ глупышамъ уже не опасно было сидѣть, потому что некуда было проваливаться. Но еще забавнѣе, это стрѣльба на чучела: безобразный суконный болванъ, въ которомъ едва узнать можно подобіе птицы, съ красными суконными бровями и бѣлой заплаткой на боку — это для нихъ приманка, тогда какъ для всякой другой птицы это могло бы служить только пугаломъ...

Сильный внезапный шорохъ, будто градовая туча разразилась надъ моимъ соломеннымъ шалашемъ, заставилъ меня вскочить на колѣни — я припалъ глазомъ къ оконцу: цѣ-

лая стая тетеревей покрыла собою обольстительное чучело, сухая береза словно ожила, ни сучечка свободнаго, косачи и пеструхи (курицы) обсѣли всю — а надъ головою моею что-то переступало по соломѣ, очевидно, что и тамъ усѣлась часть вереницы. Я легонько высунулъ дуло ружья въ оконце — и три тетерева на зарядъ пали, глухо грянувшись оземь.

Такъ шло дѣло еще часика два, и я слышалъ частую перестрѣлку во всѣхъ окружныхъ шалашахъ, разставленныхъ на полверсты ближе одинъ отъ другаго. Пора лёту прошла, и по часамъ было время идти на сборное мѣсто; я подобралъ 28 тетеревей, лежавшихъ грудой подъ сухой березой, и они мнѣ порядочно оттянули плечи.

На стану уже издали слышался крикъ и шумъ, и хохотъ, между тѣмъ тутъ же раздавались выстрѣлы, и послѣ каждаго, заливной хохотъ веселой братіи усиливался; оказалось, что проказникъ и невольный потѣшатель нашъ выпустилъ уже восемь зарядовъ по сидящему на высокой соснѣ косачу и спѣшилъ снова заряжать ружье; между тѣмъ тетеревъ сидѣлъ себѣ преспокойно, не удостоивая смертельнаго непріятеля своего никакого вниманія. Это было нарочно для такой потѣхи посаженное чучело, а молодой, горячій стрѣлокъ до того распалился, что ничего не видѣлъ и не слышалъ; общій же хохотъ принималъ онъ лишь за насмѣшку надъ тѣмъ, что онъ не попадаетъ въ птицу!

Когда всѣ сошлись, то начался смотръ: на двухъ жердяхъ, въ головѣ разставленнаго на землѣ обѣда, красовались, ожидающія приговора, награды: дубовый вѣнокъ и

шапка съ ослиными ушами, искусно сдѣланная изъ лапушника, чертополоха и тому подобныхъ миловидныхъ растеній; первый назначался *царю поля*, тому, кто всѣхъ обстрѣляетъ, вторая—послѣднему по искусству или по счастью. Безспорно первымъ оказался нашъ балагуръ, хорошій, ловкій стрѣлокъ, который опытнымъ глазомъ выбралъ себѣ лучшее мѣсто, шалашъ на перелетѣ; послѣднимъ же — на бѣднаго Макара шишки валятся — *Кипяченый*, какъ его прозвали, который, какъ мы сейчасъ видѣли, не смогъ убить неживой тетерки! Съ нимъ, сверхъ того, случилось еще другое дивное приключеніе: при счетѣ дичи у каждаго, общимъ обходомъ, по кучкамъ, въ числѣ пятка тетеревей, у *горячаго* оказалась лысуха; откуда она взялась — этого никто не зналъ или не говорилъ, но она была тутъ, на лицо, въ одной связкѣ съ тетеревами — лысуха, дрянная болотная птица, которой никто не стрѣляетъ, и сверхъ того, убитая замѣстъ косача, на деревѣ!

Въ такомъ братствѣ смѣхъ дешевъ, и повальному хохоту не было конца. За плохую удачу, да еще за подлогъ, *горячему*, по общему приговору, поднесена была почетная шапка съ ушами.

Эта шутка вскипятила *горяченькаго* такъ, что сердце чуть было не перекипѣло; вотъ и правду говорятъ наши пословицы: всякую шутку къ себѣ примѣняй, и: шути, покуда краска въ лицо не выступила! Но любимецъ нашъ, балагуръ, мигомъ все дѣло поправилъ, успокоивъ одного и потѣшивъ всѣхъ: «ну, что ты белендрясничаешь, сказалъ онъ, эка невидаль! Ну, давай мѣняться, бери мою шапку,

давай свой колпакъ!» — «Давай, отвѣчалъ тотъ сгоряча, забывъ, что онъ отъ своего лопушника отрекся; только съ тѣмъ, чтобы ты его надѣлъ!» — «А ты бы какъ думалъ, возразилъ этотъ, вѣдь не во-щи жь его крошить, разумѣется надѣну — ну да ужь и ты же надѣвай свой!» Теперь уже тому никакъ неловко было снова отказываться, и оба, ко всеобщей потѣхѣ, обмѣнявшись наградными знаками, наложили ихъ на головы.

— Господа, сказалъ—хозяинъ:—чинъ празднества нашего немного измѣнился, надѣюсь, не въ убытокъ намъ, вѣдь день-то великъ, до вечера долго, что жь мы будемъ на боку лежать? Ѣдемъ сейчасъ на зайцевъ, все готово, а къ сроку опять всѣ будемъ по шалашамъ!

На русака ордою ходить неудобно, развѣ растянувшись порядкомъ, ровняться, идучи наудачу; русакъ лежитъ розно и притомъ на степи или въ полѣ, всегда на чистомъ мѣстѣ; но на бѣляка, который почти одинъ только и есть въ тѣхъ мѣстахъ, хорошо ходить и многимъ вмѣстѣ: съ одной стороны вкругъ лѣснаго кàлка или острова становятся стрѣлки за кусты или деревья и по опушкѣ, а съ противной стороны заходитъ облава, цѣпь загонщиковъ, и проходитъ съ гикомъ лѣсомъ насквозь, или въ островъ закидываютъ гончихъ, а стрѣлки провожаютъ ихъ по обѣ стороны, опушкой, а борзыхъ, коли онѣ есть, держатъ на сворахъ въ отдаленіи, подхватывая то, что уходитъ изъ-подъ ружей.

Только что гончихъ спустили со смычковъ и псарь запорскалъ, какъ выстрѣлы посыпались горохомъ. Заяцъ

лисьихъ уловокъ не знаетъ: отлеживается до-нельзя, а вскочилъ, такъ побѣжалъ зря, на кого наткнулся. У русака есть еще кой-какія смѣлыя, отчаянныя хитрости, а бѣлякъ простъ. Русакъ иногда поводитъ сперва собакъ накороткѣ, какъ бы испытывая бойкость ихъ, такъ что не знаешь, кто кому даетъ угонки, собаки ли зайцу, заяцъ ли собакамъ; поумявъ же ихъ порядкомъ, какъ поддастъ прыти, да какъ пойдетъ стрѣлой напрямикъ, такъ только его и видѣли! Другой же дастъ собакамъ натечь во весь духъ, подпуститъ ихъ вплоть, вотъ только ухватить щипцомъ, да мигомъ припадетъ: всѣ собаки черезъ него перенесутся, а ужь онъ гдѣ — прямехонько назадъ себѣ удираетъ; собаки размечутся врозь, еще скоро ли возрятся опять! А еще лучше штука у него есть вотъ какая: разгонитъ онъ собакъ во весь духъ, а потомъ маленько отдастъ, тѣ приблизятся вплоть, вотъ ужь облизываются — а онъ прыжка кверху, аршина на четыре — собаки-тѣ всѣ подъ нимъ прометнутся, а онъ какъ палъ на землю, такъ во всѣ лопатки назадъ!

Да, русакъ въ отчаянномъ случаѣ и смѣлъ, и находчивъ. Разскажу вамъ про инвалида, искалѣченнаго на войнѣ съ зайцемъ, одинъ на одинъ, такъ что дѣло это почти можно назвать поединкомъ или единоборствомъ!

Охотникъ, котораго несчастнѣе не знавалъ я во всю жизнь, потому-что онъ въ минуту спуска курка всегда вздрагивалъ и опускалъ дуло, и никогда ничего не убивалъ, —охотникъ этотъ однакоже былъ неутомимъ на ходьбу, необычайно зорокъ, такъ что усматривалъ почти каждаго

зайца на логвѣ — что очень трудно — и потому, не смотря на зарокъ послѣ каждой попытки, все-таки опять ходилъ на охоту. Прошлявшись однажды зимою цѣлый день, стрѣлявши по двадцати зайцамъ и не убивъ ни одного, онъ шелъ, въ отчаянномъ расположеніи, домой. Подходя къ городу, гдѣ были огороженные плетнями капустники, онъ однако же не могъ утерпѣть, чтобы не подойти къ нимъ и не поглядѣть черезъ плетень; по первому взгляду острый глазъ его наткнулся на русака, спокойно лежавшаго въ бороздѣ.... «Постой, подумалъ онъ, этотъ отъ меня не уйдетъ», и обойдя напередъ весь огородъ кругомъ, онъ отыскалъ худое мѣсто, гдѣ заяцъ, какъ и по слѣдамъ видно было, пролѣзъ, задѣлалъ мѣсто это и забилъ снѣгомъ, а потомъ, не трогая заваленной сугробомъ калиточки, перелѣзъ черезъ плетень, оправилъ ружье, прицѣлился разъ, другой въ кочку — кажется, я очень вѣрно прикладываюсь и выдерживаю — авось попаду! Онъ подошелъ близехонько, выпалилъ, заяцъ вскочилъ, и пошелъ въ огородѣ на кругахъ.... Отчаянный стрѣлокъ ударилъ ружье обземь, но оно въ мягкомъ снѣгу уцѣлѣло. Зарядивъ его снова, онъ подбирался къ зайцу, которому некуда было выскочить, со всѣхъ сторонъ и на всѣ лады,—все хотѣлось поближе — и стрѣлялъ еще раза два — нѣтъ, не беретъ! Увидавъ въ это время прохожаго мальчишку, онъ подозвалъ его и устроилъ такую стратегію: присѣвъ въ уголъ огорода на корточки, онъ велѣлъ мальчику гонять зайца, надѣясь, что этотъ набѣжитъ на него близко, а онъ наконецъ-таки его убьетъ. Отчаянный русакъ, не зная куда

отъ этой напасти дѣваться, разлетѣлся со всего духу на кочку въ углу, которая могла послужить ему приступкомъ— не заботясь о томъ, что кочка эта живой человѣкъ, охотникъ съ ружьемъ — и въ одно мгновенье раздался выстрѣлъ, а русакъ, перескочивъ, съ помощію кочки, черезъ плетень, несся уже далеко.... но онъ неосторожно ступилъ на подмостки; несчастный охотникъ стоялъ и упирался въ два кулака, снѣгъ вкругъ него обливался кровью; упоръ позанокъ пришелся прямо въ лицо бѣдняку, и заяцъ разодралъ охотнику губу на вершокъ....

Но пора воротиться и къ нашимъ стрѣлкамъ. Пальба шла кругомъ, зайцы валились, и вдругъ къ одному убитому подбѣжали два охотника, и каждый потянулъ было зайца къ себѣ; одинъ изъ нихъ горячился и кричалъ, утверждая, что онъ его убилъ — и разумѣется, что это опять былъ роковой *горячій*. Третій охотникъ подошелъ, взглянулъ на мѣсто, гдѣ кто изъ нихъ стоялъ и какъ бѣжалъ заяцъ, осмотрѣлъ его, чтобы видѣть, съ которой стороны ударила дробь, мигнулъ товарищу и приговорилъ зайца *горячему*. Мигомъ разошлась по всей цѣпи стрѣлковъ вѣсть, что горячій отжилилъ чужаго зайца, и что за это надо его *обвѣшать*. Обвѣшать охотника называется то, что теперь послѣдовало: кто бы ни убилъ зайца, всякій спѣшилъ отнести или отослать его къ *горячему*, съ увѣреніемъ, что это его заяцъ, тотъ самый, по которому онъ недавно стрѣлялъ, и что заяцъ, недалеко отбѣжавъ, упалъ.... Нѣсколько изумленный, но обрадованный удачею и никакого умысла не подозрѣвающій, *горячій* сталъ молча

вторачивать зайцевъ своихъ въ торока, и не успѣлъ оглянуться, какъ ему подвалили ихъ едва ли не болѣе, чѣмъ могла поднять лошадь! Тутъ только разгадалъ онъ загадку и снова бѣдняга сталъ общимъ посмѣшищемъ. Зайцевъ разобрали по рукамъ.

Вечеромъ опять сидѣли мы по своимъ шалашамъ и пальба шла бѣглымъ огнемъ. Слѣдующій день прошелъ точно также, утро и вечеръ на тетеревей, а день—на зайцевъ. Безъ разныхъ проказъ не обошлось; но для примѣра довольно будетъ и одного: когда всѣ гурьбой тронулись въ путь на зайцевъ, то посланный башкиръ потянулъ *горячаго* за локотокъ, и отведя его въ сторону, указалъ на зайца въ логвѣ. Тотъ съ пылу за ружье и положилъ его на мѣстѣ. Всѣ на выстрѣлъ прискакали, дивясь счастью охотника. Между тѣмъ башкиръ скрылся, а одинъ изъ охотниковъ спросилъ: «что это у зайца въ зубахъ, посмотрите!» Самъ хозяинъ, *горячій*, вторачивая зайца, выдернулъ у него изо-рта бумажку.... «Письмо, письмо, закричали всѣ, къ *горячему* заячья почта ходитъ! Читайте, читайте вслухъ....» Тотъ, развернувъ записку, стоялъ какъ растерянный, а другіе за него прочитали: «Меня убилъ Иванъ Павловичъ Горячій» — мѣсяцъ и число....

Пришелъ и третій день, чередъ волчьей охоты. Тутъ пошли иныя приготовленія: ружья, въ кои уже едва проходилъ шомполъ отъ нагару, перемывались; доставали дробь-безымянку, самую крупную, да жеребейки; все это дѣлалось уже утромъ, потому что торопиться было нечего; на волковъ рано выходить нельзя, а ужъ такъ, какъ сол-

нышко обогрѣетъ. Волкъ ночью на промыслу, рыщетъ по близости жилья, а какъ день настанетъ, такъ онъ пробирается въ лѣсъ, и притомъ обычно ночуетъ въ одномъ логвѣ, покуда его кто тамъ не обезпокоитъ. Пользуясь этимъ, волковъ напередъ развѣдываютъ, высматриваютъ по зарямъ, а по ночамъ или съ вечера *подвываютъ*. Для этого опытный и умѣющій охотникъ идетъ еще засвѣтло въ тѣ мѣста, гдѣ подсмотрѣны волки и предполагается логво ихъ; это особенно удобно позднею осенью, когда прибылые уже подросли, но еще не покинули гнѣзда, а шатаются и ночуютъ еще при старыхъ. Выбравъ безопасное мѣсто, напримѣръ, на деревѣ, а всего лучше на скирдѣ сѣна, съ того боку лѣса, гдѣ у волковъ лазы, то есть тропинки, подвывальщикъ ложится тамъ, и выждавъ сумерки, по временамъ начинаетъ выть по-волчьи. Коли волки тутъ, то они непремѣнно отзовутся, и даже подбѣгутъ ближе, чтобы завести новое знакомство; они слышатъ, что долженъ быть пришлый собратъ, голосъ чужой, его тутъ не было слышно. Разохотивъ ихъ нѣсколькими пріемами, подвывальщикъ достигаетъ того, что всѣ, сколько ихъ есть по близости, поочередно подадутъ голосъ, и такимъ образомъ вѣрно знаетъ, сколько волковъ здѣсь ночуетъ. Для вѣрности, онъ повѣряетъ ихъ не одинъ разъ, по зарямъ, какъ повѣряютъ солдатъ на перекличкѣ, и вѣрно знаетъ имъ счетъ.

Но волкъ догадливъ, остороженъ, и притомъ труслнвъ: малѣйшій шумъ или тревога подымаетъ его съ мѣста, и онъ уходитъ, прежде чѣмъ его увидишь. Его надо обмануть

и исполошить, иначе онъ не дастся. Онъ наглъ и дерзокъ только тамъ, гдѣ видитъ, что осилитъ, гдѣ ихъ много, или гдѣ голодъ довелъ его до лютости. Когда сидишь ночью съ ружьемъ въ ямѣ или въ шалашѣ, или въ сельской банькѣ на концѣ селенія, подстерегая волка на падали, то видишь, съ какою онъ осторожностью подходитъ, какъ онъ издали кружитъ около, туда и сюда, останавливаясь почасту и подымая чутье высоко на вѣтеръ, какъ потомъ крадется, останавливаясь и поглядывая на жилое мѣсто, а рѣдко оглянется назадъ, гдѣ у него лѣсъ и поле; если темно и трудно разсмотрѣть, волкъ ли, или собака подошла къ проводѣ, то едва ли ошибешься по простой примѣтѣ: волкъ становится у падали всегда задомъ къ полю, головой къ селенью, хотя бы оно было и далеко отъ этого мѣста, а собака, напротивъ, подходитъ со стороны селенья и рветъ приводу глядя на лѣсъ. И тотъ и другая знаютъ, откуда ожидать врага. Волкъ очень вѣрно слышитъ, откуда идетъ звяга, лай или крикъ, тотчасъ вскакиваетъ, и недолго прислушивается, чтобы смѣтить, мимо ли его проходитъ шумъ этотъ, или подвигается къ нему: какъ только онъ убѣдится въ послѣднемъ, такъ бѣжитъ напрямикъ въ противную сторону, а подбѣгая къ опушкѣ, много разъ останавливается, послушивая, высматривая и причуивая, нѣтъ ли тутъ на выходѣ какой опасности; если же чуть что провѣдаетъ, то сворачиваетъ лѣсомъ же вбокъ, и его на опушкѣ не увидишь, а развѣ только услышишь по шороху.

Опытные подвывальщики обѣщали намъ удачную охоту, если только какая-нибудь случайность не испортитъ дѣла;

но для этой случайности довольно упустить до времени одну собаку, или, подходя къ лѣсу, лишку пошумѣть, проскакать съ шопотомъ, громко перекликнуться и прочее. Подвывали передали только ближайшимъ довѣреннымъ своимъ, что ими насчитано въ двухъ мѣстахъ, по голосамъ, 23 волка!

Когда уже солнце стояло вполдерева, то мы, хорошо позавтракавъ, поднялись; чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ мѣсту, всѣ верхами, чтобы не было стуку отъ колесъ, тѣмъ тише бесѣдовали. Псари съ гончими своротили вбокъ, чтобы объѣхать лѣсъ поодаль, стрѣлки подались въ противную сторону, а ловчіе, съ борзыми на сворахъ, разсыпались порознь въ обѣ стороны, чтобы издали обнять лѣсъ, ставъ на видномъ мѣстѣ, однако, за кустомъ или за холмомъ, откуда бы можно было перенять выбѣжавшаго изъ лѣсу звѣря. Мы вскорѣ передали лошадей своихъ стремяннымъ, а сами пошли пѣши къ лѣсу, гдѣ стали на опушкѣ, по удобству, за пнемъ или за кустомъ, на полтора выстрѣла другъ отъ друга. Долѣе часу длилось томительное ожиданье, для каждаго въ одиночествѣ; цѣлый таборъ, поднявшійся съ мѣста, будто утонулъ въ лѣсу — и вокругъ не слышно было ни звука.

Солнце начинало припекать. Я вышелъ осторожно нѣсколько шаговъ назадъ, къ полю, чтобы оглянуться, замѣтить для осторожности, гдѣ стоятъ оба сосѣда мои; я стоялъ задомъ къ дремучему лѣсу, передо мною разстилалась большая поляна съ рѣденькими кустами кой-гдѣ по холму, изъ за котораго виднѣлась только голова всадника, ловчаго съ борзыми, а далѣе — лѣсные островки съ пере-

лѣсками. Вдругъ издали, казалось весьма далеко, раздался мягкій, голосистый рогъ нашего хозяина — сердце дрогнуло, я кинулся на свое мѣсто, подъ невысокую, развѣсистую ель, которая бы хвоей своею меня сверху прикрывала и затѣняла.

Этотъ тихій, одинокій голосъ рожка, который замеръ на просторѣ, пробудилъ съ противнаго края лѣса звонкіе отголоски: зычные, высокіе голоса псарей проснулись, го-го-го! раздалось вдалекѣ, какъ крикъ лебедей подъ облаками, и вслѣдъ за тѣмъ звяла выжлоковъ, стаи гончихъ... ближе и ближе—вотъ напали на слѣдъ и гонятъ по красному звѣрю! О, это не гавканье по зайцу—это отчаянный вой, это лютый, неистовый лай, это и плачъ и хохотъ вмѣстѣ—пошли по зрячему, и неумолчный, заливной, изступленный крикъ псарей слился въ одно съ отчаяннымъ лаемъ и воемъ гончихъ...

Влѣво, на заворотѣ лѣска раздался выстрѣлъ, и другой, и третій, и наконецъ до десятка—шумъ и крикъ сдѣлался общимъ, весь лѣсъ ожилъ, цѣлая стая волковъ тремя кучками прорвалась между стрѣлками, четыре волка пали на мѣстѣ; остальные, частью раненые, понеслись въ разныя стороны; одному хозяинъ нашъ заскакалъ было дорогу, и тотъ бросился на него, вскочивъ лапами на грудь; этотъ ударилъ его кнутовишемъ арапника по рылу, лошадь взвилась на дыбы и подмяла волка копытами, собака натекла и ловчій прикололь звѣря; гончія съ псарями прошли насквозь и понеслись за разбитой стаей; въ полѣ ловчіе принимали встрѣчу этихъ смиренныхъ головорѣзовъ,

спуская на каждаго по доброй сворѣ, и по двѣ, — все понеслось впередъ, и мы, ружейники, кинулись на коней и поскакали въ разныя стороны, кому гдѣ видна была битва. Шумъ, крикъ, лай, пальба, — все это будто потокомъ вылилось изъ лѣсу и разлилось по всему околодку.

И собаки, и охотники, и вся охота разбилась врозь, потому что 23 волка, какъ сосчитано было подвывалами, вдругъ прорвались въ трехъ мѣстахъ и, разсыпавшись неслись во всѣ лопатки отъ лѣса къ лѣсу. Я напалъ на одинокую свору борзыхъ, безъ ловчаго, уцѣпившихся по обѣ стороны за уши волку: онѣ, сильно запыхавшись и храпя отъ злости, какъ клещи впились въ сѣраго вора и только изрѣдка перехватывали быстро, не давая ему повернуться и закусывая дальше и глубже, а сѣрый, хорошо понимая, что тутъ, гдѣ кругомъ идетъ крикъ, лай, улюлюканье и хлопанье арапниками, не мѣсто храбриться, сѣрый тащилъ на себѣ шагомъ упирающихся во всѣ четыре ноги собакъ, добираясь до близкаго лѣсу. Я соскочилъ съ лошади, ухватившись за ружье, — но стрѣлять было нельзя, собаки по обѣ стороны лежали вплоть бокъ-о-бокъ съ волкомъ; я выхватилъ кинжалъ и поймалъ было волка за полѣно (хвостъ), но лошадь, коей поводъ у меня закинутъ былъ на правой рукѣ, фыркнула, рванула и отдернула меня отъ волка; я метался въ отчаяніи, но не могъ сладить: волкъ, покачивая головой, будто въ хомутѣ, тащилъ за собою собакъ и близился къ лѣсу: тамъ бы онъ тотчасъ заговорилъ не тѣмъ языкомъ и легко бы могъ вырваться, стряхнувъ съ себя собакъ, и поранивъ ихъ, уйти.

Къ счастью, одинъ изъ ловчихъ, съ привычнымъ конемъ, прискакалъ на помощь, кинулся кубаремъ съ сѣдла, бросивъ мнѣ поводъ, и дернувъ волка сильно за полѣно, запустилъ въ него весь кинжалъ. Не теряя ни минуты, я поскакалъ дальше и поспѣлъ еще на одну травлю, вѣрнѣе сказать гонку: изъ числа прорвавшихся разомъ волковъ, нѣкоторые успѣли проскочить въ поле безъ погони за ними, потому что собаки и ловчіе увязались уже за другими волками,—такого-то тяглеца подмѣтили трое башкиръ и принялись, безъ собакъ, давать ему угонки; я подоспѣлъ еще во́-время: и волкъ, и лошади башкиръ уже сильно устали; я догналъ его на свѣжей лошади своей и, отрѣзавъ отъ лѣсу, поворотилъ опять на башкиръ; я даже ударилъ его нагайкой по головѣ, и онъ только съ робкою дерзостью оскалилъ на меня зубы, думая очевидно только о томъ, какъ бы уйти. Но одинъ изъ башкировъ удачнѣе моего отвѣсилъ ему по рылу остолбуху, а другой, наскакавъ сбоку, мигомъ накинулъ на него арканъ и поволокъ за собою: волкъ обезпамятѣлъ, и всѣ трое, не давъ ему опомниться, бросились на него съ лошадей, скрутили его и сострунили, то есть перевязали ему рыло вокругъ бичевкой; сдѣлавъ это, они распутали его, дали ему отдохнуть, и повели, какъ козу, на веревочкѣ; некуда было бѣдняку дѣваться: пасти не разинуть, хватить нечѣмъ, и осталось одно: прикинуться смиренникомъ и, поджавъ полѣно, идти куда тащатъ.

Мнѣ случилось и прежде этого быть участникомъ такой же гонки, на другомъ концѣ Руси: на южномъ Бугѣ.

Подъѣхавъ верхомъ къ перевозу, по нашему — къ переправѣ, гдѣ для порядку стоялъ казачій караулъ, я вдругъ оглянулся на крикъ выѣзжавшаго изъ маленькаго березоваго лѣсочка мужика: онъ наткнулся тамъ на волка, который пробирался теперь, избѣгая лишней тревоги, по берегу. Мигомъ двое донцовъ вскочили на коней и понеслись за нимъ, а я за ними! «Нажрался, нажрался, кричалъ одинъ казакъ, далече не пойдетъ!» Мы разъѣхались пошире врозь, когда выгнали сѣраго на чистое мѣсто, и первый казакъ, давъ волку порядочную угонку, съ версту, сталъ забирать лѣвѣе и заворотилъ его исподоволь вправо, на втораго казака, который такимъ же образомъ нагналъ его на меня, и точно, что нажрался! бока бочкой и насилу бѣжитъ, и то свинкой, рыломъ въ землю! Я его гналъ просто насѣдая на него, и потомъ сбилъ влѣво, на средняго казака, который и уходилъ его: взбѣжавъ тою же ровною лестью на взлобокъ, волкъ вдругъ присѣлъ по-собачьи, разставивъ переднія ноги вилами и вываливъ языкъ на полъ-аршина! Это означало безусловную сдачу, силы отказались! Казаки такъ спѣшно бросились съ мѣста въ погоню, что не взяли съ собой никакого оружія; но, не долго думая, они отстегнули по путлищу со стременемъ, подбѣжали сзади къ сѣрому, ухватили его за полѣно, и пошли молотить стременами по головѣ.

Но воротимся къ своей охотѣ. Исподволь всѣ стали собираться на поляну передъ волчьимъ притономъ, и волки свозились со всѣхъ сторонъ и подвѣшивались за заднія ноги къ сучьямъ деревъ или къ кольямъ; вкругъ разстав-

леннаго на дерну обѣда. Оказалось всей добычи восемнадцать разбойниковъ, только пятеро ушли въ разныя стороны; одного, съ оструненнымъ рыломъ, посадил на привязи на почетное мѣсто, позади нашего хлѣбосольнаго хозяина. Обѣдъ вручную былъ шумный и развеселый, дивнымъ розсказнямъ не было конца; похвалы собакамъ сыпались со всѣхъ сторонъ, особенно *болвану*, который взялъ волка въ одиночку и грызся съ нимъ до помощи, зѣвъ въ зѣвъ; а потомъ раненому *гаркушѣ*, о храбрости котораго свидѣтельствовали всѣ очевидцы. Въ это время подошли двое башкиръ, съ какими-то ношами, кои оказались — чѣмъ вы думали? двумя живыми, спутанными грифами; грифъ, сипъ, орелъ или коршунъ-голошейка, который водится у насъ на Уралѣ, огромная хищная птица, близкій сродникъ альпійскому ягнятнику и американскому кондору; судьба его такая жь, какъ и волка: нажравшись, онъ до того тяжелѣетъ, что съ трудомъ подымается съ земли, и то невысоко, такъ, что его можно загнать на лошади; не попавъ на волка, а наткнувшись на сытыхъ грифовъ, эти башкиры позабавились гоньбой за ними и принесли ихъ связанныхъ живьемъ. Я самъ смѣрялъ одного: онъ былъ 4½ аршина въ полетѣ. Такой грифъ, убитый тогдашнимъ начальникомъ края, графомъ Перовскимъ, стоитъ понынѣ въ казанскомъ университетѣ.

Во время самой жаркой бесѣды за обѣдомъ, одинъ изъ охотниковъ — впослѣдствіи командовавшій Башкирскимъ войскомъ — вдругъ быстро оглянулся, потому что его потянулъ кто-то за воротникъ: это былъ, повѣшенный за зад-

нія ноги на дерево волкъ, одна изъ жертвъ нашей побѣды; онъ, какъ видно, ожилъ немного, соскучился висѣть на сучкѣ, досталъ передними ногами до земли, доцарапался до сидѣвшаго передъ нимъ будущаго атамана, и желая ему шепнуть что-то на ухо, потянулъ его зубами за воротникъ! Вотъ почему у охотниковъ есть правило: вторачивать лису и волка не за ноги, какъ зайца, а за шею, удавкой, не вѣря смерти ихъ.

Что же еще сказать? Всѣ поднялись и разъѣхались по своимъ мѣстамъ предовольные, потому что радостно надышались свѣжимъ воздухомъ и удачно поохотились; не всякому, конечно, удавалось быть на полѣ, гдѣ взято сразу восемнадцать волковъ!

Да, позабылъ было одно: на *горяченькаго* таки ухитрились выставить зашитую въ волчью шкуру свинью, и онъ по ней стрѣлялъ.

XVII.

ПЧЕЛИНЫЙ РОЙ.

Кто прожилъ на свѣтѣ около полувѣка и пошатался по разнымъ угламъ Руси, или служилъ тутъ и тамъ въ различныхъ вѣдомствахъ и званіяхъ, у того, если разобрать дѣло хорошенько, едва ли не во всякомъ порядочномъ городѣ найдется какой-нибудь старый товарищъ, пріятель или сослуживецъ. Проѣзжая, по случаю, тысячу-другую верстъ, довольно пріятно завернуть тутъ и тамъ на отдыхъ къ доброму человѣку, если только посѣщенія эти таковы, что они не требуютъ слишкомъ затѣйливыхъ для дорожнаго человѣка околичностей. По этой причинѣ, если я проѣзжаю городъ, гдѣ у меня два старые знакомые, одинаково близкіе или далекіе, но одинъ изъ нихъ предсѣдатель, а другой уѣздный судья, то я всегда заверну къ послѣднему. Я знаю, что мнѣ у него будетъ спокойнѣе: онъ меня не станетъ выкуривать изъ дому званымъ обѣдомъ, и даже не заставитъ доставать изъ чемодана вицъ-мундиръ и фракъ.

Такимъ-то образомъ я заѣхалъ однажды къ старому сослуживцу, котораго не видалъ много лѣтъ. Онъ не былъ даже и уѣзднымъ судьей, а жилъ на родинѣ своей маленькою пенсіей и мелкимъ хозяйствомъ, пускаясь иногда, отъ скуки, въ кой-какіе мелочные предпріятія и обороты. Послѣ разспросовъ о его житьѣ-бытьѣ, а также о бытѣ жителей этого города, мы пообѣдали, отдохнули и поѣхали по городу. Пѣшкомъ тамъ никто не ходитъ: непроходимая грязь, по веснамъ и осенямъ, заставляетъ всякаго держать дешевенькихъ лошадей на дешевомъ корму; а коли держать и кормить ихъ, такъ не стоять же имъ безъ работы и въ ведро: вотъ онѣ и возятъ воду, возятъ и воеводу.

— Вотъ это домъ нашего банкира, — сказалъ онъ, указывая направо: — откупщика, который поселился тутъ же на другое четырехлѣтіе, удержавъ за собою откупъ. Онъ вновь отдѣлалъ купленный имъ для себя и для конторы домъ и выстроилъ подвалы; онъ убилъ на это тысячъ двадцать, да, говорятъ, выручилъ все въ одинъ откупъ; поэтому онъ и не дорожитъ домомъ этимъ, и если не удержитъ опять за собой откупа, то броситъ его или отдастъ за безцѣнокъ. Постройки этого рода не красятъ города: все на живую нитку, кой-какъ, грубо, топорно, безобразно, а денегъ убито много. Вотъ эта улица вся застроена мѣщанами, которые у насъ живутъ бѣднѣе мужиковъ, и живутъ Богъ вѣсть какъ и чѣмъ: это никому невѣдомо. Такъ и домишки ихъ, какъ видите, построены неизвѣстно изъ чего: грошовые.

— А вотъ этотъ хорошенькій домикъ, — спросилъ я: — съ зеленымъ палисадничкомъ, вѣроятно помѣщичій?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ провожатый мой: у насъ помѣщики не строятъ домовъ: они не любятъ постоевъ. Да, еслибъ помѣщики стали строиться здѣсь, и проживать еще тутъ зиму — о, тогда бы городишко нашъ поправился.

— Вотъ, — продолжалъ онъ, указывая на низенькій домишко плохой и самой ветхой наружности: — вотъ, напримѣръ, домъ помѣщика, которому не пожилось, видно, на этомъ свѣтѣ! Въ этомъ домѣ жилъ коротко знакомый мнѣ человѣкъ, нѣкогда — давно уже, товарищъ мой и однокашникъ, нѣкогда очень порядочный, хоть и не мудрый, но добрый, благородный, не глупый — да женитьба погубила его, и онъ погибъ ни за грошъ! Вотъ съ недѣлю только, какъ мы его похоронили.

— Проѣзжай къ новому дому покойнаго Марка Павлыча, — продолжалъ хозяинъ мой, обратившись къ кучеру: — вотъ я вамъ покажу и такъ-называемый новый домъ этого бѣдняка, а когда пріѣдемъ домой, разскажу его похожденія. Не сумѣю я разсказать все это такъ, какъ понимаю и чувствую; и смѣшно и очень глупо — а между тѣмъ покойничку было дѣваться некуда, и жаль его было такъ, что, право, ину пору радъ бы заплакать.

— Вотъ и новый домъ его: онъ выстроенъ лѣтъ тому пятнадцать, но въ немъ никто не живетъ и не жилъ; онъ даже не совсѣмъ отдѣланъ, какъ видите, а двери и ставни заколочены на глухо. Да, судьба этого человѣка была безтолкова. Смотрите: крыша со двора уже разсыпается, внутри, вѣрно, давно повсюду течетъ — скоро и тутъ на воротахъ напишутъ годъ сломки — а еще никто въ немъ и

не жилъ! Чинить его некому: хозяинъ въ могилѣ—а домъ его разсыплется на мѣстѣ!

Когда мы пріѣхали домой и сѣли вечеромъ къ чаю, то я напомнилъ своему хозяину обѣщаніе его разсказать о житьѣ-бытьѣ покойнаго Марка Павловича. Покачавъ головой и разгладивъ рукой волосы, онъ началъ такъ:

— Да, былъ онъ человѣкъ какъ человѣкъ, а сдѣлали изъ него горемыку.... Маркъ Павлычъ былъ когда-то лихимъ уланомъ, и на этомъ, какъ у всѣхъ у нашей братьи въ ту пору, стояла вся его надежда: повыгоднѣе жениться, пользуясь молодостью, молодечествомъ своимъ и мундиромъ, чтобы въ зрѣлыя лѣта, или хоть подъ старость, имѣть свой уголокъ и пристанище — вотъ блаженныя надежды благоразумной молодёжи того времени; а отъявленные хваты заботились только о томъ, какъ бы прокутить и свое, и чужое. Маркъ Павлычъ былъ человѣкъ скромный, хоть и уланъ, и года три уже какъ бредилъ невѣстами. Семейный кровъ манилъ его подъ стреху свою, къ хозяйственному очагу, въ объятія молодой жены и милыхъ дѣтокъ. Гдѣ только, бывало, услышитъ про невѣсту, не только увидитъ ее, то ужь и готовъ хоть сейчасъ къ вѣнцу съ нею, и побаивается только того, что-де пойдетъ ли она за него, да не обманулъ бы тестюшка приданымъ, какъ было много примѣровъ передъ глазами, да не перехватилъ бы ея кто другой.... Что будешь дѣлать! такая слабость постигла человѣка, а все по добрымъ чувствамъ: по склонности къ спокойной семейной жизни.

«Вотъ и пришлось намъ постоять зиму съ полкомъ въ

этомъ городишкѣ: онъ-то, правда, Маркъ Павлычъ, стоялъ съ эскадрономъ своимъ въ Голопятовѣ, да я упросилъ полковника поставить меня сюда, потому что это, какъ вы знаете, моя родина. Вотъ Маркъ Павлычъ, бѣдный, на поискѣ невѣстъ, и заѣзжалъ бывало ко мнѣ частенько, то душу отвести послѣ неудачи, то посовѣтоваться, то что. Здѣсь же въ то время жила — да и теперь, правда, еще живетъ — Господь съ нею — вдова, шляхтянка, дворянка, помѣщица безъ помѣстья, но съ дочерью. Чѣмъ и какъ онѣ жили и живутъ — Богъ ихъ знаетъ, этого никто не разберетъ; домишко ихъ вы видѣли, тотъ самый, который разваливается и уже лѣтъ десятокъ запрещено чинить; есть какой-то садишко и огородишко, семья людей, но ни ремесла, ни промысла, — дворянка, да и полно. Говорили, что водятся у нея подъ спудомъ небольшія деньжонки, а гдѣ онѣ и сколько ихъ — никто не зналъ. Дочь, ужь именно ни съ рожи, ни съ кожи; но кого Богъ захочетъ наказать, на того нашлетъ слѣпоту. Ротмистръ мой до того плѣнился сельскимъ одиночествомъ этой вдовы и щедроватыми щеками дочки ея, что избушка ихъ показалась ему волшебнымъ замкомъ, неуклюжая Маша царевной Милонѣгой, а тысяча рублей, которыя обѣщала — будь она проклята — сваха, милліономъ. Человѣкъ одурѣлъ и сталъ свататься. Такъ судьба въ петлю и потянула.

«Надо сказать вамъ, что за взбалмошная баба эта Крюкина, мать хваленой невѣсты: вѣдь ужь, конечно, она и во снѣ не видала такого зятя, молодца, улана, стараго ротмистра; притомъ и Маша ея заневѣстилась ужь не въ

первый годъ: можно было подумать о томъ, чтобъ отдать ее, коли кто охотникъ найдется; чтожь вы думаете? Сама съ сосѣдями объ одномъ только толкуетъ, что вотъ-де, дочь подросла, пора отдавать замужъ, а гдѣ нынѣ взять хорошаго человѣка? А какъ только Маркъ Павлычъ посватался, такъ она въ слезы — о чемъ? да не знаетъ какъ быть, жаль дочери, дѣло новое, она еще замужъ не выхаживала, такъ и подумать страшно. А мой бѣднякъ пуще на дыбы; день за день посылаетъ сваху — кончай дѣло да и полно. Повѣрите ли, какія есть бабы на свѣтѣ! Вѣдь какъ завязалось это дѣло да бѣднякъ Маркъ присталъ къ Крюкиной со свахами своими, а та не даетъ ни отвѣту, ни привѣту, — такъ вѣдь, бывало, тревогу на весь городишко подымутъ: Крюкина выйдетъ на улицу, въ палисадникъ, да реветъ и причитаетъ голосомъ, что народъ отовсюду сбѣгается; дочь стоитъ въ одномъ окнѣ, закрывается занавѣской и тожь голосомъ плачетъ, сваха лежитъ въ другомъ окнѣ, причитаетъ да уговариваетъ; а женихъ-то — царство ему небесное — прохаживается по улицѣ, за угломъ, да ждетъ отвѣта!

«Ну, такъ сякъ, сладилось дѣло, обвѣнчались. Крюкина и въ церкви выла, и дома выла и причитала, такъ вотъ ровно Машу свою въ гробъ укладывала. Тысячи рублей приданаго онъ, разумѣется, и не видалъ, а взяли его въ домъ и въ опеку, заставили вставать и ложиться по командѣ, а со двора ходить, такъ спрашиваться. Вскорѣ ему до того стыдно стало товарищей своихъ, что запустилъ онъ службу и никому почти не показывался на глаза. Пришло

время полку выступать, мой бѣднякъ Маркъ обрадовался этому, какъ царству небесному — анъ не тутъ-то было: въ домѣ подняли такой содомъ, что хоть святыхъ вонъ выноси: бить не бьютъ, да и прочь нейдутъ. Я молчалъ долго, не мѣшался въ это дѣло, да, наконецъ, не подъ силу стало терпѣть: вотъ, будто чуяло вѣщее, что быть бѣдѣ — а жаль бѣдняка. «Маркъ!» сказалъ я: «послушайся стараго друга: плюнь имъ на порогъ, брось все, да иди съ полкомъ!» Онъ промолчалъ, повѣсилъ голову, а тамъ, слышу, заставили его сказаться больнымъ да подать въ отставку. Какъ услышалъ я это, такъ и подумалъ: кончено, уходили молодца; прощай, Маркъ Павлычъ!

«Мы ушли съ полкомъ, но я воротился сюда, на родину, лѣтъ черезъ десять, раненный, съ небольшою пенсіей. Первымъ дѣломъ было навѣстить стараго товарища; спрашиваю напередъ: «живъ ли?» — Живъ, говорятъ.

«Пришелъ я, остановился въ дверяхъ, да, глядя на стараго товарища, прослезился. Вошла теща, напустилась на него, зачѣмъ-де онъ въ халатѣ принимаетъ гостей, не знаетъ никакого обхожденія, стыдитъ ее при чужихъ людяхъ и прочее, да какъ пошла писать, такъ и расплакалась объ этомъ, что не уймешь. Погоревавъ, велѣла она дочери подать мужу сюртукъ и приказала застегнуть его на всѣ пуговицы, потому что Маркъ Павлычъ кашлялъ, а она его таки поберегала — видно, думала еще, что онъ впередъ пригодится. Я молчу, смотрю, что еще будетъ. Двое дѣтей тогда только смѣли подходить къ отцу, когда бабушка была имъ довольна, когда онъ велъ себя хорошо; а нѣтъ, такъ

дѣтей выгоняла, объявляя имъ съ плачемъ и рыданіемъ, что папенька ихъ мерзавецъ и чтобъ они его не знали. Жена, при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, объявляла Марку Павлычу вслухъ, что она знаетъ мать свою, а его знать не хочетъ, за что мать каждый разъ обнимала ее со слезами, прибавляя еще, что онъ занапастилъ жизнь ея. А такъ какъ бѣдный Маркъ Павлычъ въ подобныхъ случаяхъ, вздохнувъ, прибѣгалъ къ единственной утѣшительницѣ своей, трубкѣ, которую набивалъ и сосалъ молча, повѣсивъ носъ, то заведено было подымать ревъ и плачъ въ домѣ, изрыгая проклятія на эту трубку, которая дѣлаетъ Марка Павлыча нечувствительнымъ и равнодушнымъ ко всѣмъ страданіямъ его семейства; и, наконецъ, дочь, по приказанію вопящей матери, не разъ отбирала это зловредное орудіе у мужа, сдавая его матери подъ часы, и несчастный скучалъ и томился безъ трубки по цѣлымъ днямъ, до благодатной мировой съ женой и тещей, причемъ никогда не зналъ, за что ссорились съ нимъ и за что мирились. Какъ бы то ни было, но теща скоро смекнула, что бѣдный Маркъ Павлычъ безъ трубки не могъ прожить сутокъ, что онъ дѣлался подъ страхомъ этого наказанія плаксивымъ и малодушнымъ и мирился, подписывая безотговорочно всѣ условія, хоть бы его заставили наложить на себя самого руку. И этимъ-то средствомъ она и пользовалась, вмѣстѣ съ дочерью, подчинивъ себѣ несчастнаго Марка Павлыча.

«Вотъ въ какомъ положеніи нашелъ я своего бѣдовика. Вы поймете, что намъ съ нимъ не приходилось часто ви-

дѣться, особенно же я посѣщалъ его рѣдко. Жаль мнѣ было его, какъ брата, да пособить было нечѣмъ: самъ себя погубилъ. Не стану больше докучать вамъ описаніемъ постылой жизни Марка Павлыча: я доскажу вамъ только замѣчательную исторію его новаго дома.

«Маркъ получалъ небольшую пенсію, безъ которой умеръ бы съ голоду въ домѣ тещи и жены, и которая иногда, подъ конецъ трети, служила хотя небольшой острасткой для сожительницъ его: тогда онѣ, обыкновенно, дѣлались посговорчивѣе и поснисходительнѣе; а успѣвъ отобрать отъ него въ началѣ трети деньги, онѣ каждый разъ снова начинали неистовства свои, требуя еще болѣе и не довольствуясь тѣмъ, что получали. Проживъ такимъ образомъ лѣтъ десятокъ, Маркъ Павлычъ, наконецъ, отчасти, можетъ быть, и по моему совѣту, рѣшился обзавестись своей собственной хижинкой, чтобъ не быть въ этой рабской зависимости, и жить пенсіей, которая, по крайней мѣрѣ, обезпечивала ему кусокъ хлѣба. Съ этимъ намѣреніемъ онъ вытащилъ изъ-подъ спуда нѣсколько сотъ рублей, которые скопилъ, и началъ строго откладывать каждую треть частицу пенсіи, закупая при случаѣ дешевые строительные припасы и складывая ихъ на взятомъ отъ города пустырѣ. Маркъ Павлычъ, создавъ планъ свой въ головѣ и предоставивъ фасадъ судьбѣ и плотникамъ, въ годъ со днемъ срубилъ избу. Что ему доставалось за это самовольство — вы себѣ можете представить; но рѣшившись однажды, онъ бабамъ своимъ показалъ зубы, молчалъ и продолжалъ свое. Теща плакала навзрыдъ неутѣшно о томъ особенно, что домъ

строился, по разнымъ соображеніямъ ея, на несчастномъ мѣстѣ и, между прочимъ, поставленъ былъ самою срединой своею тамъ, куда нѣкогда капало съ кровли, когда еще за память старыхъ людей, тутъ стояла какая-то избенка. Отъ этого, по твердому убѣжденію Крюкиной, нельзя было ожидать добра, и зятекъ ея, какъ божилась она всѣмъ сосѣдямъ, строилъ бѣду на свою голову и на гибель всего семейства.

«Между тѣмъ, постройка все подвигалась, домишко былъ вчернѣ конченъ, накатъ и полы настланы, кровля покрыта, и новая, опрятная наружность его начинала уже смирять нѣсколько Крюкину; она даже не разъ начинала поговаривать зятю, разумѣется, съ нѣжностью, со слезами: «Ну, что жь, Маркъ Павлычъ, власть Господня, домъ, такъ домъ — да вѣдь мы всѣ подъ Богомъ ходимъ: ты завтра помрешь — моей-то бѣдной головушкѣ что дѣлать тогда придется? Машенькѣ-то моей что достанется? а? хоть бы ты записалъ домъ-этъ на ея имячко — ась? Вѣдь она жена твоя, да, ребро твое.... охъ-охо! погубилъ ты у меня Машурку-ту, ей-Богу! утопила я ее за твоей безсчастною головою!

«Но въ одно лѣтнее утро, когда эта вѣдьма ходила любоваться втихомолку новымъ домомъ своимъ — а она уже считала его своимъ — она воротилась домой съ такимъ неистовымъ ревомъ, что и самъ Маркъ Павлычъ, довольно попривыкшій уже къ подобнымъ явленіямъ, испугался насмерть. Дочь, не спрашивая что сталось, принялась вторить матери, растворивъ, для простора, окна. — Что же

случилось? — «Да въ новый домъ, въ которомъ окна еще не были вставлены, влетѣлъ пчелиный рой и привисъ гроздомъ къ потолку.» Это означало такое бѣдствіе, такое несчастіе, которое невозможно было ни оплакать, ни отмолить. И все это она знала и говорила напередъ, когда только увидѣла, что домъ поставленъ былъ на несчастномъ мѣстѣ, на капели — да ее не послушались; теперь всѣ они погибнутъ.

«Кончилось тѣмъ, что новый домъ былъ брошенъ, а теперь, какъ вы видѣли, уже разрушается. Маркъ Павлычъ осунулся, опустился окончательно, подпалъ вовсе власти своихъ вѣдьмъ, прозябалъ нѣсколько лѣтъ вмѣстѣ съ ними въ старой, сгнившей избенкѣ, которая поросла грибами и плесенью по всѣмъ угламъ, и вотъ, къ общему удовольствію всѣхъ человѣколюбивыхъ жителей нашего городка, на прошлой недѣлѣ отдалъ Богу душу. Миръ его праху! Теперь Крюкина съ дочерью служатъ по немъ панихиды и оплакиваютъ, ревучи день деньской на весь кварталъ.»

XVIII.

ПОЛУКАМЕННЫЙ ДОМЪ.

Въ небольшомъ городѣ, въ которомъ я проѣздомъ остановился, прямо насупротивъ гостиницы, стоялъ громадный домина. Основаніе его было изъ тесаннаго, бѣлаго камня; затѣмъ, первый ярусъ кирпичный, а второй деревянный. Домъ этотъ стоялъ на бойкомъ мѣстѣ, на углу привозной площади; внизу были лавки съ дугами, хомутами, возжами и шлеями, также лабазы, цирюльня, хлѣбная и питейная; наверху я могъ отличить одну только вывѣску: *Растирацію;* другая, придѣланная надъ балкономъ, по другому лицу зданія отъ угла, скрывалась до половины, и я могъ прочитать на ней только начало двухъ строкъ: *Дњв.* и *мад.* Сидя въ окнѣ своего *номера* и глазѣя на пеструю толпу, волновавшуюся съ глухимъ шумомъ на рыночной площади, я невольно все опять поднималъ глаза на загадочную вывѣску, подбиралъ всѣ слова, которыя можно обыкновенно встрѣтить на вывѣскѣ; но слоги *Дњв* и *мад* оставались

для меня загадочными. Въ это время вошелъ словоохотливый половой съ чаемъ и объяснилъ мнѣ, что это *Дѣвичій пенсіонъ мадамъ Мусташъ*, которую онъ назвалъ при этомъ случаѣ *Мусташовой*. Слово за словомъ, и половой мой разсказалъ замѣчательныя похожденія — не мадамъ Мусташовой, о которой онъ не могъ сказать ничего, какъ только, что она должно быть француженка — но похожденія этого дома съ лавками, лабазами и всею прочею принадлежностью.

Въ городѣ этомъ, давно тому, появился новый откупщикъ, вышедшій, по словамъ разсказчика, изъ повѣренныхъ прежняго откупщика; подержавъ откупъ недолго, онъ, однакожь, зашибъ копѣйку — по крайней мѣрѣ жилъ, какъ водится у откупщиковъ, паномъ. Ни у кого не бывало и не будетъ такихъ лошадей, такой коляски и такихъ шляпокъ на женѣ, какъ были именно у этого откупщика; а праздники задавалъ онъ такіе, что истинно на диво «даже и хорошимъ господамъ». Этотъ-то баринъ изъ-за стойки вздумалъ построить такой домина, чтобъ и самому жить, и всю контору со всѣми потрохами помѣстить, и въ наймы отдавать, и доходъ большой получать — да сверхъ того еще и пользоваться домомъ этимъ, какъ залогомъ. Вотъ онъ и разбилъ такой фундаментъ, какого здѣсь и не видывали: саженяхъ на пятидесяти! Постройка началась: забутили основаніе, отпраздновавъ великолѣпно закладку, и вывели его подъ окна изъ тесаннаго камня — тогда какъ до этого здѣсь никто не догадывался тесать его, а клали основаніе изъ дикаго, ломоваго камня, какъ Богъ его со-

далъ; а между тѣмъ, подводили въ тоже время подъ своды каменные же выходы.

Въ это время откупщикъ нашъ поѣхалъ въ столицу снимать откупъ на другой срокъ и съѣхался тамъ, не думанно, не гаданно, съ опаснымъ соперникомъ, который, повысмотрѣвъ и повывѣдавъ дѣла на мѣстѣ, прибылъ въ Питеръ съ тѣмъ же намѣреніемъ. Первый отозвалъ его въ сторону и сказалъ ему: «Послушай, любезный другъ; неужто мы станемъ, на потѣху людямъ, другъ у друга ломоть изъ рукъ выбивать, чтобъ онъ никому не достался? Дѣлъ нашихъ никто не знаетъ, кромѣ меня, да отчасти, можетъ быть, и тебя; вѣдь мы оба будемъ сыты — а кромѣ насъ вмѣшаться некому, это я ужь знаю. Итакъ, либо возьми ты съ меня сто тысячъ отсталаго, да и ступай съ Богомъ, безъ грѣха, домой; либо дай ты мнѣ сто тысячъ; а наконецъ, коли и этого не хочешь, иди въ долю, я въ третьей долѣ тебя приму.»

Соперникъ принялъ предложеніе это сухо, обидѣвшись особенно тѣмъ, что будто-бы-де-онъ дѣлъ этихъ не знаетъ, тогда какъ онъ именно тѣмъ и гордился, что вывѣдалъ всю подноготную и былъ увѣренъ, что знаетъ все. Первый подумалъ и вторично отозвалъ его, когда уже городъ ихъ вскорѣ былъ на очереди къ торгамъ: «Послушай, другъ», сказалъ онъ: «сдѣлай же милость, не дурачься; вотъ тебѣ послѣднее слово мое: берешь полтораста тысячъ, такъ бери и Богъ съ тобой; не берешь — пусть мое дѣло пропадаетъ, а ужь я тебѣ его испорчу; честное слово, что коли ты хоть одинъ рубль наддашь, то я, не говоря худаго слова,

сразу брякну сто тысячъ, да и отойду: тогда дѣлай, что хочешь. Больше не наддамъ.»

Но упрямый и самолюбивый соперникъ, увѣренный, видно, въ дѣлѣ своемъ, ни на что не поддавался и отвѣчалъ сухо: «дѣлай что знаешь.» Торги начались: «Такой-то городъ съ уѣздомъ четыреста тридцать тысячъ; кто больше?»

«Десять рублей», сказалъ скромно первый откупщикъ. «И еще десять», проговорилъ второй твердымъ голосомъ. «Сто тысячъ!» раздалось въ ту же секунду, и притомъ такимъ громовымъ голосомъ, что всѣ бывшіе тутъ съ изумленіемъ обратили взоры свои на человѣка, сдѣлавшаго такую необычайную, выходящую изъ всякаго торговаго соображенія наддачу; каждый думалъ, что ослышался, даже присутствующіе остановились, чтобъ увидѣть, кто сказалъ слово это, и одинъ изъ нихъ повторилъ: «сто ты-сячъ?» «Да», отвѣчалъ первый откупщикъ, не трогаясь съ мѣста и скрестивъ руки на груди — и всѣ со страхомъ и почтеніемъ отступили, очистивъ передъ нимъ мѣсто. Онъ продолжалъ: «сто тысячъ: всего пятьсотъ тридцать тысячъ и двадцать рублей.»

Дѣло было сдѣлано, такого слова назадъ не отдадутъ. Мертвое молчаніе послужило знакомъ крайняго изумленія нѣсколькихъ сотъ человѣкъ; втораго соперника чуть не пришибло на мѣстѣ, какъ громомъ; онъ помялся, взглянулъ на перваго, смирился и просилъ подумать. Оба отошли къ окну: всѣ посторонились и, перешептываясь, искоса поглядывали на этихъ двухъ чудаковъ.

— Бога ты не боишься,—сказалъ второй тихо, робкимъ, но отчаяннымъ голосомъ: — что ты это сдѣлалъ?

— Какъ что? Ничего; набавилъ сто тысячъ, какъ объявилъ тебѣ напередъ; развѣ ты думалъ, что я шучу? Больше я не наддамъ ни рубля; хочешь, такъ бери.

— Да помилуй, безумный ты человѣкъ! Вѣдь ты самъ у себя да у меня укралъ четыреста тысячь изъ кармана!

— Что онѣ украдены у насъ — это вѣрно, только не мною, а тобой. Я предлагалъ тебѣ полтораста тысячъ, предлагалъ идти въ третью долю; ты заартачился, захотѣлъ испортить дѣло,—ну, ты поставилъ на своемъ: вотъ оно испорчено; бери его!

— Нѣтъ, спасибо, благодарю.... а какое ты мнѣ разстройство причинилъ, Боже мой!... Залоги взяты, проценты заплачены...

— Плачься на себя. Не берешь, такъ за мной останется; я тебѣ говорилъ, что моего дѣла никто, кромѣ меня, не знаетъ; вотъ, я наддалъ четыреста тысячъ и беру; стало быть я его знаю!

Это подѣйствовало; второй разсудилъ, что стало быть-де выгоды велики, и я не ошибался: онъ предложилъ идти въ половину; а первый, очень хорошо понимая, что изъ молодечества и упрямства сдѣлалъ преглупую вещь, не показавъ удовольствія своего, сказалъ:

— Вотъ то-то, поздненько вы, сударь, соглашаетесь! Нечего дѣлать, ступай: небось, выручимъ.

Но черезъ два года все было описано и распродано у новыхъ товарищей, и откупъ поступилъ въ казенное управ-

леніе. При этомъ случаѣ былъ проданъ и домъ, выведенный на тесаномъ камнѣ подъ окна, съ большими каменными подвалами. Онъ достался молодому наслѣднику большаго, прекраснаго имѣнія въ двѣ тысячи душъ, гдѣ одна крупчатка могла бы прокормить прилично десять большихъ дворянскихъ семей. Молодой владѣлецъ прикупилъ еще на задахъ дома два мѣста, сломалъ зданія и обратилъ ихъ въ садъ съ великолѣпными теплицами, которыя теперь подъ хлѣбнымъ складомъ. Баричъ нашъ едва успѣлъ вывести кирпичомъ стѣны своего новаго дворца подъ первый накатъ, какъ дѣлишки его начали крѣпко запутываться: постройка остановилась, простояла съ годъ, а тамъ, не успѣлъ нашъ баричъ оглянуться, какъ дѣло пришло къ развязкѣ — все имѣніе его было окончательно разстроено, и онъ совсѣмъ промотался. Стѣны початаго дома накрыли соломой, ихъ заливало и размывало дождемъ, и городъ, видя такое положеніе домохозяина, который нѣсколько лѣтъ сряду и не думалъ продолжать постройку, началъ приступать къ нему съ угрозами передать незастроенное мѣсто другому владѣльцу, предоставляя ему свезти въ срокъ строительные припасы. Баричъ нашъ, забывшій почти о начатомъ столь великолѣпно и покинутомъ дворцѣ своемъ, чрезвычайно обрадовался напоминанію думы или магистрата, вздумалъ теперь только, что можетъ продать, хотя и за безцѣнокъ, начатыя постройки и вовсе нечаянно выручить нѣсколько наличныхъ денегъ, которыхъ онъ уже очень давно не видалъ. Но кому у насъ въ уѣздномъ городѣ купить такой домина, кто въ состояніи выстроить его

и къ чему? Всѣ указали на Орефьева, говоря, что больше купить некому, хоть и задешево, потому что мало того купить, а надо еще и отстроить. Если Орефьевъ не купитъ, хоть ломай.

Орефьевъ, въ 30 лѣтъ, изъ сидѣльца на маленькомъ жалованьѣ въ желѣзной лавкѣ сдѣлался первымъ въ городѣ купцомъ. Пріятное и всегда вѣжливое обращеніе его привлекало покупателей въ такомъ городкѣ, гдѣ каждый зналъ лично всѣхъ хозяевъ и сидѣльцевъ и шелъ туда, гдѣ ему лучше нравилось. Вскорѣ Орефьевъ сдѣлался сидѣльцемъ на отчетѣ, потомъ поступилъ въ часть и, наконецъ, пріобрѣтя болѣе пріязни и довѣренности между покупателями, чѣмъ самъ хозяинъ его, основалъ свою торговлю и вскорѣ расторговался такъ, что сталъ первымъ купцомъ въ городѣ. Всѣ обороты и предпріятія ему удавались; слава шла объ немъ, будто у него самый дешевый товаръ, и большая часть жителей вѣрили этому, потому что Орефьевъ, необыкновеннымъ краснобайствомъ своимъ, предупредительною вѣжливостью и чрезвычайно пріятною, поселяющею довѣренность наружностью умѣлъ всѣхъ въ томъ убѣдить. Чтобъ показать ловкость и оборотливость Орефьева, приведемъ одинъ только примѣръ. Сосѣдній помѣщикъ, у котораго было много своихъ мастеровыхъ, и между прочимъ нѣсколько гуляющихъ кузнецовъ, хотѣлъ доставить себѣ выгоду, а имъ небольшой заработокъ: онъ обратился къ Орефьеву, какъ къ главному торговцу желѣзомъ, и, предложивъ ему перековывать полосовое желѣзо въ разныя подѣлки, крючья, петли, наметки, пробои и проч., спросилъ, сколько Орефь-

евъ можетъ положить за это платы съ пуда. Орефьевъ отвѣчалъ: «И гривны мѣди не могу дать.» — Какъ такъ? Вѣдь вы же торгуете этими вещами и передѣлываете полосовое желѣзо? — «Передѣлываю.» — Слѣдовательно, и платите за это, само собой разумѣется; а у меня свои кузнецы, свой уголь; врядъ ли кто дешевле меня съ васъ возьметъ? — «А не угодно ли», продолжалъ Орефьевъ: «купить у меня желѣзо въ дѣлѣ, на пуды, по той же цѣнѣ, почемъ изволите взять полосовое въ любой лавкѣ?» Помѣщикъ изумился и просилъ объясненія; оно состояло въ томъ, что всѣ кузнецы, каретники и даже помѣщики берутъ желѣзо на счетъ, не на наличныя; при этомъ случаѣ и было заведено у Орефьева, чтобъ брать на каждый пудъ по шести фунтовъ лишняго желѣза и возвращать его, въ видѣ роста, въ дѣлѣ. Такимъ образомъ, Орефьевъ, безъ всякихъ расходовъ, получалъ всѣ желѣзныя издѣлія, какія ему были нужны, назначая должникамъ своимъ, что именно выдѣлывать, а полосовое желѣзо, разумѣется, отпускалъ имъ въ такую цѣну, что накладывалъ на издѣльное, при оптовой продажѣ, самую бездѣлицу, на одинъ только угаръ!

Итакъ, Орефьевъ, какъ единственный купецъ нашего дворца, пріобрѣлъ его дѣйствительно за самую ничтожную цѣну. Всѣ ахнули, когда домъ былъ проданъ, говоря: богачамъ Богъ даетъ. Смекнувъ тотчасъ же, что можно изъ зданія этого сдѣлать, Орефьевъ поставилъ на каменныя стѣны деревянный верхъ, покрылъ его желѣзомъ, а внизу проломалъ, черезъ окно, по двери, обративъ такимъ образомъ весь нижній ярусъ въ лавки. Изъ подваловъ вывелъ

онъ тоже сводчатые выходы прямо на площадь, чтобы отдавать помѣщенія эти подъ винные погреба и другія подобныя заведенія.

Но только что Орефьевъ успѣлъ покончить все это и подвести диковинное зданіе подъ крышу, не отдѣлавъ его еще внутри, не вставивъ еще дверей и оконъ, какъ внезапно скончался, оставивъ однихъ малолѣтнихъ наслѣдниковъ, потому что довольно поздно женился и притомъ еще старшія дѣти у него, какъ говорится, не стояли. Дѣла его не были въ безпорядкѣ, но, по значительнымъ оборотамъ и по русскому заведенію не вести купеческихъ книгъ, они были нѣсколько запутаны и требовали дѣятельнаго и толковаго хозяина; безъ этого ихъ, конечно, не мудрено было разстроить. Назначили опекуновъ — и вскорѣ дѣла пришли въ безнадежное положеніе. Одна уже косность и бездѣйствіе, при начатыхъ оборотахъ, гдѣ все зависѣло отъ кредита, своевременнаго, точнаго исполненія условій и принятія, безъ упущенія, разныхъ мѣръ, одно уже бездѣйствіе опекуновъ, не говоря о грѣхахъ другаго рода, должно было нанести торговлѣ Орефьева смертный ударъ, которымъ другіе не преминули воспользоваться. Домъ, на который положенъ былъ большой капиталъ и который очевидно долженъ былъ бы вскорѣ вознаградить съ избыткомъ всѣ издержки, простоялъ пять лѣтъ безъ оконъ и безъ дверей, не давая ни гроша дохода. Опекуны не хотѣли взять на себя отвѣтственности новыхъ расходовъ, необходимыхъ на отдѣлку дома, тѣмъ болѣе, что на это нужно было особенное разрѣшеніе, требовавшее хлопотливой переписки: поэтому они,

оберегая себя, ограничились однимъ только сборомъ долговъ, уплатою необходимаго и безспорнаго и очисткой дѣйствій своихъ на бумагѣ. Дому суждено было опять стоять въ недостроенномъ видѣ и ожидать совершеннолѣтія наслѣдниковъ.

Къ счастію, однакоже, мѣстное начальство вмѣшалось въ это дѣло, считая безбожнымъ допустить окончательное разрушеніе зданія, которое могло бы давно быть отдѣлано и приносить весьма значительный доходъ. Очевидно было притомъ, что еслибы дать дому простоять еще нѣсколько лѣтъ въ этомъ видѣ, то пришлось бы еще приплатиться за свозъ его въ видѣ мусора. Рѣшено было продать домъ съ молотка. Опять возникъ вопросъ: кому же его купить? Въ городѣ на ту пору не было никого при такихъ деньгахъ,— это было извѣстно; а иногородному такая покупка не сподручна. Оцѣнка, само собой, сдѣлана была болѣе чѣмъ сходная, именно потому, что и за половину настоящей цѣны не нашлось бы покупщика; притомъ зданіе потерпѣло уже много отъ времени, не будучи ни кончено, ни сбережено; при всемъ томъ, однако, ждали съ нетерпѣніемъ, въ чьи-то оно руки попадетъ, зная, что покупщиковъ нѣтъ.

Но покупщикъ нашелся тамъ, гдѣ его никто не ожидалъ. Въ этомъ городѣ былъ нѣкто, въ родѣ купца, подрядчика и промышленника, ходатая, стряпчаго,— однимъ словомъ, въ родѣ чего угодно, нѣкто Акимъ Акимычъ Набольшевъ. Его звали то жидомъ, то цыганомъ, также иногда — перенося понятія неодушевленныхъ предметовъ на одушевленные — уховерткой и багромъ. Изъ всего этого

сно усматривается, какого рода человѣкъ былъ Акимъ ...имычъ. Большой балагуръ и краснобай, человѣкъ не ...і собственно, а даже въ извѣстной степени добрый и ...ужливый, если только услуга эта не была противна его выгодамъ; ловкій, хитрый, проискливый, но съ какимъ-то вкрадчивымъ видомъ простодушія и откровенности. Акимъ Акимычъ не былъ какимъ-нибудь отверженцемъ общества, какъ бы можно полагать, судя по исчисленнымъ нами качествамъ его, а напротивъ жилъ въ ладу почти со всѣми, за исключеніемъ развѣ тѣхъ немногихъ, кого надулъ слишкомъ-безбожно и очевидно. Къ числу промысловъ его принадлежала между прочимъ близкая связь, поддерживаемая обоюдными выгодами, съ тѣми изъ городскихъ жителей, у которыхъ бывали денежныя дѣлишки, обдѣлывавшіяся большею частію черезъ Акима Акимыча. Онъ, какъ человѣкъ скромный и часто нуждавшійся въ посторонней помощи при дѣлахъ и оборотахъ своихъ, считался вѣрнымъ и вошелъ у многихъ въ большую довѣренность. Благопріобрѣтенное достояніе этихъ многихъ бывало частенько у него въ рукахъ, и онъ исправно уплачивалъ пріятельскіе росты. Этотъ-то Акимъ Акимычъ и вздумалъ разбогатѣть, когда объявлена была продажа роковаго дома. Разсчитавъ безошибочно, какого дохода можно отъ этого ожидать, онъ обѣжалъ втихомолку всѣхъ денежныхъ вѣрителей и довѣрителей своихъ, представилъ имъ предстоящее блестящее дѣльцо и успѣлъ собрать необходимую сумму, даже съ прибавкою того, что нужно было для окончательной отдѣлки дома. Срокъ пришелъ; кромѣ Акима Акимыча, покупщиковъ не было ни на

торгахъ, ни на переторжкѣ, и домъ, съ наддачею мѣднаго рубля сверхъ оцѣнки, остался за нимъ. Всѣ изумились и ждали развязки: всѣ знали, что у Акима Акимыча денегъ не было, всѣ привыкли къ оборотамъ разнаго рода, происходившимъ подъ его именемъ, но никто не зналъ еще, на чей счетъ домъ купленъ—объ этомъ ходили только догадки.

Акимъ Акимычъ въ разсчетѣ своемъ не ошибся: торговля въ городишкѣ этомъ, въ послѣдніе годы, значительно поднялась, и за лавку, за которую платили въ годъ 50 рублей, стали платить 150 и 200. Въ пять, шесть лѣтъ, онъ выбралъ весь капиталъ, и товарищество, купившее подъ его именемъ домъ, не должно бы быть въ накладѣ — еслибъ Акимъ Акимычъ подѣлился съ товарищами; но, подумавъ хорошенько, онъ разсудилъ, что при нынѣшнемъ достаткѣ своемъ, можетъ подержаться и безъ помощи своихъ бывшихъ пріятелей, особенно, если присвоитъ весь домъ себѣ, не заплативъ никому ни копѣйки— и въ этомъ разсчетѣ онъ также не ошибся. Деньги были вручены ему безъ всякихъ письменныхъ видовъ, по одной только личной довѣренности, и потому на Акима Акимыча нельзя было вчинать никакого иска. Бѣдняки рвали на себѣ волосы, проклинали Акима — а взять было нечего.

Вотъ вамъ похожденія полукаменнаго дома; Акимъ Акимычъ съ легкой руки разбогатѣлъ, пришедши на готовое и снявъ пѣночки, а вѣрителей своихъ онъ все еще благополучно и притомъ буквально проводитъ завтраками, приглашая ихъ по праздникамъ къ себѣ на закуску.

XIX.

КОЛДУНЬЯ *).

Мы запоздали выѣздомъ; ночь часъ-отъ-часу становилась темнѣе; вѣтеръ переметалъ дорогу, и мы уже раза два сбивались, кони измучились, я перезябъ и, увидавъ невдалекѣ огонекъ, обрадовался ему и рѣшился переночевать въ деревушкѣ. Насъ пустили въ первую избу, въ которую мы попросились.

— Прошаемъ милости,—сказалъ хозяинъ, отворяя дверь въ избу:—только не обезсудьте, ваша милость; въ избѣ-то у насъ не больно срядно, понадрянили: коё мы съ лаптишками нанесли, коё робятишки.... Эй ты, Афроська! эка ворона! смахни съ лавки, да пріоставь свитецъ. Аль не прикажешь ли подать свичу? мы подерживаемъ ради наѣзду; къ намъ-таки жалуютъ ино бара, а пуще вотъ передъ вве-

---

*) Разсказъ этотъ полученъ мною почти въ томъ видѣ, какъ онъ есть.

деньевской ярманкой. Намедни какъ-то ночевалъ у насъ лекарь; мы-было такъ ему обрадовались — у насъ, вишь, хвораетъ бабенка, вотъ энтого дѣтины хозяйка — третій годъ, а не отпускаетъ ничего. Испортили, окаянные, выкликáетъ и кошкой-то, и собакой-то, и нѐ-вѣсь какъ; така судьба Божья! А бабенка-то бы клёвая (красивая, видная); да что̀ ты будешь дѣлать — по вѣтру пустили!»

Хозяинъ, рослый и видный старикъ, весь сѣдой, взглянулъ на меня при этомъ, будто хотѣлъ видѣть, что я скажу или подумаю. Какъ бывалый человѣкъ въ обращеніи съ господами заѣзжими, онъ видно зналъ уже по опыту, что разсказы его о порчѣ и напускѣ не всегда принимаются съ такою же простотой, съ какой онъ ихъ разсказываетъ. «Баринъ смѣется», продолжалъ онъ: «да и лекарь-то смѣялся, да вотъ не сдѣлалъ ничего, легче нѣтъ. Ваши братья-господа не вѣрятъ порчамъ, баютъ и колдуновъ-то нѣтъ.» Я отвѣчалъ, что всему на свѣтѣ можно повѣрить, коли увидишь своими глазами, либо ощупаешь руками; противъ такой правды спорить нельзя, чтобы не сбылось надъ нами писаніе: и уши есть, да не слышатъ, и глаза есть, да не видятъ. Но какъ я дѣла этого, о которомъ онъ говоритъ, не видалъ и не знаю, то и вѣрить не могу.

— Какъ ваша милость не вѣритъ,—сказалъ толковый и словоохотливый старикъ:—есть пословка: въ уймѣ (лѣсу) не безъ звиря, въ людяхъ не безъ лиха; а пословка на витеръ не говорится. Не знаю я твоего имечка и отчества, а коли повелишь, разскажу я тебѣ бывальщину, такъ вотъ самъ скажешь опослѣ, каково дѣло это, вѣрить аль не вѣ-

рить. Я вишь пораскалякался, ночь долга будетъ, станетъ поры еще и выспаться.

Я сѣлъ за чай и просилъ хозяина говорить, увѣряя, что буду слушать его.—То-то бара,— сказалъ онъ, заплетая новый лапоть: — вѣрить не вѣрятъ ничему, а слушать рады!

«Вотъ, батюшка ты мой, отъ нашей деревни быть верстъ десять или двѣнадцать, есть деревнюшка, а когда-то бывала она и большой деревней; да такъ, не повелось что-то. Тутъ встарину жилъ-былъ мужичокъ, по имени Маркелъ, а по отзыву Ворохъ; а у Маркела былъ сынокъ Гарасимъ. Въ тѣ поры здѣшній народъ не знавалъ чужой стороны, оброчное и государево добывали около себя, то хлѣбушкомъ, то холстами, то скотиной, и холостые парни всѣ жили по домамъ, не какъ нынѣ, что все у чужихъ людей, въ работѣ, въ Москвѣ, либо въ самомъ Питерѣ. Женить молодыхъ понужденья у насъ не было, а сходились женихи и невѣсты сами, по согласію.

«Вотъ, батюшка ты мой, Ворохъ былъ мужикъ богатый, Гаранька парень важный, дородный, бѣлый да румяный, и дѣвушки отъ него не прочь, и отцы-матери не прочь; а въ той же деревнѣ, сударикъ ты мой, жила вдова Авдотья; старуха не старуха, а таки еще въ порѣ, а у нея, слышь, дочька Акулька — плёвая дѣвчонка, поджаренькая, подслѣпенькая, такъ вотъ и вся-то съ курицу, и прозвище дали ей «мокрая галка». Избёнка была у нихъ плохая, жили Богу вѣдомо ка́къ и чѣмъ, ну вотъ только-что не нищіе, что по-міру не ходили. Вотъ, отецъ ты мой, въ ночи на

лѣтняго Ивана, что живетъ въ Петровки, Авдотья моя и пропала; какъ пропала наша Авдотья, такъ и нѣтъ ея сутки, нѣтъ другія, нѣтъ и недѣли, и больше — а дочка не горюетъ ничего, ходитъ съ парнями въ кругахъ (хороводахъ), да распѣваетъ пѣсенки. Спросятъ ее: а гдѣ мать? — она молчитъ, либо не знаю, говоритъ; я-де за нею не хожу. Пропадала она таки долго, что люди не чаяли и видѣть ее, анъ ужь около нашего праздника, отколь ни взялась, опять тутъ стала. И никто не видалъ, когда и откуда она пришла: стало-быть ночью, либо не по землѣ шла. Станутъ люди спрашивать ее: Авдотья, гдѣ пропадала? — ничего не говоритъ, только тебѣ глазами поводитъ. Одинъ спроситъ, другой спроситъ — молчитъ, ровно отнялся языкъ. Пришла осень — Авдотья поставила новую избу съ косящатымъ окномъ, перевалила и дворъ, накрыла повѣть, все, какъ быть надо у добраго хозяина, стали съ людьми знаться и жить по-людски и хлѣбъ-соль водить. Стали всѣ дивиться, отколь Богъ далъ все это Авдотьѣ; бывало: наготы, босоты, изувѣшаны шесты — а теперя, и коты съ оторочкой, и понева съ прошвой, а на дочери — что праздникъ, то платокъ новый, обнова за обновой. Стали приглядывать да прислушиваться — вотъ, сударь ты мой, какъ стали приглядывать да прислушиваться, то и видятъ, что у Авдотьи по ночамъ, вечеромъ, огня въ дому нѣтъ, а народу полна изба, и шумъ и гамъ. Что-де это такое? Никто не знаетъ, а хорошаго, надо быть, мало. Ну, прошли филипповки, прошелъ мясоѣдъ, стали въ народѣ налаживаться свадьбы: куда

Авдотью не позовутъ, да гдѣ не почествуютъ, тамъ и свадьбы нѣтъ; вотъ оно что. Либо невѣста жениху, либо женихъ невѣстѣ, невѣсть съ чего, звѣремъ какимъ покажутся, либо и того хуже, скорбь да немочь нападетъ, прикинется такое, чего прежде и не видывали. Дѣло худо; тутъ ужь знать некуда концевъ дѣвать, а выходитъ наружу, что Авдотья спозналасъ съ нечистымъ. Прознали всѣ люди про то, весь міръ, а молвить боятся; всякъ оберегаетъ себя; вотъ и стали кучиться да кланяться Авдотьѣ, кому въ чемъ какая нужда, а денежки валятъ къ ней валомъ. Глядятъ мужики — только плечами поведутъ, дивуются, а молчатъ: на дочкѣ, на Окулькѣ, шуба не шуба, шушунъ не шушунъ; и въ золотѣ ходитъ и въ соболяхъ, во всемъ приходѣ нѣтъ и не было такой ни одной; женихи пороги обили, сваты да свахи дорожки проторили — а Авдотья ртачится еще: не тѣ, вишь, женихи!

«Нечего дѣлать, все думается, это по грѣхамъ нашимъ; надо терпѣть. Проходитъ годъ — Авдотья въ церковь ни ногой; проходитъ другой — на духу не бывала, иконъ не подымывала. Стали люди говорить на весь міръ, что съ Авдотьей житья нѣтъ и никому не будетъ, что она, сталобыть, совсѣмъ отшатнулась, отошла къ нечистому; ну, говорить говорятъ и толкуютъ, да на томъ и порѣшатъ; а она свое.

«Вотъ, батюшка ты мой, пришло время и Маркелу женить сына, и сталъ онъ засылать свахъ. Скажутъ свахѣ: ладно, покорно просимъ на смотрѣнье; Маркелъ съ сыномъ и поѣдетъ, а Авдотья выйдетъ на улицу, махнетъ руками

на всѣ четыре стороны, зальется хохотомъ да покатится — и пошла себѣ опять въ избу; а тамъ, какъ пріѣдетъ Маркелъ съ сыномъ къ невѣстѣ, то она тебѣ рёвомъ-реветъ: нейду, говоритъ, за медвѣдя — какъ я пойду за медвѣдя?... лучше, говоритъ, камень на шею мнѣ, да въ воду. А Авдотья, какъ прослышитъ объ этомъ, говоритъ: «Ну, видно быть Маркелу сватомъ моимъ, а Гаранькѣ зятемъ.» Маркелъ, прослышавъ про это, говоритъ: «пусть-де въ глаза мнѣ наплюютъ, коли станется это, не бывать этому во вѣкъ.» Вотъ Авдотья пуще на стѣну лѣзетъ, озлобилась на всѣхъ, и проявилось много порченыхъ и стали выкликать, что-де Авдотья колдунья и вся порча отъ нея, что портитъ она дѣвокъ по вѣтру, изъ-за маркелова сына, проча его за дочь свою, за Окульку.

«Устрашились этого православные, стали просить стариковъ отвести Авдотью отъ нечистаго. Вотъ и пошли, разъ и другой и третій, стали приводить ее къ Богу — такъ куда, и навздымъ не дается, хоть не говори! Пошли старосту просить, что бы то есть унять Авдотью; староста былъ мужикъ простой, вотъ какъ бы и я грѣшный, побранитъ ее, побранитъ, да постращаетъ — она и не глядитъ; учеститъ его винцомъ, да тѣмъ и оправится и опять за свое.

«Дѣло худо, толковали, толковали міряне, что не беретъ-де ея ничего, а ужь жить съ нею, съ Авдотьей, не приходится крещеному человѣку, и міру терпѣть не въ мочь. Вотъ и затѣяли грѣхъ, задумали извести Авдотью. Человѣкъ десятокъ мужиковъ стакнулись и положили сдѣлать

дѣло. Ночь не за горами, прошла скоро, они подошли — все темно въ избѣ у Авдотьи, а ровно слышно тамъ, что возятся. Ребята ввалились всѣ вдругъ въ избу — не видать ни зги; говорятъ: «Авдотья, вздуй огня!» и она, гдѣ ни была, подошла къ шестку, вздула огня, поглядѣла на мужиковъ, да и спрашиваетъ: «вамъ что надо?» — Они къ ней, да хотѣли было и того — а она, какъ топнетъ ногой, да какъ взвизгнетъ — изба вся такъ и зашаталась ходенемъ, а она, обернувшись не то кошкой, не то собакой, шуркъ изъ-подъ нихъ, да вонъ — только они ее и видѣли. Мужики мои со страху не могли сотворить и молитвы: попадали, да другъ друга за головы ловятъ, да за бороды теребятъ; ну, батюшка, одинъ черезъ одного, ползкомъ, кувыркомъ, да насилу кой-какъ вывалились черезъ порогъ, да изъ сѣней на корачкахъ со двора!

«Зареклись мужики мои, что и другу и недругу закажутъ вѣдаться съ Авдотьей, и пошли, все пересказали Маркелу: «что хочешь дѣлай, говорятъ, а всей деревнѣ черезъ тебя не пропадать: думай, да либо жени сына на Окулькѣ, что ли, либо поди, кланяйся бабѣ въ ноги, неси гостинца, да отпросись; отпуститъ — хорошо; а нѣтъ — видно судьба твоя!» Однако Маркелъ на это не разсудилъ податься, говоритъ: «еще поворожимъ, что Богъ дастъ». Тѣмъ временемъ Авдотья пуще прежняго мутитъ; знай портитъ народъ, житья нѣтъ: кто встрѣтится съ нею, да не такъ поклонится, не полюбится ей — то, того гляди, бѣда, либо грѣхъ какой въ домѣ и есть. Что дѣлать? Одно говорятъ: ищите такого, чтобъ зналъ силу, чтобъ Авдотью одолѣлъ.

Пристали къ Маркелу всѣ, говорятъ: «какъ хочешь, дядя Маркелъ, а грѣхъ твой, надъ тобой встряслось; ты и выручай!»

«Вотъ и нашли такого человѣка: жилъ онъ годовъ со сто, побольше, отъ деревни нашей не близко и не далеко, и ужь такая про него слава прошла, что управлялся-де онъ и не съ такими, какъ Авдотья. Ну, поѣхалъ нашъ Маркелъ, ѣздилъ некакъ съ недѣлю, да о святкахъ и привезъ этого старика. Только въѣхалъ въ деревню — а у Авдотьи, слышь, всѣ куры и запѣли пѣтухомъ! Вотъ народъ-то и приободрился; Авдотьюшка оробѣла. Старикъ живетъ себѣ у Маркела — все ничего, и стало потише на деревнѣ, какъ будто новыхъ проказъ авдотьиныхъ не слышно. Проходитъ крещенье — Маркелъ съ сыномъ и поѣхалъ на смотрину и взяли съ собой старика. Что тамъ у нихъ было до того — не вѣдаю; только сказывали, что старикъ до поры не ѣхалъ, и Маркелу ѣхать не велѣлъ; а какъ пришла пора, то и сказалъ, что теперь-де поѣдемъ.

«Провѣдала объ этомъ Авдотья, хочется ей выйти на улицу, чтобъ, знаешь, свое дѣло сдѣлать — такъ лихъ нѣтъ, что-то претитъ, она какъ бы ступить за порогъ, анъ ноги-то назадъ ѣдутъ, словно подъ ними земля осунулась. Такъ она, окаянная, сколько ни билась, покелѣ не воротился Маркелъ съ сыномъ и со старикомъ, потолѣ на печи въ избѣ и просидѣла, инно взвыла подъ конецъ, такъ-что народъ подъ окнами собрался! А Маркелъ сдѣлалъ свое дѣло, какъ водилось, сговорилъ сына за отборную невѣсту, какой лучше не надо, и благополучно воро-

тился со старикомъ. Пришло время ѣхать по невѣсту; народу на проводы набѣжало къ Маркелу полна изба, повернуться негдѣ; дѣвки запѣли пѣсню: «какъ Гаранѣ мати голову чесала»; глядь — анъ у Гараньки-то волосы на головѣ поломемъ пышатъ. Маркелъ испугался, подскочилъ, чтобъ погасить — анъ у самого бородища занялась, да пламя такъ все лицо и окинуло! Какъ взревутъ они оба, и отецъ-то и сынъ, пали нà-земь да и катаются. Народъ всполошился, дѣвки поперхнулись пѣсней — не до нея, всѣ врознь; мужики бросились къ водѣ — а тутъ, сударь ты мой, какъ народъ разступился, да старикъ, сидя въ куту, увидалъ что дѣлается, такъ усмѣхнулся только, да молвивъ что-то про себя, махнулъ рукой — такъ ничего-те и не бывало, огня нѣтъ и волосы цѣлы и бородища цѣла.

«Помаленьку образумились Маркелъ съ Гаранькой, перекрестились; отецъ благословилъ сына, вышли на дворъ и сѣли въ сани — а кони съ мѣста нейдутъ, хоть что хочешь дѣлай, храпятъ, прядутъ ушами, да пятятся; а сами въ поту стали, ровно кто ихъ взмылилъ. Стали понукать, хлестнули кнутомъ, дернули кони — зàвертки пополамъ, гужи нà-четверо! Вотъ какъ!

«Старикъ вылѣзъ изъ саней, обошелъ поѣздъ три раза по солнцу, далъ лошадямъ зелья понюхать — и пошли. Дорогой ѣхали все хорошо, пріѣхали къ невѣстѣ — а тамъ иной грѣхъ: у невѣстина двора нѣтъ ни воротъ, ни калитки, вокругъ однѣ глухія стѣны, а на избѣ и крыши нѣтъ. Старикъ только потрясъ головой, опять вылѣзъ изъ саней, взялъ изъ-подъ правой ноги, отъ слѣдка, комочекъ

снѣгу, обернулся на мѣстѣ три раза, зачурался, бросилъ комъ на избу, — все стало, какъ слѣдно быть, и крыша и ворота есть.

«Вотъ, батюшка ты мой, это ладно. Взяли невѣсту, поѣхали въ церковь, повѣнчались и, слава Богу, дѣло сдѣлалось безъ помѣшки, все благополучно. Пріѣзжаютъ къ Маркелу; вотъ онъ встрѣтилъ молодыхъ, какъ слѣдуетъ, у воротъ — радъ-радъ, что поѣздъ прибылъ, что все кончено, потому, вишь, что боялся онъ за нихъ, еще не будетъ ли бѣды какой отъ авдотьиныхъ проказъ, встрѣлъ онъ молодыхъ своихъ съ иконою, осыпали ихъ и хмѣлемъ, а они вошли въ избу, сѣли за столъ, и молодая-то красавица подъ фатой на золотѣ, а Гаранька въ борйстомъ кафтанѣ съ пуговицами, словно по-купецки. Дружка сталъ свое дѣло дѣлать, прибирать всякія рѣчи, чтобъ потѣшить бояръ и поѣзжанъ: «эй, стряпу́хонька, повари́хонька! бѣлы рученьки, скоры но́женьки; повыдь, повыступи отъ печи кирпичныя, отъ столба перемычнаго; шевельнись, мотнись, не позёвывай; что есть въ печи, все на столъ мечи!»

«Вотъ и стали подавать всякія яства: подали одно, анъ на столѣ одни черепья битые; подали другое — каленое уголье; свашеньки растерялись, дружка языка не доищется, позабылъ всѣ красны приговоры свои; всѣ перепугались, что дѣло, стало-быть, ужь и вовсе не ладно. Вотъ старикъ нашъ поглядѣлъ, провелъ рукой по бородѣ, да и говоритъ: «Кто такой столъ готовилъ, тому и ѣсть надо, не миновать; подите, кланяйтесь Авдотьѣ, да зовите на свадьбу, на хлѣбъ-соль, на коровай.»

«Побѣжали дружки — Авдотья дома, и съ печи не слѣзала; глаза что жаръ горятъ; зла, зла, такъ что взглянуть на нее страшно, а видно не послушаться не смѣетъ, накинула второпяхъ на себя кой-какую одежку, платкомъ на золотѣ подвязалась, пришла. Вошла она въ избу Маркела, ровно вотъ сама не своя; креста на себя не положила, народу, ни хозяину съ хозяйкой не поклонилась, сѣла за столъ молча, глаза передъ себя потупила, ни на кого не глядитъ; а яства всѣ стали, какъ были — нѣтъ, то есть, ни черепьевъ, ни уголья. Отошелъ княжескій столъ, а старикъ все молчитъ и не поглядитъ на Авдотью, ровно не его дѣло, и повели молодыхъ на подклѣть; Авдотья-то бы и вонъ, да ноги не слушаются! Вотъ, какъ увели молодыхъ, старикъ и поднялъ брови, и глядитъ на Авдотью во всѣ глаза, а она такъ и затряслась. «Стой, говоритъ, Авдотьюшка; полно кошкѣ таскать изъ чашки, пора и честь знать. Вѣдь у меня меньшой сынъ былъ твоему дѣдушкѣ ровесникъ, такъ тебѣ со мной совладать будетъ тяжело; чтобъ на насъ съ тобой добрые люди не плакались, такъ поди-ка ты сюда!» Она бѣлѣй бѣлья стала, вся дрожитъ, а подошла; старикъ развернулся да какъ ляпнетъ ее лѣвшой на-отмашь — Авдотья съ ногъ долой, закричала разными голосами; ужь ломало ее тутъ, ломало — встала вдругъ опять, отряхнулась, зашаталась, да какъ кинется къ двери, да бѣжать; старикъ смѣется, а народъ за нею, а она во всѣ лопатки, да опростоволосилась и платокъ съ головы потеряла — все бѣжитъ; не успѣла добѣжать домой, какъ подымется вихорь престраш-

ный, да какъ налетитъ на Авдотью воронье, откуда берутся — вотъ туча тучей. Ну, она все бѣжитъ, а воронье, видимо-невидимо, все за ней, облѣпили кругомъ, что ея и слѣдочку не видать стало. Народъ испугался и воротился, перекрестившись; никто въ ночь не посмѣлъ и дойти къ избѣ авдотьиной и не вѣдали, что тамъ дѣется, что творится.

«Вотъ на утро и пошла молва, что Авдотья-де побывшилась (скончалась). Всѣ обрадовались, бѣгутъ къ ней въ избу, глядятъ — Окулька заперта въ свѣтелкѣ, а Авдотьи нѣтъ; въ избѣ на полу лежитъ платъ ея, кичка, сарафанъ, рубаха, обутка — все, въ чемъ вечоръ была Авдотья, а ея нѣтъ. Вотъ, батюшка, нѣтъ ея да нѣтъ, да такъ и не стало; и куда дѣлась она, никто не знаетъ, такъ и пропала. Вотъ и стали опослѣ догадываться, что расклевали Авдотью воронье, а воронье-то не простое, какъ и сама она не спроста шаливала, а то-де нечистая сила, которую старикъ напустилъ.

«Вотъ тебѣ, батюшка ты мой, и бывальщина; люба-ли вашей милости?» спросилъ хозяинъ.

— Живетъ, — сказалъ я: — ничего; тебя слушать можно; да только хотѣлось бы мнѣ знать, давно ли все это было?

— Да ужь ражее мѣсто тому времени, — отвѣчалъ онъ, тряхнувъ сѣдой головой: — мнѣ, пожалуй что и не смекнуть. Гаранько-то, вишь, женился на родной теткѣ моего дѣдушки Карпа, а онъ жилъ на свѣтѣ побольше ста годовъ; отецъ мой жилъ десятковъ восемь съ прибавкой, въ пугачевщину былъ уже женатъ, а побывшился — есть тому

годовъ съ полчетвертá десятка, коли не побольше — да вотъ и мнѣ ужь на седьмой десятокъ, быть шестой, аль седьмой годъ — а я изъ братеньниковъ меньшакъ. Такъ вотъ и смекайте сами.

XX.

ГОВОРЪ.

Лѣтъ тому съ десятокъ, сидѣли мы въ тверской деревнѣ моей съ добрыми сосѣдями въ саду, подъ навѣсомъ (а у меня вокругъ дома сдѣланъ широкій навѣсъ, сажени въ три), пили чай, не торопясь, курили трубки и балагурили. Бесѣда подошла къ народному говору, который различается такъ рѣдко и ясно для привычнаго уха, не только въ разныхъ губерніяхъ и уѣздахъ, но даже иногда въ близкихъ, сосѣднихъ полосахъ. Развѣ лихо возьметъ литвина, чтобъ онъ не *дзекнулъ?* Хохолъ *у саду* (въ саду) сидитъ, *въ себя* (у себя) гоститъ; и по этому произношенію, какъ и по особой пѣвучести буквы *о*, по надышкѣ на букву *г*, вы легко узнаете южнаго руса; курянинъ *ходить* и *видить;* москвичъ *владѣетъ* и *балагуритъ*, владимірецъ *володаетъ* и *бологуритъ;* но этого мало, въ Ворсмѣ говорятъ не такъ, какъ въ селѣ Павловѣ, и кто наостритъ ухо свое на это, тотъ легко распознаетъ всякаго уроженца по мѣстности.

— Не совсѣмъ я на это согласенъ, — сказалъ одинъ изъ гостей моихъ: — воля ваша, а вы опять сѣли на своего конька. — Другіе поддерживали моего противника: они соглашались, что у насъ есть различіе въ говорѣ, по губерніямъ, или вѣрнѣе по полосамъ, что особенно рѣки обозначаютъ предѣлы этихъ нарѣчій, но утверждали притомъ, что по говору нельзя опредѣлить вѣрно даже губерніи, не только округа, что произношеніе въ народѣ нашемъ какое-то общее, грубое, съ небольшими оттѣнками, подъ Москвой на *а*, подъ Костромой на *о*, но вообще довольно неопредѣлительное, шаткое, произвольное, что къ нему нельзя примѣниться и нельзя сдѣлать по немъ никакихъ вѣрныхъ заключеній. Мнѣніе это они подкрѣпляли еще тѣмъ, что, напр., въ Шенкурскѣ находимъ почти бѣлорусское произношеніе, а въ Новгородской губерніи весьма близкое къ малорусскому, но что, при всемъ томъ, собственно въ Великороссіи всѣ говоры эти сливаются болѣе въ одинъ, и въ этомъ одномъ оттѣнки не довольно значительны и точны.

На дворѣ пробѣжалъ дождичекъ, и опять проглянуло солнце; дорожки въ саду были усыпаны какимъ-то илистымъ пескомъ и сдѣлались скользкими. Плотникъ, идучи мимо насъ съ доской — я строилъ бесѣдку — поскользнулся и чуть было не упалъ; я оборотился къ нему и спросилъ: что ты?—Ничего, отвѣчалъ онъ, прибавивъ къ этому еще одно только слово, оправился, отряхнулся и пошелъ далѣе.

— Повѣрите ли вы мнѣ на слово, господа, — сказалъ я: —

что два плотника, которые у меня работаютъ со вчерашняго дня, наняты въ помощь моимъ не мною, что я ихъ не видалъ, не говорилъ съ ними доселѣ ни слова, и что вотъ теперь, при васъ, первый разъ слышу, какой у этого человѣка голосъ?

— Коли вы говорите это, то повѣримъ, — отвѣчали тѣ: — почему жь нѣтъ?

— Ну, вы слышали, что онъ мнѣ отвѣчалъ: скажите жь мнѣ, откуда онъ?

Одинъ не дослышалъ, другіе увѣряли, что плотникъ отвѣчалъ только «ничего, скользко», и не брались вывести изъ этого никакого заключенія. — Это новгородецъ, — сказалъ я: — держу какой хотите закладъ, и притомъ изъ сѣверной части Новгородской губерніи; а почему? да потому, что онъ сказалъ не *скользко*, а *склезко*. Пошли и спросили — вышло такъ.

Гости мои посмѣялись этому случаю, потомъ начали подшучивать и наконецъ, по врожденному въ насъ духу сомнѣнія, стали намекать, что едва ли я не подшутилъ надъ ними насчетъ моего знанія народныхъ нарѣчій; они считали невѣроятнымъ, чтобъ я не зналъ, откуда пришли ко мнѣ въ домъ плотники, а также не совсѣмъ похожимъ на дѣло, чтобъ по одному слову *склезко* узнать сѣвернаго новгородца. — Воля ваша, господа, — сказалъ я: — но мнѣ случалось это ужь не десять разъ на вѣку моемъ, и я очень рѣдко ошибался. Впрочемъ, я соглашаюсь въ томъ, что собственно говоръ или произношеніе вѣрнѣе указываетъ намъ родину, чѣмъ то или другое слово; но иногда

именно одного только слова достаточно, чтобъ рѣшить вопросъ.

Въ это время доложили мнѣ, что пришли два старца съ сборною памятью. Я уже слышалъ объ нихъ; они разъѣзжали нѣсколько времени по нашему уѣзду и обратили на себя, по разнымъ обстоятельствамъ, нѣкоторое вниманіе.— Они вошли; одинъ былъ старичокъ, хвораго вида и молчаливый, а другой молодецъ собой и красавецъ, ловкій, бойкій, но, впрочемъ, держалъ себя также очень прилично. Я ихъ посадилъ, началъ разспрашивать и удивился съ перваго слова, когда молодой сказалъ, что онъ вологжанинъ.— Я еще разъ спросилъ: да вы давно въ томъ краю?—«Давно, я все тамъ.» — Да откуда жь вы родомъ? — «Я тамодій», пробормоталъ онъ едва внятно, кланяясь. Только что успѣлъ онъ произнести слово это — *тамодій*, вмѣсто тамошній, какъ я поглядѣлъ на него съ улыбкой и сказалъ: — а не ярославскіе вы, батюшка?— Онъ побагровѣлъ, потомъ поблѣднѣлъ, взглянулся, забывшись, съ товарищемъ и отвѣчалъ, растерявшись: «не, родимый!»—О, да еще и ростовскій! сказалъ я, захохотавъ, узнавъ въ этомъ *«не, родимый»* необлыжнаго ростовца.

Не успѣлъ я произнести этихъ словъ, какъ вологжанинъ мнѣ бухъ въ ноги! — не погуби!....

Подъ монашескими рясами скрывались двое бродягъ съ фальшивыми видами и сборною памятью; мой ростовецъ былъ сидѣльцемъ на отчетѣ, унесъ выручку и бѣжалъ. Въ раскольничьихъ скитахъ нашелъ онъ пристанище и доселѣ шатался по разнымъ мѣстамъ, собирая подаяніе.

Это приключеніе разсмѣшило и утѣшило моихъ гостей; тутъ уже подлогъ съ моей стороны былъ невозможенъ, и они убѣдились въ основательности моихъ познаній по части отечественнаго языковѣдѣнія.

XXI.

СМОТРИНЫ И РУКОБИТЬЕ.

Въ нашей губерніи есть, какъ вамъ безъ сомнѣнія извѣстно, небольшой, но довольно пріятный городокъ *Козогорье*. Онъ потому небольшой, что невеликъ; а невеликъ онъ потому, что мало охотниковъ въ немъ строиться; а мало охотниковъ строиться потому, что невыгодно; а невыгодно потому, что каждый домъ о пяти или семи окнахъ занимается лазаретомъ или швальней, — что впрочемъ, по увѣренію градскаго главы, вскорѣ будетъ отмѣнено введеніемъ равномѣрной денежной квартирной повинности, — на каковой конецъ и существуетъ уже въ Козогорьѣ, съ 1817 года, особый комитетъ объ уравнительной раскладкѣ. Поэтому и нѣтъ сомнѣнія, что городъ вскорѣ обстроится весьма порядочно; итакъ, оставимъ это. Пріятнымъ я назвалъ его не по той же причинѣ, по которой онъ не обстраивается, а совсѣмъ по другой; мѣсторасположеніе, какъ выражался одинъ уволенный отъ службы

учитель математики, было преблагопріятное; благорастворенность стихій земныхъ, а наипаче небесныхъ, наиблагословеннѣйшее, особенно если доводилось пройти не по задамъ,— и рѣка рыбная.

Въ этомъ городкѣ, Козогорьѣ, поселились уже съ незапамятныхъ временъ два врага-товарища, которыхъ даже Богъ свелъ — вѣроятно ради христіанской мировой, которая однакоже доселѣ все еще не могла состояться, — свелъ на одну улицу и на одинъ проулокъ, то есть съ угла нà уголъ. Тутъ стояли, въ ожиданіи грядущихъ временъ, о коихъ мы говорили выше, двѣ такія жалкія лачужки, что ихъ даже не брали подъ барабаннаго старосту со школой его, а развѣ изъ нужды совали въ нихъ по нѣскольку человѣкъ отказныхъ фурлейтовъ. Обѣ лачужки эти сильно покачнулись въ основаніи своемъ, вѣроятно раздѣляя чувство взаимной ненависти своихъ хозяевъ, потому что покачнулись въ разбѣжку другъ отъ друга и глядѣли врозь. Такъ какъ онѣ были выстроены во время оно помимо всякаго помышленія о планѣ и фасадѣ, то починка ихъ была строго запрещена хозяевамъ и для острастки на воротахъ огромными черными цыфрами выставленъ годъ, въ который онѣ предположены были къ сломкѣ. Предположеніе это, по благости Провидѣнія, не состоялось, какъ надобно было по крайней мѣрѣ заключить изъ самой надписи этой, хотя она была очень грозна; но какъ цыфры эти означали одинъ изъ давно прошедшихъ годовъ, а прошедшимъ временемъ никто, даже самъ городничій въ Козогорьѣ, не располагаетъ, то и выходило на повѣрку, что обѣ лачужки эти, на зло

судьбѣ своей, все еще стояли на старыхъ мѣстахъ, другъ противъ друга, подвергаясь впрочемъ дѣйствію и благорастворенности земныхъ и прочихъ небесныхъ стихій, противу коихъ хозяева не смѣли принимать никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ.

Два лица, о которыхъ мы говоримъ и которымъ принадлежали эти двѣ избушки, были оба люди довольно пожилые, однолѣтки впрочемъ, даже нѣкогда товарищи по семинаріи, потомъ товарищи по званію, какъ вышедшіе изъ духовнаго званія и посвятившіе себя образованію послѣдующаго за ними поколѣнія, оба холостяки и наконецъ оба бывшіе учители уѣзднаго училища. Я бы могъ преслѣдовать сходство это еще далѣе, сказавъ, напримѣръ, что они оба были довольно лысы, оба по разу или по два въ году допивались до чортиковъ, оба любили дразнить мимоходомъ собакъ; но я лучше укажу на разницу ихъ другъ отъ друга, потому что это поведетъ насъ къ разрѣшенію причины этой загадочной ненависти и взаимной вражды.

Кондратій Семенычъ до старости остался вѣренъ своему званію, посвятивъ себя преимущественно наукамъ, и въ особенности наукамъ точнымъ, отвлеченнымъ. Онъ не терпѣлъ никакого корыстнаго примѣненія или приложенія этихъ наукъ и больно бивалъ палями учениковъ за всѣ клонящіеся къ подобному кощунству вопросы. Поэтому онъ и ненавидѣлъ вопросъ о вѣчномъ движеніи и никогда имъ не занимался; но зато давно уже разрѣшилъ квадратуру круга и раздѣлилъ уголъ на три части. Кондратія Семеныча и

не называли иначе въ цѣломъ Козогорьѣ, какъ плѣшивымъ математикомъ.

Филиппъ Иванычъ училъ въ былое время всему, чему его учить заставляли, но только по казенной надобности: для себя онъ исключительно занимался изящными предметами, то есть скрипкой. Это была его страсть, и онъ за нею позабывалъ все, почему его въ Козогорьѣ и называли плѣшивымъ музыкантомъ. Онъ былъ всегда веселъ, говорилъ просто и считался пріятнымъ собесѣдникомъ,— тогда какъ Кондратій Семенычъ, напротивъ, расхаживалъ всегда и вездѣ будто въ классахъ уѣзднаго училища, передъ тремя скамьями мальчишекъ, то есть чинно, степенно и даже отчасти грозно; а говорилъ онъ такимъ отборнымъ языкомъ, что когда ему случалось приходить за какою-нибудь покупкою въ козогорскій гостиный дворъ, гдѣ было лавокъ до восьми, то всѣ сидѣльцы сходились около него, чтобы послушать его отборныхъ рѣчей. Мало того: этотъ человѣкъ пріобрѣлъ постепенно такой вѣсъ и вліяніе на сидѣльцевъ, что они старались подражать ему въ разговорѣ и, нахватавшись отъ него разныхъ преученыхъ и превысокихъ словъ, разсыпались ими передъ неучеными покупательницами. Они, напримѣръ, уже не изъяснялись иначе, выхваляя ситецъ или бумажный набивной платокъ, какъ: «прерѣдкостнѣйшій товаръ, самоизобличительнѣйшей красоты; купите, сударыня матушка, то есть что называется пречудовно благодарны быть изволите.»

Что касается до природнаго нрава соперниковъ нашихъ, то я скажу только одно: оба они охотно дразнили по ули-

цамъ собакъ,— это я уже сказалъ; но теперь поясню, что плѣшивый музыкантъ дѣлалъ это, забавляясь довольно гласно, то есть залаявъ мимоходомъ вслухъ на сонную собаку и испугавъ ее или замахиваясь на нее палкою; плѣшивый математикъ, напротивъ, уськалъ только изподтишка, замѣтивъ, что никого по близости не было, или, заглянувъ напередъ мимоходомъ въ калитку и удостовѣрившись, что людей на дворѣ нѣтъ, толкалъ тростію въ ворота, а самъ чинно проходилъ своимъ путемъ, будто и не зналъ о чемъ идетъ рѣчь, когда собака бросалась съ остервенѣніемъ въ подворотню.

Согласно съ этими естественными наклонностями, Кондратій Семенычъ и ходилъ постоянно въ темномъ долгополомъ сюртукѣ, въ высокомъ галстухѣ на костичкахъ и самъ былъ довольно высокаго росту; Филипъ Иванычъ, напротивъ, былъ нѣкогда рыжеватъ, а росту остался и понынѣ поменьше средняго, съ подгибными колѣнями, съ косолапыми, выворотными ладонями, сапогами съ кисточками, синимъ вовсе проношенномъ фракѣ и съ измятой круглой шляпой.

Какъ только, бывало, пріятный городъ Козогорье освѣтится утреннимъ солнцемъ, то музыкантъ нашъ бралъ въ руки смычокъ и скрипку — а этой мебелью у него были увѣшаны всѣ стѣны — подходилъ къ открытому окну и, распустивъ пять пальцевъ по самой отчаянной апликатурѣ, начиналъ корчить соловья. Черезъ полторы минуты, хоть по часамъ повѣрить, являлся у своего окна, насупротивъ, математикъ и, покачивая головой, произносилъ, выдвинувъ

подъ конецъ рѣчи подбородокъ: «Чтобъ тебѣ въ квинту высохнуть!» Затѣмъ онъ поспѣшно закрывалъ окно, между тѣмъ какъ музыкантъ, уловивъ это самое мгновеніе, кричалъ сосѣду черезъ улицу: «Чтобъ тебѣ угломъ подавиться!» Этимъ бесѣда ихъ обыкновенно оканчивалась; изрѣдка только разговоръ становился нѣсколько крупнѣе, но вообще Кондратій Семенычъ держалъ себя на благородной дистанціи, а потому и не считалъ приличнымъ входить въ дальнѣйшія перебранки; но на слѣдующее утро слышалось опять то же обоюдное привѣтствіе; такъ что сосѣди, вмѣсто того, чтобы спросить: а что, есть ли седьмой часъ? — спрашивали вмѣсто того: а что, бранились плѣшивые или нѣтъ еще?

И домочадцы ихъ жили точно въ такомъ же ладу. У Филиппа Иваныча была въ домѣ работница, которая стряпала, хозяйничала, дворничала, носила воду и получала за это по полтинѣ серебра въ мѣсяцъ; у Кондратія Семеныча, напротивъ, хозяйство устроено было на болѣе тонкомъ основаніи: онъ пустилъ къ себѣ жильцовъ, сдѣлавшись самъ ихъ нахлѣбникомъ и обязавъ бабу отправлять вышереченныя обязанности въ домѣ безплатно и еще сверхъ того по разу въ мѣсяцъ носить продавать по домамъ дѣтскія игрушки, на выдѣлку которыхъ онъ былъ большой искусникъ. Когда же приходилъ праздникъ или ожидалось въ Козогорьѣ губернское начальство и кто-нибудь изъ членовъ почтеннаго семейства полицейскаго хожалаго, городоваго, разсыльнаго и базарнаго обходилъ по дворамъ со строгимъ обвѣщеніемъ подмести улицу, то каждый разъ

случалось вотъ что: лукавый Кондратій Семенычъ выжидалъ изподтишка — и къ этому уже приметалась хозяйка и дворничиха его — выжидалъ, говорю, чтобы работница Филиппа Иваныча вышла первая съ метлой на улицу и подмела чистенько свою половину, перекидавъ при этомъ всѣ кости, камни и битые кирпичи на сторону математика; тогда только выходила со двора его толстая бабища, съ метлою въ рукахъ, начинала разметать свою половину улицы и перекидывала могучею рукою всѣ кости, кирпичи и каменья на ту половину, присоединивъ къ этому еще, въ видѣ роста за услугу, пару отопковъ или что-нибудь въ этомъ родѣ. Затѣмъ, разумѣется, выходила и работница плѣшиваго музыканта за тесовыя ворота, и начиналась страшная, неумолчная брань; крикъ этотъ подзывалъ къ окнамъ господъ, которые вмѣшивались въ бесѣду домочадцевъ своихъ и наконецъ расходились опять, пожелавъ другъ другу высохнуть въ квинту и подавиться угломъ.

И твари домашнія непріятелей нашихъ жили въ такихъ же точно взаимныхъ отношеніяхъ, какъ и господа ихъ. Лишь только, бывало, пестравка — то есть корова — математика выкажетъ бѣлобрысое рыло свое изъ воротъ на улицу, въ намѣреніи пойти прогуляться немного на бульваръ, какъ лягавый песъ музыканта бросался на нее очертя голову, захлестывая самъ себѣ глаза огромными ушами своими, и подымалъ такой отчаянный лай, что музыкантъ и математикъ снова сталкивались у оконъ своихъ — и, какъ второй никогда не упускалъ этого случая, чтобы пожелать

первому высохнуть въ квинту и съ собакой его, то этотъ также не оставался въ долгу, посуливъ тому подавиться угломъ и съ коровой.

Причина такой глубокой вражды двухъ доблестныхъ мужей крылась по всей вѣроятности въ различіи ихъ нравовъ, о чемъ мы уже достаточно разсуждали, по поводу объясненія свойственнаго каждому изъ нихъ способа дразнить собакъ. Филиппъ Иванычъ кричалъ уже много лѣтъ по всему Козогорью, что Кондратій Семенычъ преестественный подлецъ и всегда обносилъ его, Филиппа Иваныча, въ глазахъ начальства, надѣясь тѣмъ выслужиться, хотя это ему и не удалось, прибавлялъ всегда къ этому Филиппъ Иванычъ, и онъ, какъ человѣкъ крайне буйный во время пьянства, вынужденъ былъ оставить службу еще напередъ меня; Кондратій Семенычъ, напротивъ, разсказывалъ подъ шумокъ или по крайней мѣрѣ насупивъ съ высокостепенностію брови свои и поджимая губы, что Филиппъ Иванычъ всегда бывалъ негодяемъ, небрегъ службою, занимался богопротивнымъ скоморошничествомъ, нетерпимымъ даже и начальствомъ, не смыслилъ ни аза въ глаза, хотя и преподавалъ съ неизъяснимымъ безстыдствомъ не только древнюю исторію, но даже и математику, о которой ему лично свойственны до того преограниченнѣйшіе способы понятій, что онъ предполагаетъ возможность подавиться математическимъ угломъ, то есть отвлеченнымъ, вещественнымъ понятіемъ. Къ тому же, присовокуплялъ Кондратій Семенычъ, этотъ прежалчайшій невѣжда, какъ всякому извѣстно, ведетъ самую наипредосудительнѣйшую жизнь и

когда пьетъ, то располагается навзничъ, обрѣтаяся въ безпамятствѣ.

По Козогорью проворила, по части обстоятельныхъ дѣлъ, какъ называлъ ихъ математикъ, то есть по устроенію супружескаго благополучія, одна почтенная вдова, унтерша Кузминична; а въ какомъ-то углу Козогорья нашелся лежалый товаръ, который понадобилось спустить съ рукъ. Послали за Кузминичной и поставили ей чашку чаю. Она, какъ водится, сперва много жаловалась на тяжелыя времена, удручающія жениховъ и отбивающія у нихъ охоту жениться; потомъ посредствомъ нѣсколькихъ полутоновъ сдѣлала приличный переходъ къ тому, какихъ дрянныхъ жениховъ высватываютъ нынче другія старательницы, съ подведеніемъ разительныхъ примѣровъ; отъ этого уже ей легко было перейти къ причинѣ такихъ дурныхъ выборовъ, то есть къ неумѣнью, незнанію дѣла и плохому старанью свахъ, прибавить, что конечно все на свѣтѣ можно, только постараться надо, не пожалѣвъ хлопотъ и башмаковъ, которые стали нынче очень дороги, и наконецъ повершить дѣло таинственнымъ увѣреніемъ, что у нея даже есть на примѣтѣ женихи и такіе и сякіе, — словомъ, всѣхъ сортовъ, будто она держала ихъ во всякое время въ запасѣ цѣлый подборъ. Чай выпитъ, полтина на башмаки получена, необходимыя свѣдѣнія о приданомъ и другихъ условіяхъ забраны, и старательница отправилась домой.

Подумавъ немного, сваха подъ вечеръ отправилась къ Кондратію Семенычу, и, пошептавшись съ постоялкою его, передала ей гостинца для ребятъ и просила удостоиться

благосклоннаго лицезрѣнія хозяина. Сваха эта никогда не ходила въ дома иначе, какъ съ задняго крыльца; поэтому она и тутъ напередъ задобрила постоялку его.

— Что, матушка Анна Кузминична, скажете? спросилъ, охорашиваясь, старый холостякъ, предвидя уже о чемъ пойдетъ рѣчь.

— Провѣдать пришла, батюшка, больше ничего, только провѣдать. Каково-то вы ноченьку почивать изволили?

— Слава Богу; смущаютъ меня, правда, умозаключительные выводы пречистѣйшей и преотвлеченнѣйшей науки, но наивящше преогорчаетъ наипреосудительнѣйшее поведеніе, изъ числа поступковъ одного ненавистнѣйшаго, богопротивнѣйшаго человѣка; математика же не преогорчаетъ, но преободряетъ и процвѣтаетъ.

— Вотъ точно,—продолжала Кузминична по заготовленному ладу, не понявъ вовсе, что тотъ сказалъ, да и не заботясь объ этомъ:—вѣдь это все знаю отчего; одному-то вотъ и скучно и нелюбо, и ночи не спится, и дома не сидится; одинъ — что такое? одинъ и въ полѣ не воинъ, одному и у каши не споро! а вотъ бы молодую хозяйку въ домъ, да хорошую, такую то-есть, чтобы самую хорошую, кровь съ молокомъ, да еще съ *пачкой*, такъ бы оно вышло житье-то не вытье, а житье масляница!

Кондратій Семенычъ прошелся по комнатѣ, заложивъ руки за спину, потомъ сталъ противъ Кузминичны, вытянулся во весь ростъ, провелъ ладонью снизу вверхъ по бородѣ и сказалъ: «Соотносительность лѣтосчисленія не

утрачена еще; душа преобладаетъ и бодрствуетъ. А что думаете, Анна Кузминична, это дѣло пресбыточное?»

— Какъ, батюшка, несбыточное — только меня держись, меня горемычной не покидай, безъ меня бѣда будетъ; сами знаете, нынѣ вѣдь все на одних обманахъ проживаютъ, говорятъ: живутъ же люди неправдой, такъ и намъ не лопнуть стать; а у меня не такъ, батюшка, у меня все по правдѣ. Не заносись только, батюшка мой родимый, а невѣста будетъ преотличная, то есть отобьемъ у всякаго; извѣстно, вѣдь ужь и вы, ни слова, что прехорошій женихъ, — а все съ изъянцемъ, ужь насупротивъ того, что человѣкъ бы молодой и видный, напримѣръ, непьющій и съ хорошимъ достаткомъ.... да нужды нѣтъ, ужь ты только на меня отдайся; я такое разодолженіе тебѣ найду, что пальчики оближешь!

— А напримѣръ? — спросилъ математикъ, улыбнувшись самымъ старательнымъ образомъ.

— И привѣтлива, и ухитлива, — пустилась причитывать Кузминична; — и козырная кралечка собой, тише воды, ниже травы, а въ люди повести куда угодно не стыдно; и благостынька есть: свой сундукъ, по шести штукъ бѣлья, все полотняное; четыре платья, два платка, третій вязаный, — своей работы.... а ужь рукодѣльница какая! Салопъ хорошихъ подлисковъ, — я все правду говорю, безъ обману, какая есть, — мантонъ лѣтній, серьги — однѣ свои, другія ваши будутъ — посудка на обзаведеньице, гребенка получерепаховая....

— Да говорите предварительнымъ способомъ,—перебилъ ее нетерпѣливый женихъ: — изъ чьихъ?

— А нельзя сказать этого никакъ, много захотѣлъ; этакъ не долго дѣвку ославить, а тамъ хоть вызолоти, куда съ нею? Ну, самъ посуди, послѣ тебя-то кто ее возьметъ? Нѣтъ; ужь ты коли вѣришь, такъ вѣрь; я говорю прямо, безъ обману: а ручки-то какія, а ножки-то.... такъ вотъ ходитъ, изъ милости только что травки-муравки дотыкается.... то есть пава павой, лебедь лебедемъ!

— Ну, такъ что же, на смотринахъ пообстоятельствуемъ, что ли?

— Какія тебѣ, отецъ мой, смотрины! не такой домъ надо, вѣдь разбирать людей, вотъ вѣдь и я бы къ тебѣ не пришла теперь, кабы не знала въ тебѣ добродѣтели; пожалуй, охотниковъ-то вѣдь много, только имъ свисни, да я знаю сама, что человѣкъ, что одно названіе человѣка: а ты мнѣ отдайся, такъ небось, отобьемъ всѣхъ; ужь тутъ смотрѣно все безъ тебя, я спроста не пришла бы къ тебѣ; а по рукамъ, такъ по рукамъ; тогда скажу на ушко, какъ и чествовать, и пойдемъ на обрученье. А ужь какъ благодарить будешь.... то есть что твоя малина!

Кондратій Семенычъ прошелся по комнатѣ, вспомнилъ, какъ ему музыкантъ будетъ завидовать въ счастіи, и согласился. Сваха назначила рукобитье на третій день; долго еще разсыпалась въ причитаньѣ, выпросила сахарцу и полтину на башмаки и обѣщала навѣдываться до послѣзавтраго почаще, чтобы женихъ не скучалъ.

Прямымъ трактомъ отъ Кондратія Семеныча, Кузминична

отправилась въ домъ родителей невѣсты и послѣ предварительнаго широковѣщательнаго хвастовства о своемъ умѣньѣ, удивила ихъ извѣстіемъ, что дѣло уже на мази, что смотринъ, пожалуй, и не будетъ, а послѣ завтра, коли угодно, рукобитье.

Между тѣмъ рядомъ съ этимъ происшествіемъ и рука объ руку съ нимъ шло другое, впрочемъ довольно подобное ему. Дѣло въ томъ, что на Козогорьѣ выискалась въ недавнемъ времени какая-то вдова Терентьевна, неизвѣстнаго происхожденія, которая осмѣливалась уже не разъ дѣлать попытки, чтобы отбить у Кузминичны хлѣбъ. По первымъ бойкимъ пріемамъ видно было, что она можетъ сдѣлаться опасной соперницей для Кузминичны, за которою было впрочемъ и старшинство по промыслу, и знаніе дѣла, и обычай, и самое довѣріе общества. Поэтому Кузминична, обѣщавшись при первой встрѣчѣ наплевать ей въ глаза, ходила уже къ городничему съ жалобой на нее, стараясь всѣми силами своего краснорѣчія убѣдить его въ томъ, что Терентьевнѣ такимъ дѣломъ заниматься стыдно, и что ее надобно пристыдить при всѣхъ добрыхъ людяхъ, для чего собственно она, Кузминична, и положила на мѣрѣ наплевать ей въ глаза.

Итакъ, эта Терентьевна, промышлявшая, какъ Кузминична говорила, самодурью, пронюхала какъ-то, что соперница ея была въ такомъ-то домѣ и тотчасъ же смекнула зачѣмъ. Въ надеждѣ насолить ей и отбить работу, Терентьевна, не долго думавъ и не зная кого та сватала, сама накинула глазомъ на плѣшивыхъ пріятелей нашихъ,

математика и музыканта; но какъ первый ей показался спѣсивымъ и недоступнымъ да и работница втораго приходилась одной знакомой ея сватьей, то она и отправилась къ Филиппу Иванычу. Это случилось повечеру на другой день послѣ сватовства Кузминичны.

Филиппъ Иванычъ игралъ на скрипкѣ веселую плясовую пѣсню, искусно подбивая щелчкомъ въ кузовъ своего гудка, когда Терентьевна прокралась черезъ дворъ его и вошла въ сѣнцы, намѣреваясь также зайти напередъ на женскую половину; но, услышавъ веселую, разудалую пѣсню, она вдругъ рѣшилась идти безъ дальнихъ обиняковъ прямо на приступъ; распахнувъ смѣлымъ пріемомъ двери въ комнату хозяина, она прямо ввалилась туда пляшучи, притопывая ногами и прищелкивая пальцами. Такой способъ заводить знакомства поразилъ нѣсколько Филиппа Иваныча; но когда онъ убѣдился, что женщина эта не пьяна и въ своемъ умѣ, то плачъ ея навзрыдъ, который послѣдовалъ за пляской, сильно тронулъ и поразилъ его, потому что она плакала по бѣдной, злосчастной дѣвицѣ, которая потеряла свой покой черезъ Филиппа Иваныча, ѣстъ не заѣстъ, спитъ не заспитъ, — словомъ, не можетъ безъ него ни жить, ни умереть. Если ты, злодѣй, наслалъ это на мою пташечку, косаточку, такъ прикажи снять, нето я тебѣ жить не дамъ на свѣтѣ.

Удивленный Филиппъ Иванычъ сталъ освѣдомляться обстоятельнѣе, едва помня себя отъ удовольствія, что онъ на старость лѣтъ свелъ съ ума такую прелестную дѣвицу. Черезъ полчаса у него стоялъ уже на столѣ самоваръ, Те-

рентьевна пила въ прикуску, а онъ, оправляя жалкіе остатки своихъ нѣкогда рыжихъ волосъ, просилъ только о томъ, чтобы вести дѣло какъ можно посекретнѣе и если оно пойдетъ на ладъ, то устроить его поскорѣе, чтобы не помѣшалъ Петровскій постъ.

Терентьевна вышла со двора заднею калиточкой, подъ проводами самого хозяина, прошла задами и полетѣла прямо въ домъ невѣсты. Тутъ она обошла сперва осторожно кругомъ, поглядѣла во всѣ щелочки ставней и, убѣдившись, что чужихъ нѣтъ, втерлась черезъ заднее крыльцо въ покой.

По первымъ словамъ Терентьевны: «матушка, я къ вамъ отъ добрыхъ людей пришла и за добрымъ дѣломъ», мать невѣсты тотчасъ же поняла, о чемъ тутъ пойдетъ рѣчь, и потому пригласила посланницу къ себѣ въ комнату и усадила. Она думала: запасъ не мѣшаетъ, особенно при такомъ незавидномъ женихѣ, каковъ былъ математикъ, который для мѣщанской дочери былъ дорогъ только какъ чиновный человѣкъ, какъ дворянская или покрайности полудворянская душа, также какъ у дочери ея была получерепаховая гребенка.

— Ну, матушка, отъ кого же вы? спросила хозяйка, когда притворила за собою дверь.

— Да отъ добрыхъ людей; сперва бы отъ васъ что-нибудь услышать, такъ можно бы потомъ и назвать.

— Ну, да хоть такъ намекните какъ-нибудь, а то вѣдь и мы не знаемъ что говорить: хоть изъ какихъ мѣстъ да какихъ примѣтъ скажите.

Такъ какъ улицамъ не было названья въ Козогорьѣ, то Терентьевна и должна была объяснить по тамошнему, ска-

завъ, что домикъ свой, угольный, выходитъ на двѣ улицы, а противъ угла колодезь.

— Ну, ну, подхватила хозяйка, чиновный? въ отставкѣ? съ лысиной? Ужь не въ первой порѣ? случается, что запиваетъ? домишко на боку? и годъ на воротахъ написанъ?— И когда, изумленная такою прозорливостію, Терентьевна не могла отрицать ни одной изъ этихъ примѣтъ, относя ихъ разумѣется къ своему суженому, между тѣмъ какъ та относила ихъ къ своему,—то хозяйка отвѣчала, по заведенному порядку: подумаемъ, матушка, подумаемъ,— прибавивъ къ этому еще, что этотъ суженый уже стучался въ наши ворота.

Слово: подумаемъ, въ этомъ случаѣ означаетъ согласіе; оно было сказано изъ одного только приличія, хотя, какъ читателю извѣстно, на завтра опредѣлено было уже рукобитье. Терентьевна, обрадовавшись этому, тотчасъ же пустилась на обычныя причитанья въ похвалу жениху, у котораго оказались при этомъ случаѣ: «руки съ подносомъ, ноги съ подходомъ, голова съ поклономъ, языкъ съ приговоромъ.»

— А карманы съ подкладкой? подхватила смѣючись хозяйка,— но, будто жалѣя сама объ этой рѣзкой остротѣ, прибавила:—ничего, матушка Агафія Терентьевна, такъ говорится, къ слову пришлось; а вы, скажите таки мнѣ по правдѣ, вы отъ него самого то-есть?

— Отъ него самого, матушка, и прямо вотъ оттуда пришла; чтобъ мнѣ руки и ноги отсохли!

— Ну, такъ что же, матушка,—какъ было сказано, такъ пусть и будетъ: милости просимъ на завтрашній вечеръ.... благодарствуемъ на стараньѣ....

У Терентьевны вскружилась голова отъ радости, что она отбила работу у соперницы своей; она разсыпалась въ похвалахъ и пожеланіяхъ, потребовала посмотрѣть хорошенько на невѣсту, чтобы описать жениху всю красоту ея, тарантила предъ нею четверть часа и пустилась прямо въ притруску, разумѣется опять по задамъ, къ Филиппу Иванычу, гдѣ задняя калитка была заперта; поэтому Терентьевна принуждена была перелѣзть черезъ заборъ.

На другой день въ урочное время женихи мои разодѣлись по мѣрѣ средствъ и возможности, и отправились по одному и тому же пути. Кондратій Семенычъ вышелъ первый и вскорѣ замѣтилъ, что ненавистный сосѣдъ за нимъ слѣдитъ. Онъ съ негодованіемъ остановился и заглянулъ на дворъ, гдѣ проходилъ, чтобы пропустить того мимо себя. Исполнивъ это очень ловко, онъ опять продолжалъ путь свой, но не могъ надивиться дерзости сосѣда, который теперь шелъ впереди, указывая ему дорогу. Когда они уже стали подходить къ воротамъ суженой, то Кондратій Семенычъ не утерпѣлъ: онъ сталъ браниться довольно громко и пустился огромными шагами въ перегонку за Филиппомъ Иванычемъ и остановилъ его уже въ воротахъ извѣстнаго намъ дома. Объясненіе ихъ началось бранью, съ которою они оба подвигались отъ воротъ къ крыльцу. Между тѣмъ вдогонку за ними подоспѣла Терентьевна, которая удосужилась разузнать, въ какой просакъ она попала, а потому и не посмѣла идти напередъ жениховъ въ домъ невѣсты, но рѣшилась появиться тамъ въ одно время съ своимъ женихомъ и смѣло вступить въ

состязаніе съ Кузминичной. Въ тоже время хозяинъ дома, бѣдный мѣщанинъ, который жилъ, какъ бо́льшая часть мѣщанъ нашихъ, неизвѣстно какимъ промысломъ, — вышелъ на крыльцо встрѣчать жениха, а за хозяиномъ выскочила и Кузминична, увидавъ въ окно приходъ незванныхъ и нежданныхъ, а гости также подошли со скромностію къ двери и къ окнамъ.

Какъ только хозяинъ показался на крыльцѣ и, сложивъ чинно руки на животѣ, сталъ раскланиваться въ недоумѣніи съ двумя сужеными, то Кузминична, вскинувшись на Терентьевну, рѣзкимъ и внятнымъ полуголосомъ стала бранить ее и спрашивать, зачѣмъ и по какому праву она пожаловала и къ чему привела съ собою этого безстыднаго пьяницу, т. е. Филиппа Иваныча, тогда какъ тутъ сошлись за добрымъ дѣломъ одни только добрые люди, и притомъ почетные, какъ вотъ Кондратій Семенычъ. Терентьевна не осталась въ долгу, обругавъ и Кузминичну и суженаго ея, и затѣмъ ухватила своего Филиппа Иваныча за руку и безъ обиняковъ потащила его на крыльцо; Кузминична съ своей стороны поспѣшила поступить точно такимъ же образомъ съ Кондратіемъ Семенычемъ; и какъ обѣ четы столкнулись на крыльцѣ, то незастѣнчивая Терентьевна и нашлась вынужденною поймать Филиппа Иваныча за фалды и стащить его внизъ. Тогда Кузминична въ свою очередь толкнула Кондратія Семеныча въ грудь, и онъ, падая, наткнулся прямо на своего ненавистника, который поспѣшилъ удалить его отъ себя сильнымъ толчкомъ своего колѣна. Съ четверть часа времени крупныя объясненія продолжались, на

крыльцѣ, обѣими свахами, а передъ крыльцомъ — женихами. Умирительныя рѣчи и поклоны хозяина, а равно и увѣщанія нѣкоторыхъ, болѣе расторопныхъ гостей, всѣ ушли на вѣтеръ, ихъ никто не слушалъ и даже не слыхалъ. Всякій изъ четырехъ дѣйствующихъ лицъ былъ занятъ собою и собственною своею бесѣдою. Жители Козогорья уже начинали сходиться у воротъ и тѣсниться на дворъ невѣсты; свахи, посчитавшись между собою почти въ рукопашную, обѣ наконецъ разбранили хозяина и хозяйку, плюнули на крыльцо проклинаемаго ими дома и ушли со двора. Женихи, оба крайне обиженные такимъ соблазномъ и позоромъ, сдѣлали тоже, и Кондратій Семенычъ повернулъ изъ воротъ налѣво, рѣшившись лучше дать значительный кругъ, лишь бы не идти вмѣстѣ съ врагомъ своимъ Народъ раздался, разступился, когда молодые приблизились къ воротамъ, нѣкоторые смотрѣли вслѣдъ за ними, другіе опять сомкнули кругъ и разинули рты, глядя на опѣшившаго хозяина и недоумѣвающихъ гостей его; но вскорѣ всѣ разошлись, и въ домѣ затихло.

Съ этого времени два соперника возненавидѣли другъ друга до такой степени, что оба заколотили досками окна, бывшія насупротивъ одни другихъ, въ переулокъ. Шаткія лачужки, съ годомъ сломки на воротахъ и съ ветхими кровлями, приняли отъ этого еще болѣе унылый и разоренный видъ; а ежедневныя пожеланія о томъ, чтобы одному высохнуть въ квинту, а другому подавиться угломъ — прекратились.

XXII.

РУСАКЪ.

У нѣмца на все струментъ есть, говоритъ пословица, которая неоспоримо доказываетъ, что русскій любитъ браться за дѣло какъ можно проще, безъ затѣйливыхъ снарядовъ. — Бей русскаго, часы сдѣлаетъ, говоритъ другая, намекая на то, что нужда хитрѣе мудреца, и что неволя учитъ и ума даетъ. Но коли тотъ, о комъ идетъ рѣчь, въ нуждѣ и часы сдѣлаетъ — верхъ премудрости человѣческой, то стало быть у него догадливости и досужества станетъ на это, была бы нужда либо охота, воля или неволя; но какъ охота пуще неволи, то надо быть и ея иногда достаточно, для подстреканія смышлености и догадливости нашего сметливаго народа.

Кто не знаетъ Телушкина, сметливости и смѣлости его, удивившей въ свое время весь бѣлый свѣтъ? Тонкій и высокій Адмиралтейскій шпиль въ Петербургѣ, который еще

недавно въ глазахъ нашихъ для починки обставленъ былъ цѣлымъ лѣсомъ лѣсовъ,—потребовалъ и въ то время какой-то, менѣе значительной починки; но само собою разумѣется, что на вершину шпиля, на эту иглу, одѣтую сверху до низу вызолоченнымъ листовымъ желѣзомъ, нельзя иначе попасть, какъ обгородивъ ее цѣлымъ городомъ лѣсовъ, отъ земли до самаго кораблика: издержки огромныя, въ работѣ и въ припасахъ. Простой работникъ, кровельщикъ, былъ при разсужденіяхъ объ этомъ, слышалъ о торгахъ, о совѣщаніяхъ подрядчиковъ, пошелъ осмотрѣть еще разъ на глазомѣръ шпиль и узнать, высоко ли можно будетъ подняться внутри его, въ пространствѣ трехъ мачтовыхъ деревъ, составляющихъ иглу, и сообразивъ все это, явился самъ на торги и предложилъ сдѣлать требуемую поправку не за десятки тысячъ рублей, а за нѣсколько сотъ, сколько пожалуютъ изъ милости. Подумавъ, согласились; но никто не вѣрилъ успѣху. Кровельщикъ отправился въ шпиль, поднялся по желѣзнымъ скрѣпамъ между тремя мачтовыми деревьями до самаго нельзя, тамъ сдѣлалъ осторожно окошечко, вынувъ желѣзный листъ — высунулъ голову и посмотрѣлъ на Питеръ. Насмотрѣвшись, онъ примостился, сталъ твердою ногою снаружи шпиля, закинулъ веревку, размахавъ ее, вокругъ шпиля, поймалъ другой конецъ, пронялъ въ него веревку удавкой или петлей, затянулъ ее и, подымая шестомъ постепенно все выше и выше, продолжалъ затягивать, не давая ей опускаться внизъ. Кончивъ пріемъ этотъ, онъ опоясался концомъ этой веревки, соскочилъ во славу Господню на вольный свѣтъ, будто хотѣлъ

полетѣть, и, цѣпляясь босыми ногами за почти отвѣсный шпиль, пошелъ улиткой вокругъ него, подымая шестомъ обороты веревки какъ можно выше и ложась вѣсомъ всего тѣла прочь отъ шпиля, на воздухъ, чтобы натягивать веревку. Такимъ образомъ онъ, обвивая веревку вокругъ шпиля и укорачивая ее этимъ, подымался все выше и выше; тамъ примостился снова, какъ ласточка съ гнѣздомъ своимъ, снаружи шпиля, опять закинулъ оттуда веревку петлей и кончилъ тѣмъ, что добрался до верхушки, до желѣзнаго стержня, на которомъ стоитъ знаменитый корабликъ. Привязавъ къ этому мѣсту стремянку (веревочную лѣстницу), мой кровельщикъ сѣлъ отдыха́ть и смотрѣлъ на подножный Петербургъ глазомъ побѣдителя. Весело было ему теперь оглянуться! Въ нѣсколько дней починка была окончена, лѣсенка снята, окно завинчено и всѣ незатѣйливые снаряды убраны!

Въ одномъ изъ вѣковыхъ зданій, въ огромномъ и великолѣпномъ соборѣ, надо было приступить къ расཔискѣ свода. Трудность этого дѣла, для зодчаго и живописца, можетъ понять только тотъ, кто обниметъ глазомъ огромность этого пространства, по всѣмъ размѣрамъ; но затрудненіе еще тѣмъ увеличивалось, что нельзя было уставить все пространство лѣсами, какъ полагали ученые зодчіе, и покрыть помостомъ, потому-что живописцы требовали свѣту, который падалъ изъ оконъ, снизу, и требовали еще простора для глаза, открытаго вида. Какъ тутъ быть? Задача состояла въ томъ, чтобы устроить лѣса такого рода, которые давали бы полную свободу приступиться къ любой

точкѣ огромнаго свода, а притомъ не застили бы снизу и съ боковъ и оставляли бы всегда столько простора передъ каждой картиной, чтобы можно было, во время работы разсматривать ее на разстояніи саженъ десяти. Мудрецы зодчаго дѣла исчертили нѣсколько листовъ саженной бумаги, придумывая самое хитрое устройство подмостковъ, а живописцы все качали головой, увѣряя, что это не годится, и что имъ такъ писать потолка нельзя. Слыша всѣ толки эти, одинъ изъ простыхъ работниковъ долго стоялъ, снявъ шапку, задравъ голову и почесывая въ затылкѣ, и наконецъ рѣшился подойти, не къ зодчему, разумѣется, а къ живописцу, и предложить скромно то, что́ самъ придумалъ: по окружному карнизу подъ сводомъ положить ровную деревянную настилку; перекинуть отъ одной точки окружности до другой, въ видѣ поперечника, мостикъ съ перилами, подвѣсивъ его для помощи за средину цѣпью къ самой вершинѣ свода, гдѣ для этого пропустить въ небольшія окна два надежныхъ бревна накрестъ; подъ обѣ оконечности мостика подвести чугунныя медвѣдки или колеса, которыя бы могли кататься по настилкѣ карниза, — и дѣло кончено. Тогда легко будетъ подвигать помостъ рычагомъ по всей окружности, устроивъ на немъ подвижную лѣсенку съ сидѣньемъ; все пространство свода остается пустымъ, не загроможденнымъ, доступъ свѣта свободенъ со всѣхъ сторонъ, а разсматривать можно картину, отходя по мостику до противнаго конца поперечника.

Я уже разсказалъ, помнится, гдѣ-то, какъ десятокъ нашихъ мужиковъ или извощиковъ, возившихъ товаръ на

лейпцигскую ярмарку, удивили нѣмцевъ въ какомъ-то городкѣ, взявшись окрасить высокій, многоярусный домъ, съ такими малыми затѣями и издержками, что весь городъ сходился дивиться и любоваться этимъ необычайнымъ дѣломъ. Цеховые нѣмецкіе баумейстеры, сошедшись на торги къ хозяину дома, просили большую цѣну, сообразную съ ихъ способомъ обѣлки и окраски, а они для этого ставятъ лѣса и дѣлаютъ помосты вокругъ всего зданія, до самаго верху, какъ у насъ при постройкѣ домовъ. Мужички мои, которые смолоду бывали, кто сапожникомъ, кто мостовщикомъ, долго стояли у воротъ заѣзжаго дома, насупротивъ котораго все это дѣялось, и когда хозяинъ не сошелся съ мастерами въ цѣнѣ, то наши и стали поговаривать, что дѣло это можно бы сдѣлать вдвое дешевле противъ нѣмцевъ. Слово-за-словомъ, ихъ вызвали принять на себя работу, а они, посовѣтовавшись между собою, ударили по рукамъ. Приставивъ съ одной стороны обычный *костыль* нашъ, котораго за-границей и не знаютъ, подвѣсивъ съ другой *койку*, которая спускается и подымается на веревкѣ, на которой внизу стоитъ одинъ работникъ, ради безопасности висѣльника,—да выставивъ изъ оконъ верхнихъ ярусовъ тутъ и тамъ по плахѣ, на которую одинъ садится верхомъ внутри окна, а другой снаружи, — мои мастеровые окрасили домъ, къ большому изумленію и даже соблазну туземцевъ, а особенно каменьщиковъ или бѣлильщиковъ, которые подали просьбу на такое нарушеніе цеховыхъ правъ и заставили хозяина уплатить за это значительную пеню. Дешевое доводитъ до дорогаго.

Огромный колоколъ, въ саженныхъ размѣрахъ, былъ отлитъ за нѣсколько сотъ верстъ отъ Петербурга, куда его слѣдовало доставить. Не столько огромный объемъ, сколько вѣсъ его чрезвычайно затруднялъ дѣло: никакой лѣтній ходъ, т. е. оси и колеса, не могли бы выдержать такой тяжести, а на зимнемъ ходу, на полозьяхъ, ее нельзя стащить съ мѣста, потому-что она *прилипаетъ*, какъ крестьяне выражаются, т. е. отъ непомѣрнаго давленія своего не только врѣзывается въ снѣгъ до земли, но и останавливается на-мертво на каждомъ сучкѣ или камешкѣ, который попадается на дорогѣ, и забивается въ самое дерево полоза. Нашелся однако же крестьянинъ, который принялъ на себя съ торговъ доставку, за весьма умѣренную плату, и всѣ отступились, полагая, что онъ поплатится залогомъ. Но онъ ухитрился очень просто и сдѣлалъ свое дѣло какъ нельзя лучше: онъ положилъ колоколъ бокомъ, приподнялъ и подперъ уши такъ, чтобы ось колокола лежала по уровню; затѣмъ онъ придѣлалъ, со стороны ушей, большой деревянный кругъ, того же размѣра, какъ и самое жерло колокола, которое также накрылъ такимъ кругомъ; обшивъ всю поверхность между двумя днами или кругами этими толстыми досками и вставивъ въ средину того и другаго дна по желѣзному стержню, вмѣсто оси, онъ сдѣлалъ изъ колокола огромный катокъ, который не слишкомъ тяжело было катить по дорогѣ, заложивъ нѣсколько десятковъ лошадей за каждый конецъ оси. Ломки не было никакой, и колоколъ прибылъ благополучно къ сроку на мѣсто своего назначенія.

Лѣтъ тому тридцать, помню я, ставили у насъ два дорогія мраморныя, конныя изваянія. Подножія, вышиною сажени полторы, были изготовлены, и ученый мастеръ, французъ или итальянецъ, принялся за дѣло: поставили лѣса, которые для прочности и связи были довольно обширны; укрѣпили стрѣлы, въ родѣ крановъ, которыми ставятъ мачты въ суда; придѣлали на вершинѣ ихъ блокъ и стали подымать воротомъ мраморную лошадь съ человѣкомъ. Хлопотъ было много, но дѣло шло кой-какъ, покуда не пришлось поворачивать стрѣлы въ сторону, чтобы приподнятое на вѣсу изваяніе поставить на стояло: тогда, по какой-то неосторожности, ударили задомъ лошади объ лѣса и отбили ей ногу. Тотчасъ приказано было опустить драгоцѣнную статую опять на землю, а француза прогнали. Одинъ изъ работниковъ, не стерпѣвъ, вышелъ и сталъ просить, чтобъ ему позволили поставить оба изваянія на стояла, сказавъ, что ихъ и не слѣдовало вовсе вынимать изъ ящиковъ, и что дѣло это, такъ и такъ, можно сдѣлать гораздо проще и безопаснѣе. Согласились. Онъ настлалъ изъ толстыхъ досокъ на козлахъ откосъ, съ поверхности каждаго подножія до земли, поставилъ ящики, гдѣ уложены были изваянія, на медвѣдки, и закинувъ за нихъ веревку, вскатилъ ихъ въ ручную на мѣсто. Тамъ разобрали ящики, приподняли поддоны рычагами и вынули изъ-подъ нихъ дно ящика съ медвѣдками. Дѣло было кончено, и статуи стоятъ по нынѣшній день.

Строили манежъ въ самыхъ огромныхъ размѣрахъ, весь на желѣзныхъ скрѣпахъ, переводинахъ и стропилахъ. По-

толочныя переводины или балки были составныя и подвѣшивались къ кровельнымъ лѣсамъ. Одинъ изъ подрядчиковъ, ярославскій крестьянинъ, сказалъ зодчему, что въ погибѣ переводинъ мало запасу и надо его прибавить почти на вершокъ, иначе потолокъ сядетъ и будетъ провѣсъ. Зодчій повѣрилъ еще разъ вычисленія свои, нашелъ ихъ вѣрными и спросилъ стараго, опытнаго мастера, на чемъ онъ основываетъ свое мнѣніе? — Но какъ этотъ ничего не могъ сказать, кромѣ того, что будетъ провѣсъ; воля ваша, а будетъ, прибавьте запасцу на вершокъ, — то зодчій долженъ былъ болѣе повѣрить наукѣ и велѣлъ продолжать работу. Кончили потолокъ, подрядчикъ мой взглянулъ на него изъ конца въ конецъ и сказалъ: таки ровно на вершокъ придется подымать средину балокъ. Такъ и вышло, и двойной работы не миновали.

При расчисткѣ дороги наткнулись на большой дикій камень, гранитъ, составляющій гребень подземной скалы, и не знали, какъ его сбыть съ рукъ: вести для него дорогу въ обходъ не хотѣлось, и потому принялись разбивать его въ ручную, молотами. Проработали цѣлый день, щебню набили цѣлую кучу, а между тѣмъ камня почти не убываетъ. Прикинули глазомъ, да и испугались: приходилось заняться однимъ этимъ камнемъ болѣе мѣсяца. Одинъ изъ работниковъ взялся убрать его въ двои либо трои сутки: онъ натаскалъ на него цѣлый костеръ хворосту, зажегъ его и, раскаливъ камень, велѣвъ поспѣшно полить его водой изъ ближней канавы: камень весь растрескался, началъ осыпаться подъ молотомъ, какъ рыхлякъ, и когда

такимъ образомъ легко сняли верхній пластъ, то повторили тоже въ другой разъ, и камня не стало: дорогу сравняли.

Еще лучше и проще этого сдѣлалъ загадливый мужичокъ, который за сто рублей убралъ камень, за уборку котораго просили тысячу. Большое мѣсто равняли, проходили *на проглядъ*, какъ говорятъ наши рабочіе, и камень въ добрую сажень лежалъ тамъ, гдѣ ему быть не слѣдовало. Рѣшили свезти его подъ гору и свалить на берегъ рѣки; но это обходилось не дешево, и на торгахъ никто не бралъ менѣе тысячи рублей. Выходитъ простой работникъ, наслушавшійся всѣхъ толковъ объ этомъ камнѣ, и говоритъ: «залоговъ у меня нѣтъ, господа, и нѣтъ денегъ на гербовый листъ, на просьбу и на контрактъ; а коли повѣрите — не слову, а дѣлу, то завтра камня не будетъ на этомъ мѣстѣ, а вы мнѣ за это, что пожалуете, то и возьму.» Такое предложеніе не могло не затруднить гг. членовъ, которые обязаны были, для охраненія казеннаго интереса, соблюсти всю обрядливость торговъ по формѣ. Разсудивъ однако же, что тутъ убытка быть не можетъ, потому что крестьянинъ денегъ впередъ не беретъ и требуетъ на работу свою всего только сутки времени — согласились. Мужикъ пошелъ, выкопалъ подъ камнемъ яму, подкопалъ и свалилъ его туда и засыпалъ землей. Всѣ до того изумились, что не знали, посмѣяться шуткѣ этой и подтрунить надъ самими собой, или ужь лучше притвориться, будто никто ничего не видалъ....

Недавно еще появился крюковскій крестьянинъ, который

брался подымать изъ-подъ воды затопленныя суда, днища и другія тяжести. Много было различныхъ слуховъ объ этомъ дѣлѣ, то за, то противъ изобрѣтателя и никто не зналъ, чему вѣрить, чему не вѣрить, особенно когда даже и самые разсказы приверженцевъ и заступниковъ этого водолаза сдѣлались до того темными, непонятными и, можно сказать, похожими на сказку, что всякій поневолѣ сомнѣвался и недоумѣвалъ: въ нашъ вѣкъ чудесъ не бываетъ. Несмотря на это, теперь однако же достовѣрно извѣстно, что крестьянинъ или мѣщанинъ этотъ изобрѣлъ что-либо необыкновенное, непонятное и необъяснимое для насъ, въ томъ видѣ или при тѣхъ обстоятельствахъ, какъ онъ показываетъ намъ свое искусство. Затопивъ въ воду бочку, полную водой, онъ, въ глазахъ всѣхъ, ныряетъ и всплываетъ на поверхность воды съ порожнею, или наполненною однимъ воздухомъ бочкой. Какъ онъ это дѣлаетъ — доселѣ неизвѣстно; будемъ надѣяться, что тайна его съ нимъ не умретъ: но ясно, что онъ дѣлаетъ это какимъ-нибудь чрезвычайно простымъ и убористымъ снарядомъ, потому-что ничего громоздкаго не могъ бы скрыть при себѣ, и ясно такъ же, что самый способъ подводнаго выкачиванія воды, по непонятной быстротѣ производства, заслуживаетъ большое вниманіе. Какъ бы, казалось, не подумать о томъ, что человѣкъ этотъ, который носится годы съ изобрѣтеніемъ своимъ, смертный и можетъ умереть каждый день и каждую минуту?...

Смышленостію и находчивостію неоспоримо можетъ похвалиться народъ нашъ; но надобно сознаться, что кромѣ нѣсколькихъ простыхъ и превосходныхъ древнихъ изобрѣ-

теній, съ которыми уже свыкся русскій крестьянинъ, онъ не только мало склоненъ къ новымъ, самобытнымъ изобрѣтеніямъ, но вообще, по косности своей, даже не любитъ, собственно для себя, улучшеній и нововведеній подражательныхъ; и это особенно относится до домашняго его быта и хозяйства. Зато онъ крайне понятливъ и переимчивъ, если дѣло пойдетъ по промышленной и ремесленной части; но здѣсь четыре сваи, на которыхъ стоитъ русскій человѣкъ, — авось, небось, ничего и какъ-нибудь,— эти четыре сваи на плавучемъ материкѣ, оказываются слишкомъ ненадежными; жаль, что онѣ увязли глубоко, и что ихъ нельзя замѣнить другими.

Кто не слышалъ разсказа о томъ, какъ въ Римѣ ставили огромный памятникъ, котораго подъемъ и установка считались торжествомъ механики, — какъ подъ смертною казнью запрещено было народу говорить, чтобы не вышло какихъ безпорядковъ и помѣхи, — какъ снасти или веревки, на которыхъ висѣли блоки, вытянулись отъ чрезмѣрной тяжести, блоки сошлись, нельзя было болѣе тянуть, а между тѣмъ памятникъ не дошелъ еще до мѣста и оставался въ опасномъ, наклоненномъ положеніи, къ отчаянію потерявшагося зодчаго, — и какъ наконецъ кто-то изъ толпы, среди мертвой тишины, закричалъ: «полить снасти водой!» Совѣтъ этотъ поспѣшили исполнить, памятникъ сталъ на свое мѣсто, но находчиваго совѣтника, не смотря ни на какія старанія, не могли отыскать.... Я увѣренъ, что это былъ нашъ землякъ....

XXIII.

РОДСТВО И СЛУЖБА.

Въ одномъ изъ удѣльныхъ имѣній Симбирской губерніи жило семейство Ворошилиныхъ. Они были крестьяне зажиточные и порядочные; у отца пятеро сыновей на возрастѣ, все погодки, да еще двѣ, либо три дочери. Жили они мирно, спокойно; Богъ благословилъ труды работящихъ сыновей и заботы старика отца; не знали они ни горя, ни печали, какъ вдругъ сказанъ былъ рекрутскій наборъ. Ворошилинымъ, какъ пятерикамъ, не миновать очереди; молодые ребята стали призадумываться, а дѣвки да бабы принялись за свое ремесло, за слезы.

Глядя на это, старикъ созвалъ въ воскресенье послѣ обѣдни всѣхъ сыновей, а бабъ и дѣвокъ выслалъ вонъ, чтобъ можно было говорить дѣло.

— Вотъ дѣти, — сказалъ онъ: — Государь требуетъ съ насъ солдата; дѣлать нечего, не идти же одинокому, не идти и двойникамъ либо тройникамъ, не обижать изъ-за

насъ другихъ, а идти видно кому-нибудь изъ васъ. Не тужите; свѣтъ не клиномъ передъ вами сошелся, не только свѣту, что въ окнѣ; доброму человѣку вездѣ житье будетъ, что тутъ, что тамъ; тутъ работали на себя да на царское подушное, не на боку же лежали; а тамъ послужите на Государя, зато кормить станетъ. Коли солдатъ мой живъ будетъ, такъ, дастъ Богъ, милость царскую заслужитъ, вы всѣ ребята добрые; а коли кости его тамъ закопаютъ — и на это власть Господня; Онъ же и смилуется надъ нимъ. А кто пойдетъ, ужь тому меня старика не видать больше, надо проститься; я и то чужой вѣкъ доживаю, пора и честь знать. Живите вы дружно, мирно; чтобъ попреку, ни поклепу, у васъ не было; чтобъ помощь была отъ брата къ брату; чтобъ другъ за друга Богу молились, хоть врознь, хоть вмѣстѣ жить будете; уважайте начальство, какое у кого будетъ, и повинуйтесь ему; уважайте старшаго по мнѣ, чтите братъ брата. Ну, кто же изъ васъ идетъ?

Младшій сынъ, Степанъ, за̀ словомъ повалился въ ноги отцу и просилъ благословенія. — Два старшихъ брата у меня женатые, —сказалъ онъ:—третій уже засваталъ невѣсту, а четвертый, Григорій, слабъ, на службу не годится. Я иду.

Прошло времени годовъ двадцать слишкомъ; старикъ Ворошилинъ давно въ землѣ; сыновья его посѣдѣли, наплодили каждый полонъ домъ дѣтей; благословилъ Богъ и ихъ достаткомъ, нужды не знаютъ и хозяекъ побрали хорошихъ и живутъ безъ горя; но о Степанѣ и слуху нѣтъ

съ тѣхъ поръ, какъ проходящій отставной солдатъ, одного съ нимъ полка, сказывалъ, что живъ онъ и здоровъ и начальство его любитъ. Вѣсть эта пришла еще за жизнь отца, и онъ ей порадовался; а съ тѣхъ поръ ничего о Степанѣ не слышно.

Около Покрова, когда старшій Ворошилиныхъ уже собирался отдавать замужъ дочь и зазвалъ на вечеръ въ избу свою сватьевъ и сватей съ женихомъ, постучался кто-то въ шатровыя ворота; а какъ не скоро пошли отпирать,—не до того было—то онъ стукнулъ посохомъ своимъ и въ окошко, побѣжала дѣвочка хозяйская, отперла калитку и прибѣжавъ опять сказала отцу, что-де служивый пришелъ, просится на ночлегъ. — Зови его сюда на радость,— сказалъ Ворошилинъ:—коли Богъ посылаетъ гостя на праздникъ мой, такъ не отказывать же ему. У меня же и братъ Степанъ былъ когда-то служивымъ, помяни его Господь въ царствіи Своемъ; чай померъ давно. И перекрестился.

Входитъ служивый, изъ себя еще молодецъ, болѣе сорока годовъ не будетъ, и видный такой, что хоть куда. Помолился, поздоровался, поблагодарилъ что пустили, свалилъ съ плечъ котомку, да и сталъ среди избы и глядитъ на людей: который-де изъ нихъ кто, кого узнаю? Смотрѣлъ долго, и они на него глядятъ — да и спросилъ: «а что, братья мои любезные, помните ли вы совѣтъ отцовскій, молились ли вы за меня Богу? А я за васъ молился!»

Тутъ крикъ такой пошелъ на всю избу, что никто слова чужаго не разберетъ, да и самъ своего не дослышитъ. Всѣ узнали Степана — кто обнимаетъ его, кто въ

ноги ему — кто спереди, кто съ тылу, кто сбоку,— ну, словомъ приняли Степана какъ выходца съ того свѣта, разспрашивали обо всемъ до самой полуночи, тамъ запили невѣсту, и пошли по домамъ.

Не прошло мѣсяца, какъ Степанъ говорилъ старику брату Андрею: «братъ Андрей Онисимовичъ, найди ты мнѣ невѣсту — хоть вдову пожалуй, что ли, да чтобы была хозяйка. Деньжонокъ я маленько принесъ со службы, отцы-командиры сберегли, спасибо; авось и вы не откажетесь пособить, коли нужда будетъ: а я еще, благодаря Бога, не старъ и здоровъ; на боку лежать нечего; обзаведусь хозяйствомъ, да стану жить не хуже вашего. Ты у насъ за мѣсто отца теперь; благослови, да и дѣло въ шапкѣ.»

Такъ и сталось. Срубилъ Степанъ избу, обзавелся хозяйствомъ, женился и жилъ себѣ не хуже братьевъ. Парень онъ умный, этимъ Богъ не обидѣлъ; душа въ немъ добрая, распорядокъ дать умѣетъ вездѣ, потому что наглядѣлся на всякую всячину, перебывалъ во всѣхъ концахъ матушки Россіи и вездѣ все видѣлъ и замѣчалъ, что, къ чему и какъ гдѣ дѣлается. Народъ видитъ, что Степанъ Ворошилинъ худаго изъ службы не вынесъ; всякій совѣтъ его, всякое слово къ добру а не къ худу. Пожилъ Степанъ съ годъ — міръ выбралъ его въ приказные головы, а начальство утвердило. «Давай, говоритъ Степанъ, опять служить; нечего дѣлать; еще я дѣтей на свое мѣсто не поставилъ — не до того было, что Богъ дастъ впередъ.»

Быбравъ Степана Ворошилина въ головы, міръ не ошибся: что добраго можно было сдѣлать въ быту крестьянскомъ, все это по совѣсти и новой присягѣ своей Степанъ исполнилъ. На конокрадовъ да на передатчиковъ, которые разоряютъ бѣднаго мужика въ одну ночь, укравъ послѣднюю лошаденку изъ-подъ сохи, Степанъ наложилъ руку, и не было имъ отъ него пощады: коли знаетъ достовѣрно, что такой-то воръ, да концы хоронить умѣетъ, что въ судѣ не уличишь, то голова тотчасъ сходку соберетъ, да мірскимъ приговоромъ и спровадитъ его на рѣку Енисей. Гдѣ кабакъ въ деревнѣ стоитъ, да мужичишки сопьются, хозяйство запустятъ, то голова раза по два и по три въ недѣлю побываетъ у нихъ, кто что дѣлаетъ, что работаетъ, все знаетъ, за всѣми прислѣдитъ, и ужь покою не дастъ, покуда не управится съ ними да не заставитъ жить по-людски: одного за недоимки въ заработки отдастъ, другаго подъ надзоръ сотскаго, третьяго добрымъ словомъ пройметъ да заставитъ опомниться; извѣстно, громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится, а послѣ и самъ спасибо скажетъ за науку. Голова нашъ завелъ огороды у крестьянъ, проложилъ гдѣ нужно дороги; засыпалъ опасные овраги; подѣлалъ гати, покрылъ крыши,— словомъ, сдѣлалъ добра много, и всѣ его благословляли.

Въ той самой деревнѣ, гдѣ жилъ четвертый братъ Степана, Григорій, отъ дождевой промоины сдѣлался овражекъ, а изъ овражка вышелъ черезъ годъ со днемъ оврагъ, да ужь такой, что стало подмывать избы. Вотъ мужики мои по веснѣ сойдутся, поглядятъ на оврагъ тотъ, почешутъ

затылки, потолкуютъ, что надо бы переложить и завалить — да и разойдутся. Мужикъ уменъ, да міръ дуракъ; всякій порознь и видитъ, что надо сдѣлать, да всѣ вмѣстѣ умовъ не сведутъ въ одинъ и махнутъ рукой.

Пріѣхалъ нашъ голова, поглядѣлъ, да и распорядился: «вы, братцы мои, сказалъ онъ крестьянамъ, видно молоды еще, хоть и состарѣлись: борода съ ворота, а ума съ накопыльникъ не вынесла. Развѣ не видите, что на весну оврагъ подъ избы подойдетъ? Тогда что станете дѣлать? Васъ тутъ 76 тяглъ; по пяти возовъ земли на 70 тяглъ, всего 350 возовъ, этого довольно; а шесть тяглъ нарубите да привезите хворосту подъ гать — и дѣло готово. Тогда вода пойдетъ у васъ низкимъ овражкомъ и село будетъ цѣло. Смотрите, чтобы къ Спасу было сдѣлано!»

Прошелъ срокъ, какой голова назначилъ, а овражекъ еще не засыпанъ. Никому не охота первому приниматься за дѣло, все одинъ глядитъ на другаго; а какъ четвертый братъ Степана, Григорій, который былъ однимъ только годомъ постарѣе его, не разсудилъ послушаться головы, такъ и прочіе, на него глядя, махнули рукой.

Голова потребовалъ хозяевъ въ приказъ, на раздѣлку. Туда, сюда — а одинъ и вышелъ, да и говоритъ: Что же ты, Степанъ Онисимовичъ, на насъ однихъ взъѣлся? Отчего же ты брата своего не спросишь, «для чего онъ отъ насъ не отсталъ?

— А гдѣ братъ Григорій Онисимовичъ?—спросилъ голова: позвать его!

— Да не идетъ, говорятъ.

Степанъ послалъ за нимъ и велѣлъ его привести; привели.

— А что братъ, — спросилъ Степанъ: — ты для чего не идешь, когда голова за тобой шлетъ? Это для міра примѣръ не хорошъ. Я не домой къ себѣ тебя звалъ, я бы и самъ потрудился къ тебѣ придти; я звалъ тебя на расправу, въ приказъ. Чтожь, скажи, ты свои пять возовъ привезъ на оврагъ?

— Нѣтъ не привезъ, — отвѣчалъ братъ: — да что я буду возить, да зачѣмъ буду я возить, нешто безъ меня народу мало? Что я тебѣ работникъ, что ли? Ты мнѣ что за указчикъ, я старшій твой братъ, — тебѣ меня слушаться, а не мнѣ тебя.

Тогда Степанъ сказалъ: — ну, братъ любезный, не взыщи; а видно надо тебя поучить, чтобы ты зналъ, какъ съ головой говорить и какъ его слушаться. — Степанъ тотчасъ же положилъ своего брата и отсчиталъ ему, при всѣхъ, сколько слѣдовало, розогъ; а покончивъ это дѣло, при всѣхъ же поклонился ему въ ноги и сказалъ:

— Прости, братъ Григорій Онисимовичъ не взыщи; я моложе всѣхъ васъ, самъ ты знаешь; я, не въ упрекъ сказать, за васъ и въ солдаты пошелъ; да ты одну только половину отцовскаго завѣщанія помнишь, а другую, видно, позабылъ: прими жь братъ, науку, не сердись: я чту въ тебѣ старшаго брата, какъ отецъ велѣлъ; чти же и ты во мнѣ начальство, какъ онъ же, царство ему небесное, наказывалъ.

Братъ Григорій взялся за умъ, помирился съ братомъ

Степаномъ, самъ просилъ у него прощенія и исполнилъ, что голова приказывалъ; а глядя на него, и міръ не смѣлъ ослушаться своего головы и впередъ уважалъ каждое слово его и исполнялъ всякое приказаніе.

XXIV.

ЛИМОНЫ, САПОГЪ И СОЛДАТСКАЯ ШАПКА.

Москва, говорятъ, построена на семи горахъ, вѣрнѣе холмахъ, а нашъ городокъ, Москвы уголокъ, на семи ярахъ—яръ яра круче. Каковы яры эти, посреди города, видно изъ бывшаго тамъ недавно случая.

«Лимоны хороши!» кричалъ протяжнымъ напѣвомъ подгородный зимній ванька, съ лоткомъ на головѣ, со складнымъ подстольемъ подъ мышкой, оглядываясь изподлобья во всѣ стороны. Зимнимъ ванькой назвалъ я его потому, что народъ этотъ пó зимамъ въ легковомъ извозѣ, а лѣтомъ въ разносѣ; вотъ и промыслы. Лимоны, доставленные до полпути гужомъ, разбираются лакомками для чаю, болѣе чѣмъ по двойной цѣнѣ противу петербургской, и какъ только появятся, подносятся тутъ и тамъ въ видѣ гостинца.

День былъ праздничный. Рядовой внутренней стражи, одинъ изъ отданныхъ взачетъ помѣщикомъ, видно охот-

никъ до проказъ, а парень бывалый, остановилъ лимонщика, заставилъ его раскинуть подстолье, поставить на него лотокъ, и принялся торговать лимоны, перебирая, пожимая и перенюхивая ихъ всѣ сподрядъ, такъ что разнощикъ уже и не радъ былъ этому грошовому покупателю, и упрашивалъ кавалера не изводить товара. Не успѣлъ мужичекъ подумать про себя: «Съ твоимъ ли хрюкаломъ лимоны нюхать?» какъ кавалеръ мой, набравъ въ распущенную горсть съ пятокъ лучшихъ лимоновъ, швыркомъ кинулся въ сторону, и всего-то на сажень, и изчезъ подъ землею, нырнувъ въ оврагъ. Лимонщикъ ахнулъ, взмахнувъ руками и растаращивъ пальцы и глядѣлъ на пропасть, обрывистую какъ кремлевская стѣна. Одна только пыль подымалась оттуда ему на встрѣчу: ни лимоновъ, ни кавалера не видать. Наконецъ пыль прочистилась, а лимонщикъ все еще стоялъ, какъ ошалѣвшій, и глядѣлъ внизъ, между тѣмъ какъ прохожіе, одинъ за другимъ, останавливались около него, толковали и не могли надивиться. Остановились и проѣзжавшія случайно дрожки, первая по всему городу щегольская пара вятокъ; толпа почтительно разступилась передъ состоящимъ по арміи блюстителемъ порядка, который опытнымъ глазомъ своимъ тотчасъ смѣтилъ, что наѣхалъ на происшествіе.

— Что тутъ такое? — спросилъ онъ стоящихъ по краю оврага зрителей. — Да вотъ, говорятъ, солдатикъ ухватилъ вотъ у этого пятокъ лимончиковъ, и неосторожно кинулся съ ними въ яръ; видно убился, лежитъ не дрогнетъ.

Послѣ главнаго распоряженія: задержать лимонщика и задержать тѣхъ изъ свидѣтелей, которые по простотѣ своей не убѣжали со всѣхъ ногъ, завидѣвъ издали пару каурыхъ, было приступлено и къ менѣе важной части розыска по горячимъ слѣдамъ, то есть къ осмотру на мѣстѣ кавалера. Оказалось, что въ раскатившихся на всѣ четыре стороны лимонахъ было гораздо болѣе жизни, чѣмъ въ самоуправномъ хозяинѣ ихъ, котораго осталось только попотрошить, для порядка, да исключить изъ списка защитниковъ отечества.

Вторая и, какъ я назвалъ ее, менѣе важная половина слѣдствія была бы этимъ окончена; но первая, относящаяся не къ мертвымъ, а къ живымъ, только что началась тамъ, гдѣ первая кончилась. Зимній ванька, а лѣтній лимонщикъ былъ очевиднымъ виновникомъ смерти служиваго, человѣка казеннаго, и ему грозила тяжкая отвѣтственность. Не менѣе того прикосновенные къ дѣлу, то есть случайно проходившіе во время событія купцы и мѣщане, зазѣвавшіеся при наѣздѣ ухорскихъ вятокъ, навлекали на себя сильное подозрѣніе, тѣмъ болѣе, что они разнорѣчили въ показаніяхъ своихъ съ городовымъ, котораго никто не видалъ на мѣстѣ происшествія, но который не менѣе того видѣлъ, что лимонщикъ столкнулъ солдата въ оврагъ. Даже самый хозяинъ несчастныхъ лимоновъ, отрекшійся отъ своего товара, чтобы не впутаться въ уголовное дѣло, попалъ туда и съ головою, будучи уличенъ, что лимоны были имъ отпущены на продажу вразносъ именно этому убійцѣ солдата.

Но что толковать широко, когда приходится оканчивать коротко, словно топоромъ отрубить: одинъ изъ подручниковъ блюстителя замѣтилъ скромно, послѣ перваго допроса, что дѣло это пахнетъ кусочкомъ. — «Ломтищемъ, отвѣчалъ тотъ, запустивъ большой палецъ подъ кадыкъ и обдернувъ воротникъ: — ломтищемъ, а на кусочки мы сами искрошимъ.» И опытный взглядъ его не обманулъ: и несчастный лимонщикъ, на котораго бѣда навалилась съ больной головы на здоровую, и прикосновенные на чужомъ пиру спохмѣлья, — всѣ они вѣкъ помнили происшествіе это, и не скоро послѣ него оклемались.

А землемѣръ у насъ проще этого выкинулъ штуку, да замысловато подвелъ.

Тутъ хоть происшествіе-то было и мертвое тѣло было, все ужь есть съ чего начать; а тамъ — ни сучка, ни задоринки, а вымозжилъ, какъ пить далъ.

Пошли въ поле межевать, собравъ понятыхъ, — глядь, поперекъ поля на пару лежитъ какой-то отопокъ, изношенный сапожишка; знать и попалъ-то сюда какъ-нибудь съ наземомъ. Межевой остановился, словно передъ находкою какою, подперся руками, поглядѣлъ на мужиковъ.

— Это что?

— Что? ишь — сапожишка старый.

— Сапожишка — да, это я вижу, да какой это сапожишка, откуда взялся, какъ сюда попалъ?

Мужики молчатъ, и не чаятъ, куда дѣло пойдетъ, что за важность въ старомъ сапогѣ этомъ.

— Я знаю, чей это сапогъ, — продолжаетъ межевой: — я

знаю: это сапогъ того коробейника, владимірца, который пропалъ въ прошломъ году безъ вѣсти; да. Приставить караулъ къ сапогу; послать за становымъ; послать гонца къ исправнику. Готовить сейчасъ третью подводу съ нарочнымъ: я пошлю донесеніе къ губернатору....

Мужики переглянулись, вздохнули и поняли другъ друга. Одинъ выступилъ прямо, и сказалъ безъ обиняковъ:

— Полно, баринъ, грѣшить-то: живетъ же чай совѣсть и за свѣтлою пуговкою; двадцать пять бери, съ Богомъ, да и съ межи долой и съ сапогомъ-то, а нѣтъ, такъ, какъ хочешь, больше не дадимъ. Дѣло-то плевое, выѣденнаго яйца не стоитъ; не возьмешь, такъ не пеняй: твою милость обойдемъ; не дороже станетъ оно, хоть бы у исправника.

Межевой былъ сговорчивъ; ударили по рукамъ, заставили его же самого сжечь сапогъ, чтобъ ему и помину не было, да чтобы нельзя было пугать послѣ крестьянъ тѣмъ, что-де они скрыли поличное; сожгли сапогъ, —и тѣмъ кончилось все межеванье. Землемѣръ на это лѣто пропалъ, уѣхавъ на иные промыслы.

Сапогъ хорошъ, а не стоитъ онъ того, чего стоила одна шапка.

Былъ такой исправникъ, которому старая солдатская фуражка приносила оброкъ, изъ году въ годъ, въ такой исправности, какъ дай Богъ, чтобы всѣмъ добрымъ помѣщикамъ платили оброчные крестьяне.

Въ уѣздѣ померъ безсрочный или отставной, съ какими-то знаками отличія, либо медалями. Представляя его и знаки эти, по заведенному порядку, сотскій счелъ нужнымъ со-

брать и другія принадлежности военнаго быта покойника, въ томъ числѣ и фуражку. Исправникъ бросилъ хламъ этотъ, уславъ только паспортъ и знаки. Прошло нѣсколько времени, и Богъ вѣсть отчего, настала какая-то тяжкая затишь въ дѣлахъ. Никакой покормки; ровно какъ на смѣхъ, ни грабежа, ни мертваго тѣла, ни оказательства раскола, никакого путнаго происшествія. Наскучило это нашему исправнику, поглядываетъ онъ съ безпокойствомъ, и думаетъ: «плохо; эдакъ пріятели съѣдутся, да застанутъ врасплохъ, не начто будетъ послать и за шипучимъ. Сходить-ка самому въ судъ, да неребрать немного дѣла: этотъ оселъ, секретаришка, только лапу свою разжимать умѣетъ на готовое, а самъ ничего путнаго не пріищетъ.»

По пути въ судъ, исправникъ, и самъ не зная къ чему, приподнялъ крышку прилавка въ сѣняхъ, и заглянулъ туда: въ пыльномъ и грязномъ углу, вмѣстѣ съ изношеннымъ сапогомъ, лежитъ давно забытая солдатская фуражка. Богатая мысль блеснула молніей въ находчивой головѣ исправника. Выхвативъ фуражку, ровно кладъ, и спрятавъ ее тотчасъ подъ полу, онъ рѣшительнымъ шагомъ воротился въ комнаты, закричалъ изъ окна дневальному сотскому: «лошадей подавать!» взялъ фуражку и поскакалъ, посадивъ съ собою наемнаго разсыльнаго, человѣка вѣрнаго и опытнаго въ полицейскихъ дѣлахъ. Вѣрность и преданность этого рода цѣнятся въ мошенникахъ собратами ихъ дорого, и выражаются поговоркой: «рѣжь ухо — кровь не канетъ.» О разсыльномъ же этомъ, давно извѣстномъ въ уѣздѣ и пережившемъ многихъ исправниковъ, коимъ служилъ то на-

ставникомъ, то подручникомъ, крестьяне говорили, что въ немъ три плута наварены тремя мошенниками, изъ нихъ каждый правленъ на всѣ четыре стороны.

Пріѣхавъ въ одно изъ большихъ селъ, исправникъ остановился у зажиточнаго мужика, у котораго тотчасъ суета, бѣготня и стряпня пошли по всему дому. Верховой поскакалъ на мельницу за рыбой, верховой поскакалъ въ сосѣднее село за виномъ: пріятельская бесѣда тѣшила, въ ожиданіи ужина, и гостя, и хозяина. Между тѣмъ исправникъ, по старой дружбѣ, открылся хозяину, которому давно уже хотѣлось знать, зачѣмъ тотъ пожаловалъ, открылся, что онъ пріѣхалъ съ обыскомъ, по какимъ-то доносамъ, на счетъ найденнаго въ прошломъ году въ другой части уѣзда мертваго солдата. Дружба дружбой, а вѣсть эта пробрала хозяина холодкомъ, и разошлась тотчасъ шопотомъ по всему селу. Разсыльный вошелъ и положилъ шапку свою на лавку: это былъ условный знакъ; исправникъ потребовалъ выборнаго съ понятыми и пошелъ. Всѣ со страхомъ слѣдили за нимъ глазами, покачивали головами, скромно размахивали руками и ждали что будетъ.

Обыскавъ для вида два или три дома, исправникъ, въ присутствіи всѣхъ понятыхъ, при помощи своего разсыльнаго, нашелъ старую солдатскую фуражку въ коноплянникѣ зажиточнаго мужика. Понятые невольно взглянули при этомъ вправо и влѣво, будто хотѣли разгадать, съ которой стороны она была перекинута черезъ городьбу. — Догадки такого рода никому не запрещаются, но въ подобныхъ случаяхъ ни къ чему не служатъ.

Послѣ шума, крика и приказаній заковать хозяина этого двора, пошли плачъ и просьбы бабъ, разумныя увѣщанія и убѣдительныя предложенія стариковъ. Мировую отпраздновали, когда уха и вино поспѣли, и исправникъ съ радостнымъ хохотомъ вполпьяна отправился домой. Ему теперь было чѣмъ и на что принять собутыльниковъ, и былъ сверхъ того открытъ новый и нетрудный источникъ доходовъ, стоило только, въ любое время, выѣхать въ любое село съ своимъ разсыльнымъ и съ шапочкой-невидимочкой,— и сто рублей готовы; только, сдѣлай милость,- бери. И шапочка эта нѣсколько лѣтъ сряду не покидала своего новаго, случайнаго хозяина, а разъѣзжала съ нимъ, какъ неизмѣнная подательница всѣхъ земныхъ благъ.

Наглость хозяина ея дошла до того, что онъ уже, бывало, и не трудится подкидывать ее, а намекнетъ только объ ней мужикамъ, сказавъ, что коли заставятъ его идти съ обыскомъ и найти ее, то это станетъ дороже — и пожива готова: солдатской фуражки боялись какъ огня, и она никогда въ нуждѣ хозяину своему не измѣняла.

Наконецъ, однако, промыселъ этотъ уже слишкомъ разгласился и ославился по уѣзду, да и надоѣла мужикамъ фуражка до самой крайности. Собравшись съ духомъ, они въ одномъ селѣ согласились удовольствовать на сей разъ исправника, но уже съ условіемъ, чтобы докучной сказкѣ этой былъ конецъ: фуражка была выкуплена въ послѣдній разъ и всенародно предана огню, при общей попойкѣ и кликахъ радости. Такъ и всякому дѣлу бываетъ конецъ.

XXV.

ГРЕКИ.

Греки, армяне, евреи и индѣйцы, какъ народы по преимуществу торговые, расползаются по всему свѣту и справедливо могутъ быть названы землепроходными. Индѣйцы впрочемъ обнимаютъ въ этомъ отношеніи самое ограниченное пространство, а евреи самое обширное, какъ народъ, у котораго своего отечества нѣтъ вовсе. Индѣйцы, тамъ гдѣ они основываютъ жительство свое внѣ отечества, почти исключительно занимаются дѣлами денежными, лихвеннымъ ростомъ подъ залоги, чему также охотно слѣдуютъ и армяне; евреи занимаются, кромѣ торговли и денежныхъ дѣлъ, разными легкими промыслами и ремеслами; греки преимущественно торговлей. Замѣчательно, что азіатскіе народы, мусульмане, которые плѣнниковъ и людей добытыхъ разными средствами въ неволю, обращаютъ въ холопей, въ рабство, не щадя даже въ этомъ отношеніи своихъ братьевъ, мусульманъ же другаго раскола, никогда не обращаютъ въ

рабство грековъ, армянъ, евреевъ и индѣйцевъ. Это основывается на одномъ только закоренѣломъ обычаѣ; никакого закона на это нѣтъ.

Въ южной Россіи грековъ много, но земляки наши, какъ извѣстно, вообще къ нимъ не очень благоволятъ. Армяне тамъ менѣе распространены, и по азіятскому, почти мусульманскому роду жизни, входятъ менѣе въ соприкосновеніе съ прочими жителями, тогда какъ греки довольно обязательны и замѣшиваются, какъ Богъ приведетъ, въ разныя степени и сословія нашего гражданскаго и служебнаго быта. Какъ бы то ни было, но вступительное восклицаніе Карамзина: «о греки, греки, кто васъ не любитъ?» — трудно отнести къ нашимъ временамъ, а въ особенности къ нашей мѣстности. Дѣльно или нѣтъ, но въ тѣхъ краяхъ нелюбовь эта безпрестанно порождаетъ новые нападки, особенно насмѣшки, иногда довольно ловко приспособленныя къ быту этого народа. Можно ли однако же тому повѣрить, чтобы человѣкъ посвятилъ всю жизнь свою исключительно тому, чтобы насмѣхаться надъ греками и дразнить ихъ всѣми средствами, которыя изобрѣтательное воображеніе его могло придумать? Но у насъ на югѣ есть, или по крайности были такіе люди, и я одного изъ нихъ зналъ. Онъ былъ человѣкъ вовсе не глупый отъ природы, образованія казеннаго, не безъ способностей, довольно ловокъ по наружности; у него не было въ теченіе послѣднихъ 20-ти лѣтъ жизни, — а онъ умеръ довольно молодъ — не было ни думки, ни слова, ни занятій, кромѣ насмѣшки или задирки для грека. Шутки эти иногда были

остры и злы, иногда довольно пошлы и плоски, но онъ умѣлъ личностью своею придать имъ чрезвычайно забавный видъ: трудно было удержаться отъ смѣха. Его звали обыкновенно грекобѣснователемъ, или, сокращенно, гречанникомъ.

Одна изъ любимыхъ шутокъ его была, заставить грека прослушать греческую пѣсню, которую бичеватель этотъ сложилъ самъ и пѣлъ чистымъ голосомъ. бойко подыгрывая на гитарѣ. За исключеніемъ одного только небольшаго вступленія, въ которомъ говорилось, что на островѣ Кипрѣ есть разныя птицы и звѣри и греки, которые ходятъ яко человѣки, вся пѣсня состояла просто изъ подбора греческихъ прозваній. нанизанныхъ сподрядъ такимъ образомъ, что сперва слѣдовали на жалкій, протяжный голосъ, прозванія на мери, стери, хери; затѣмъ шли, забавно риѳмуя, всѣ кончающіяся на пуло, которыхъ очень много; музыка постепенно оживлялась и внезапно изливалась быстрымъ потокомъ прозванія на аки, маки, таки и раки, произносимыя съ приличными ужимками и какъ будто съ сердцовъ. По временамъ трубадуръ ударялъ кулакомъ въ кузовъ гитары, произнося односложное прозваніе грека, похожее по звуку на ударъ въ литавру или тулумбасъ и наконецъ повершалъ все это прежалкимъ напѣвомъ, вразладъ, при чемъ жаловался на горе такого-то, на прозваніе котораго не было риѳмы, и который, поэтому, остался одна, а это слово риѳмовало съ одинакимъ прозваніемъ.

Подговоривъ въ другое время матроса унести большую рыбу, паламиду, которую греки купили и собирались го-

товить, съ перцикомъ, луцкомъ, маслинки и барабанска масла, — онъ явился самъ первый соболѣзновать утратѣ этой, утѣшать отчаянныхъ, проклинать безсовѣстнаго вора и, предложивъ затѣмъ услуги свои, написалъ имъ просьбу слѣдующаго содержанія, которую совѣтовалъ подать по начальству: «мы греки, цесны целовѣки, купили рыбы для мы, а онъ скусалъ для я». Въ другой разъ онъ подстерегъ разговоръ нѣсколькихъ грековъ, которые, внезапно воспламенившись любовью къ отечеству, порывались на возникшее тогда возстаніе противъ турокъ, но были въ отчаяніи, не находя средства, какъ избавиться отъ продолжительныхъ и околичественныхъ обрядовъ, необходимыхъ для полученія заграничнаго паспорта. Грекобѣснователь успѣлъ убѣдить ихъ, неподражаемымъ простодушіемъ своимъ и ни чѣмъ невозмущаемою степенностью, что по одной запискѣ его ихъ пропустятъ безъ затрудненія на всѣхъ заставахъ, потому что всѣ караульные офицеры товарищи и пріятели его. Греки съ благодарностію приняли отъ него записку, съ которою и привели ихъ обратно подъ конвоемъ отъ первой заставы, и представили плацъ-маіору, который прочиталъ: «идотъ цетыре человѣка грека, цесна целовѣка, на свуя война, за утецества» — за тѣмъ слѣдовала еще подпись одного извѣстнаго въ городѣ старика — грека. Гречаникъ прислужился однажды этому старичку, греку, смотрителю казенной мельницы, у котораго писарь заболѣлъ и потому некому было написать недѣльнаго донесенія о дѣйствіи мельницы. Въ коротенькомъ донесеніи услужливаго гречаника сказано было коротко и ясно, что «въ-

теръ не вѣтрилъ, мельница не мелилъ; а сколько есть мука и пшеница,—смотри пожалуйста на старый рапортъ.»

Не думайте, чтобы всѣ проказы эти легко сходили съ рукъ нашему отчаянному гречанику: онъ рѣдко, и то не надолго лишался казенной квартиры, какъ называлъ онъ гауптвахту, и потому въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, когда я его зналъ, онъ своего жилья вовсе не нанималъ. Высидѣвъ срокъ за одну изъ греческихъ проказъ своихъ, онъ отправлялся, какъ говорилъ, на подножный кормъ въ греческіе сады, или же, какъ дѣйствительно не разъ дѣлывалъ, приходилъ къ любимому греку и безъ всякихъ обиняковъ поселялся у него въ домѣ, объявя самымъ вѣжливымъ и забавнымъ образомъ, что у него на это время, Богъ знаетъ отъ чего, не случилось своего угла, и что онъ пришелъ какъ большой любитель грековъ, какъ другъ и пріятель всѣмъ имъ, какъ человѣкъ притомъ умѣющій цѣнить гостепріимство, — пришелъ пожить нѣсколько дней за панибрата съ малосольнымъ человѣкомъ. Если же, паче чаянія, гость будетъ въ тягость хозяину, чего никакъ не смѣетъ предполагать, то онъ согласенъ хоть тотчасъ же выбраться на ту квартиру, которую ему укажутъ. — Онъ неприхотливъ и довольствуется всѣмъ, лишь бы это было также у грека, потому что онъ безъ сладкоустной бесѣды съ греками не можетъ жить....

И повѣрите ли, что чудаку этому дѣйствительно удавалось проживать такимъ образомъ нѣсколько мѣсяцевъ, весь промежутокъ отъ одной казенной квартиры до другой, на счетъ гонимаго имъ ближняго, грековъ то есть, переходя

отъ одного къ другому! Если не всякій, то, по крайней мѣрѣ, многіе изъ нихъ предпочитали покориться молча этой непріятности и задобрить отъявленнаго, непримиримаго врага своего, чѣмъ затѣвать съ нимъ и вдобавокъ еще съ полиціею и начальствомъ его дѣло. Всѣ знали, что онъ никогда и ни за что отъ начатой шутки не отказывался, какой бы оборотъ не приняло дѣло, и что покидалъ избранное для себя житье не иначе, какъ когда его отправляли оттуда прямо на казенную квартиру.

Какъ человѣкъ, посвятившій себя этому предмету по призванію, греконенавистникъ изучилъ порядочно новогреческій языкъ и свободно на немъ объяснялся; кромѣ того, ему были въ подробности знакомы не только всѣ обычаи греческіе, но даже и бытъ и жизнь почти каждаго грека въ городѣ; особенно же бытъ болѣе извѣстныхъ, зажиточныхъ людей. Поэтому онъ и подносилъ имъ иногда, къ новому году или иному празднеству, метрику своего сочиненія, на смѣшанномъ русско-греческомъ языкѣ, въ которой самымъ забавнымъ образомъ пояснено было происхожденіе этого знаменитаго дома отъ одного изъ древнихъ архонтовъ; а происхожденіе это въ то время давало грекамъ русскія дворянскія права. Въ метрикѣ, украшенной поличіями главнѣйшихъ предковъ, и въ томъ числѣ одного изъ древнихъ мудрецовъ, заключалось и описаніе жизни ихъ, которое обыкновенно начиналось тѣмъ, что предокъ-архонтъ пожертвовалъ жизнію за отечество, а послѣдній потомокъ разбогатѣлъ, торгуя маслинами и чубуками. Впрочемъ, замѣчалъ біографъ, и тотъ и другой были охотники до балы-

ковъ, и кефали, и приправляли ихъ прованскимъ масломъ. По этому поводу, онъ разсказывалъ объ одномъ изъ предковъ этихъ, какъ объ именитомъ человѣкѣ, слѣдующій любопытный случай. Встрѣтивъ однажды русскаго, — Богъ вѣсть какъ онъ зашелъ туда,—несшаго превосходную рыбу, знаменитый Анастасій остановилъ и подозвалъ изъ любопытства русскаго, желая насладиться пріятнымъ зрѣлищемъ, большою, свѣжею и жирною рыбой, до которой греки вообще очень лакомы. Разспросивъ его, гдѣ онъ досталъ рыбу эту, что далъ за нее, и почмокавъ немного, потому что у него потекли слюнки, грекъ продолжалъ: «а что ты съ нею будешь дѣлать?—Разумѣется что, отвѣчалъ тотъ,—съѣмъ. — «Ну, а скажи же мнѣ, какъ ты ее будешь ѣсть, какъ приготовишь? — Извѣстно какъ; — чего тутъ готовить: сварилъ, да и съѣлъ. Знаменитый Анастасій не устоялъ на ногахъ, при такой страшной вѣсти, а какъ стоялъ, такъ и упалъ безъ чувствъ. Народъ сбѣжался, стали разспрашивать русскаго, чѣмъ онъ бѣднаго грека съ ногъ сбилъ?—«Ничемъ, говоритъ тотъ, я его и пальцемъ не трогалъ; онъ спросилъ меня: какъ будешь готовить рыбу?— а я отвѣчалъ, сварю да и съѣмъ.» Тогда присутствовавшіе греки поняли все, пожурили слегка русскаго за неосмотрительность его, сказавъ что этимъ-де шутить не должно, что такъ не мудрено испугать человѣка до смерти; за тѣмъ одинъ изъ нихъ присѣлъ надъ обмершимъ и началъ причитывать надъ нимъ и разсказывать во всей подробности, какую подливу должно приготовить къ этой рыбѣ, изъ маслинокъ и прованскаго масла. По мѣрѣ того, какъ подлива

эта поспѣвала, потомокъ архонта приходилъ въ себя, и наконецъ всталъ, облизался, ударилъ земляка по плечу и, сказавъ ему отъ души: —«хорошо ты говоришь, товарищъ, спасибо; отъ твоихъ словъ я опять ожилъ,»— пошелъ своимъ путемъ.—Такимъ образомъ предусмотрительность этого товарища спасла жизнь знаменитому Аѳанасію или Анастасію, висѣвшую на волоскѣ, и міръ былъ обрадованъ впослѣдствіи многочисленнымъ потомствомъ его.

Объ армянахъ мало ходитъ забавныхъ анекдотовъ, чему вѣроятно причиной молчаливость ихъ, угрюмость и суровая наружность. Говорится только, что изъ трехъ котловъ жидовъ, цыганъ и грековъ, чортъ сварилъ одного армянина; къ этому другіе прибавляютъ, что чортъ старался самъ для себя, желая оставить этого новорожденнаго собственно при личности своей въ услуженіи,— но что армянинъ надулъ и чорта, и ушелъ отъ него. Итакъ, оставимъ грѣшныхъ армянъ, и разскажемъ вмѣсто того, въ заключеніе, объ одномъ грекѣ небольшой анекдотецъ, но который тѣмъ дорогъ, что носитъ на себѣ печать истины.

Заѣзжій грекъ сидѣлъ въ одномъ приморскомъ городѣ нашемъ за воротами, на взморьѣ, глядѣлъ на безпредѣльное Черное море и напѣвалъ про себя что-то самымъ плачевнымъ, заунывнымъ голосомъ. Надобно сознаться, что подобное пѣніе нынѣшнихъ грековъ походитъ нѣсколько на отчаянное завыванье или мартовское мяуканье. Пѣлъ, пѣлъ мой грекъ и сталъ наконецъ заливаться слезами. Русскій, который долго слушалъ жалобные переливы своего пріятеля, присталъ наконецъ къ нему съ распросами: «Какую же ты

такую горемычную пѣсню поёшь, что она тебя до слезъ доконала?» —Это такая пѣсня, отвѣчалъ разчувствовавшійся грекъ, такая пѣсня, что и сказать не можно. О, какъ хороша! У васъ такой нѣтъ; за нею нельзя не поплакать.— «Да ужь не въ томъ сила, возразилъ русскій, а ты разскажи-ка мнѣ, о чемъ она поется, что въ ней говорится?» — Э, братецъ, этого никакъ не можно; она такъ жалостна, что и сказать нельзя.—«Какъ нельзя? Ну, да ты просто переведи мнѣ; вѣдь по-русски знаешь; ну, что по-гречески поешь, то вотъ и перескажи мнѣ по нашему.» Послѣ долгихъ увѣреній, что этого никакъ нельзя, грекъ наконецъ рѣшился и началъ, пришепетывая такъ: — Вотъ видишь ли ты, братецъ мой; это очень жалкая пѣсня у насъ, очень жалкая; когда поютъ ее, такъ всѣ плачутъ. Ну, вотъ видишь ли, слушай: сидѣла одна птица, не знаю какъ ее зовутъ по русски; хорошая; сидѣла она на горѣ; долго сидѣла, потомъ махнула крыльями, полетѣла, — полетѣла далеко, далеко, черезъ море, черезъ горы, черезъ лѣса;—далеко, понимаешь? — Ну, летала, летала, да и сѣла. Вотъ что. — «Только-то? спросилъ удивленный русскій.» — Ну да, только. Тотъ захохоталъ и отошелъ молча.— Ну, то-то и есть, замѣтилъ огорченный грекъ очень чинно и со вздохомъ: — я тебѣ говорилъ, что этого пересказать нельзя: — по-русски тутъ не выходитъ ничего, а по-гречески очень жалко!

XXVI.

НОГА.

Карасубазарскій драгунскій полкъ тянулся, спѣшившись, по гладкой, убитой дорогѣ, пролегавшей безконечной для глазъ лентой по необозримой степи, будто выровненной напроглядъ: здѣсь лучи зрѣнія, какъ на открытомъ морѣ, скользили по той земной чертѣ, которая отдѣляла видимую часть земли отъ невидимой, и человѣкъ стоялъ въ средоточіи этого кабалистическаго круга. Кромѣ желтой, блеклой травы и сѣдоволосаго, волнистаго ковыла, по которому пробѣгала порою рябь отъ налетнаго вихря, глазъ не встрѣчалъ ничего, до самаго небосклона, гдѣ взоръ тонулъ въ безпредѣльности. Одинъ только, и то безспорно насыпной курганъ возвышался влѣвѣ, подъ именемъ Гаркушиной могилы, хотя Гаркуша столько же виноватъ былъ въ томъ, что тутъ былъ курганъ, какъ и мы съ вами. Въ головѣ полка шелъ полковникъ, крѣпко чѣмъ-то озабоченный. Онъ шагалъ какъ аистъ и крутилъ усы свои съ такимъ жаромъ,

что перекрученный волосъ осыпался. Тощій желудокъ его въ сухопаромъ тѣлѣ отзывался на каждомъ шагу, какъ случается иногда у рысака послѣ водопоя, когда, по мнѣнію народному, у него бьется селезенка. За полковникомъ шелъ полковой адъютантъ, тамъ музыканты, тамъ командиры дивизіонные и лейбъ-эскадрона; по лѣвую сторону полка офицеры, по парно и по три, вели коней своихъ въ поводу и разговаривали; за послѣднимъ взводомъ катился на двухъ колесахъ казенный ящикъ подъ охраною коннаго часоваго съ обнаженною саблей; тамъ тянулась аптека, кузница, канцелярская фура, лазаретъ, наконецъ деньщики со вьюками, съ повозками, брыченки съ бабами и съ дѣтьми,— словомъ, вся нестроевая или западная сила; а въ заключеніе дежурный по полку офицеръ съ карауломъ, для присмотра за хвостомъ, за отсталыми.

— А что, который часъ,— спросилъ одинъ изъ офицеровъ своего товарища:— должно быть шестой есть,— прибавилъ онъ же, взглянувъ на солнце.—«Шестаго половина,— отвѣчалъ тотъ: — вечернимъ холодкомъ вступимъ въ Сивый-Кутъ; должно быть недалечко; полкъ, слышно, станетъ на тѣсныя квартиры и останется на нѣсколько дней въ сборѣ. А, и ты тутъ,— прибавилъ онъ, обращаясь къ человѣку въ сюртукѣ безъ эполетъ, съ бѣлыми пуговицами и въ фуражкѣ:—дай-ка, братъ докторъ, огня, хоть затянуться съ радости, не то съ горя.... Вишь, какой исправный! разъ ударилъ, и пишитъ ужь на кремнѣ; а мы, горемычные, развѣ самъ-семъ соберемся, такъ сгоношимся кой-какъ: у кого огниво, у кого трутъ, у кого кремень»...— и началъ

сосать коротенькую трубчонку, поправляя пальцемъ огонекъ.

— И мнѣ взаймы огоньку, братцы,— отозвался третій:— и на мою долю тоже — и затянули и розыграли до конца трубочный квартетъ или квинтетъ.

— А нѣтъ ли у кого чего-нибудь путнаго въ кабурѣ? спросилъ одинъ.— Не мѣшало бы,— замѣтилъ другой и взглянулъ на доктора; этотъ оглянулся, махнулъ рукой, и отъ лазаретной фуры отдѣлился костоправъ, подбѣжалъ и подалъ плоскую молдавскую баклажку. Не дождавъ серебряной чарки, которая принадлежала одному изъ молоденькихъ офицеровъ, возилась въ бархатномъ чахлѣ, вышитомъ бисеромъ, и славилась въ полку тѣмъ, что никогда не поспѣвала во-время, капитанъ принялъ баклажку въ обѣ руки и, проговоривъ:— посторонись, душа, залью! — приставилъ рыльце къ губамъ и пропустилъ глотокъ въ мѣрную чарку. Затѣмъ онъ поспѣшно принялъ команду полковника: садись! и всѣ заняли свои мѣста. Бросивъ взоры впередъ, друзья наши увидѣли небольшую колокольню, скоро показались соломенныя кровельки, а тамъ и бѣлыя хатки и садъ около барской усадьбы. Квартирьеры встрѣтили полкъ за селомъ, и каждый принялъ свою часть. Пѣсенниковъ вызвали впередъ: пятьдесятъ звонкихъ голосовъ, во всякое время готовыхъ радоваться и веселиться, грянули дружно — во лузяхъ — и полкъ тянулся уже по улицамъ Сиваго-Кута.

Но веселая пѣсня драгуновъ, съ рѣзкимъ и дикимъ присвистомъ, была въ разладицѣ съ воплями нѣсколькихъ голосовъ на селѣ и съ чувствами унынія и сострауанія, гос-

подствовавшими въ толпѣ народа, сбившейся въ кучу на базарной площади Сиваго-Кута, черезъ которую полкъ переходилъ долонью. Всѣ жители, старъ и малъ, тѣснились тутъ вкругъ небольшихъ лѣсовъ, или козелъ: нѣкоторые влѣзали на козлы эти, другіе взбирались на бугоръ свѣжей, глинистой земли, и передніе наклонялись, пристально глядѣли въ землю и иногда ложились ничкомъ и присматривались или прислушивались. Даже проходящій мимо полкъ мало привлекалъ вниманіе этой озабоченной толпы, которая явнымъ образомъ бездѣйствовала, но была чѣмъ-то сильно занята. Стоны, жалобы, вздохи, толки и совѣты сливались въ невнятный гулъ.

Многіе изъ офицеровъ, по участію и любопытству, успѣли мимоходомъ узнать, что тутъ случилось несчастье; но, докторъ, который понялъ это и безъ разспросовъ, освѣдомился пообстоятельнѣе, въ чемъ дѣло, и, догнавъ полкъ, ѣхалъ въ какомъ-то раздумьѣ, между тѣмъ какъ глаза его горѣли. Какъ только полкъ разведенъ былъ по квартирамъ, то многіе изъ офицеровъ поспѣшили на площадь и, вмѣшавшись въ толпу, протѣснились до самой ея средины. Народъ разступался, снимая шапки; сотскіе и десятскіе, съ посохами въ рукахъ, и еще два русскіе мужика, рѣзко отличавшіеся бородами своими и красными рубахами отъ остальной толпы, стояли здѣсь на самомъ краю темной и глубокой ямы, въ которую былъ опущенъ колодезный срубъ; съ отчаянными ужимками указывали они въ колодезь этотъ, который былъ еще въ работѣ, разсказывали со страхомъ что случилось, пожимали плечами и крести-

лись. Докторъ явился тутъ же, поставилъ одну ногу на край сруба и, облокотившись на колѣно, разспрашивалъ русскихъ работниковъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ этого случая, потомъ вдругъ сбросилъ съ себя сюртукъ, взялъ въ руки каганецъ — сальную плошку — сѣлъ на грязный облѣпленный мокрою глиною деревянный крестъ, который висѣлъ на веревкѣ надъ самымъ срубомъ — катокъ заскрипѣлъ и докторъ погрузился въ колодезь. Зрители сбились еще тѣснѣе въ кучу, такъ-что съ трудомъ можно было удержаться на ногахъ отъ напора; офицеры вынуждены были взяться за полицейскія распоряженія и потомъ, когда все стихло, въ какомъ-то ожиданіи, наклонившись надъ срубомъ, глядѣли туда и прислушивались. Изъ глубины двадцати саженъ раздавался какой-то невнятный говоръ, походившій болѣе на протяжный стонъ, а потомъ опять все умолкало. Наконецъ снизу тряхнули веревку, катокъ опять заскрипѣлъ и вскорѣ докторъ показался изъ-подъ земли, сидя на томъ же грязномъ крестѣ. «Иного средства нѣтъ, сказалъ онъ товарищамъ своимъ. Времени терять нельзя: каждая минута можетъ похоронить его за-живо.»

Читатели конечно уже догадались, въ чемъ тутъ было дѣло. Трое смоленскихъ мужиковъ взялись вырыть въ Сивомъ-Куту колодезь, который, какъ уже видѣли, былъ очень глубокъ, потому что въ южныхъ сухихъ степяхъ нашихъ вода дается не легко. Лѣсъ въ тѣхъ мѣстахъ очень дорогъ: понадѣявшись вѣроятно на вязкость глинистой толщи, копальщики мои, съ авосемъ и небосомъ на

умѣ и языкѣ, взяли на срубъ самыя плохія и можетъ быть дряблыя плахи; на глубинѣ двадцати саженъ, гдѣ вѣроятно уже показались ключи, внезапно съ одного боку случился обвалъ земли, который проломилъ натискомъ своимъ нѣсколько вѣнцовъ, вогналъ бревешки концами въ пустоту колодезя и зажалъ одну ногу несчастнаго работника который въ это время наливалъ черпакомъ опущенную туда бадью. Высвободить ноги не было никакой возможности: сколько народу ни спускалось въ колодезь, сколько ни думали, ни гадали, а придумать было нечего. Всякій видѣлъ, что если только перерубить концы бревешекъ, упершихся въ противную стѣнку и зажавшихъ ногу работника, то затѣмъ неминуемо долженъ послѣдовать новый обвалъ; дорыться сверху до такой глубины во-время не было никакой возможности; а между тѣмъ несчастному, вопреки извѣстной пословицы, въ каждое мгновеніе грозило семь смертей: новый обвалъ могъ его окончательно засыпать; вода, которую теперь, по тѣснотѣ, невозможно было вычерпывать, постепенно прибывала и подтопляла его и по разсчету работниковъ должна была за ночь залить его вовсе; помертвѣніе ущемленной ноги и смерть отъ распространенія антонова огня, смерть голодная, — словомъ, всѣ роды смертей предстояли несчастному, а спасенія никакого. Самъ онъ, въ страшныхъ мукахъ отчаянья, конечно придумалъ лучшее, но некому было этого исполнить: онъ просилъ и молилъ, чтобы ему отрубили ногу... Вмѣсто того ему подали, по общему совѣщанію, топоръ, уговаривая перерубить, помолившись напередъ Богу, три

вѣнца сруба, которые ему зажали ногу; а между тѣмъ тотъ, кто подалъ ему топоръ, поспѣшилъ отъ видимой гибели подняться на вольный свѣтъ; но бѣднякъ находился въ такомъ положеніи, что не могъ даже достать рукой до роковыхъ бревенъ, и отъ страданій ослабѣлъ такъ, что у него впрочемъ и недостало бы силъ для дѣйствія топоромъ. Онъ нѣсколько разъ намахивался топоромъ на ногу свою, но наконецъ въ отчаянномъ изнеможеніи бросилъ его въ глубину, разсудивъ, что въ одинъ ударъ не сможетъ перерубить ногу на-прочь и только ранитъ себя безъ всякой пользы. Бѣднякъ сидѣлъ, ровно въ капканѣ, обреченный медленной и мучительной смерти, когда карасубазарцы наши веселыми пѣснями своими огласили Сивый-Кутъ изъ конца въ конецъ. Никто не думалъ тогда, чтобы веселые клики эти, безъ сомнѣнія огласившіе также слухъ подземнаго заключенника, были предвѣстниками скораго его избавленія.

Костоправъ былъ уже тутъ, въ ожиданіи приказанія доктора, и принесъ все, что было велѣно: полковой ящикъ, лекарскій наборъ, губку, повязки и пару свѣчей. Взявъ съ собою только самые необходимые два или три инструмента, докторъ съ костоправомъ сѣли, благословясь, на крестъ, и исчезли. Минутъ десять длилось всеобщее молчаніе, при томительномъ ожиданіи и страхѣ. Вся толпа стояла безъ шапокъ, и многіе, едва переводя духъ, едва двигая рукою, крестились. Офицеры легли надъ срубомъ и не спускали глазъ съ отдаленнаго огонька. Кто-то изъ нихъ сказалъ, что опасается одного: докторъ нѣсколько

сомнѣвался въ успѣхѣ, то есть въ возможности сдѣлать операцію, по непомѣрной тѣснотѣ; вдавленные вѣнцы загромоздили и безъ того узкій срубъ, а ногу прижало такимъ образомъ, что едва-ли можно будетъ обнести вокругъ нея руку съ ножемъ. Все это было пересказано шопотомъ, хотя не было никакой причины не говорить вслухъ: никто не отвѣчалъ, одинъ слегка пожалъ плечами, а другой вынулъ часы и, уставивъ на нихъ глаза, наблюдалъ движеніе стрѣлки и мысленно считалъ секунды. Изъ глубины колодца, откуда прежде по временамъ раздавался стонъ, теперь, напротивъ, во все это время не было слышно ни одного вздоха.

Наконецъ тряхнули веревку — толпа закачалась на ногахъ и всѣ молча взглянули другъ на друга, а потомъ уставили глаза неподвижно на жерло колодца. Протяжно заскрипѣлъ катокъ, и смышленые два мужика, покрикивая другъ на друга вполголоса: «тише, мотри тише!» налегли на воротъ. Многіе изъ толпы бросились было на помощь, но ихъ отогнали. Не скоро конечно веревка безъ малаго въ двадцать саженъ навьется на жердь, и всего-то въ ляшку толщины,— потому-что толще этого лѣсу негдѣ было взять здѣсь, — но на этотъ разъ зрителямъ казалось, что у веревки этой вовсе нѣтъ конца. Офицеры, въ недоумѣніи и нетерпѣніи, поглядывали на воротъ, то на катокъ, то въ черную хлябь колодца; огонекъ не приближался, потому-что оставленъ былъ въ глубинѣ съ костоправомъ, но вдругъ показался изъ колодца всѣмъ знакомый узелъ, гдѣ захлеснутъ былъ махровый конецъ веревки, и вслѣдъ затѣмъ

крестъ, на которомъ сидѣли два человѣка, оба въ крови; но одинъ обнялъ и держалъ другаго; обхвативъ также и веревку и растопыривъ ноги во всю ширину сруба, онъ управлялъ ими и удерживалъ экипажъ свой въ возможномъ равновѣсіи. Одинъ изъ людей этихъ былъ докторъ, другой же — несчастный работникъ, у котораго нога была отнята выше колѣна и на скорую руку наложена повязка. Онъ смотрѣлъ еще глазами, когда вышелъ на вольный свѣтъ, но у него тутъ же захватило духъ, онъ поблѣднѣлъ какъ полотно, покачнулся, такъ-что докторъ его съ трудомъ удержалъ, и глаза его закатились. Люди подскочили на помощь и подняли его осторожно съ сидѣнья. Громкое, единодушное ура, которое, конечно, не было напередъ протвержено, встрѣтило страдальца и его спасителя. Наперерывъ одинъ передъ другимъ, мужики просили положить безногаго къ нимъ въ избу, а бабы хватали офицеровъ за полы, добиваясь той же чести почти съ земными поклонами. На доктора сыпались благословенія со всѣхъ сторонъ. Больнаго положили на крестьянскую свитку, и офицеры унесли его съ торжествомъ въ ближайшую хату.

Теперь только наконецъ кто-то спохватился бѣднаго костоправа, о которомъ было и думать позабыли и который зѣвалъ, какъ говорятъ у насъ, то есть, кричалъ во всю глотку въ темномъ острогѣ своемъ, но кричалъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ: изъ глубины колодца раздаются отчаянныя завыванія, а между тѣмъ никто и ухомъ не ведетъ: не до того было. Итакъ, подняли и забытаго костоправа, котораго любимымъ разсказомъ впослѣдствіи оста-

лось навсегда, какъ его позабыли было въ колодцѣ, гдѣ обвалъ угрожалъ ему съ минуты на минуту вѣрною смертью, и какъ страхъ овладѣлъ уже бѣднякомъ до того, что онъ горько плакалъ и почиталъ себя заживо погребеннымъ.

Мужикъ выздоровѣлъ и пошелъ съ одною ногою своею въ пильщики, честно заработывая хлѣбъ свой и не скучая день-за-день отшучиваться отъ вопроса товарищей, для чего онъ не идетъ въ верхніе пильщики, то есть никогда не становится на бревно, а берется всегда только за нижній конецъ пилы? Отвѣтъ его на это былъ обыкновенно: — а вишь, подпорка въ лещедкѣ засѣла, — и дружный хохотъ встрѣчалъ эту знакóмую остроту, которая впрочемъ не менѣе того черезъ полчаса вызывалась снова, опять тѣмъ же замысловатымъ вопросомъ.

XXVII.

ЕВРЕИ И ЦЫГАНЕ.

Еврей, попавшій по торговымъ дѣламъ въ Лондонъ, жаловался на непомѣрную дороговизну тамошнюю и сказалъ, между прочимъ, что, прохворавъ одну только недѣлю, заплатилъ врачу, цырульнику и аптекарю пятьдесятъ червонныхъ. — Такъ скажи слава Богу, что ты заболѣлъ въ Лондонѣ, — замѣтилъ другоіі еврей: — въ Варшавѣ ты бы на эти деньги провалялся круглый годъ!

Искусный цырульникъ вырвалъ жиду зубъ и требовалъ за это полтинникъ. — Оіі, ой, — сказалъ тотъ, собираясь уторговать что-нибудь: — прошлаго года одинъ очень хорошій зубной лекарь вырвалъ мнѣ зубъ, да не такой, чтобы сразу, а таскалъ, таскалъ меня по всей комнатѣ изъ угла въ уголъ, со стуломъ, со всѣмъ, да и то взялъ съ меня четвертакъ; за что же я дамъ тебѣ полтинникъ, когда твоя работа была совсѣмъ легкая?

Лекарь велѣлъ больному еврею принять лекарства, взя-

таго для дешевизны въ травяной лавочкѣ, одинъ золотникъ, или вѣсомъ на одинъ червонецъ. На бѣду у жида червонца не случилось, а потому онъ взялъ, по курсу, на одинъ червонецъ серебра и мѣди и по этому отвѣсилъ пріемъ. О послѣдствіяхъ можно догадываться.

На задахъ еврейской бани стоялъ домишко, въ которомъ жилъ пресердитый нѣмецъ, сапожникъ. Онъ не разъ уже выходилъ изъ себя отъ справедливаго негодованія, когда бывало какой-нибудь отчаянно-храбрый жидокъ, въ подражаніе русскимъ крестьянамъ, выскочитъ распарившись изъ бани и для потѣхи начинаетъ валяться по снѣгу, подъ самыми окнами разобиженнаго этимъ сапожника, — человѣка впрочемъ почтеннаго и къ тому еще семейнаго. Ни брань, ни угрозы, ни жалобы, не унимали охотниковъ до холодной бани послѣ горячей, и нѣмецъ, выведенный изъ терпѣнія, рѣшился на крайнюю мѣру: онъ объявилъ, что будетъ стрѣлять по первому наглецу и безстыднику, который станетъ валяться у него подъ окнами, и въ острастку зарядилъ пистолетъ холостымъ зарядомъ и клюквой. Не уваживъ угрозы, одинъ изъ главныхъ зачинщиковъ и коноводовъ соблазнительнаго для сапожника обычая выскочилъ изъ бани и повалился на снѣжокъ. Нѣмецъ схватилъ пистолетъ и, растворивъ форточку, пустилъ въ него весь зарядъ. Жидъ заревѣлъ не своимъ голосомъ, и на вопросы сбѣжавшихся изъ бани земляковъ кричалъ одно, что онъ убитъ, убитъ пулей изъ большаго ружья, чуть не изъ пушки, и что пуля засѣла вотъ здѣсь, гдѣ все облито кровью, то есть клюквой. Въ толпѣ жидовъ тотчасъ же

нашелся опытный цырульникъ, который, набѣжавъ сгоряча и спѣша подать помощь, ухватилъ въ кулакъ кожу, на томъ мѣстѣ, гдѣ была мнимая кровь, натянулъ складку и распоролъ ее бритвой вершка на два, чтобъ вынуть пулю. Изъ всего этого вышла такая суматоха, что до конца вѣка никто не могъ распутать, что тутъ сдѣлалось, кто былъ правъ, а кто виноватъ.

Еврея, который шелъ по крайне нужному, то-есть денежному или торговому дѣлу черезъ лѣсъ, застигла ночь Думать было нечего, надо идти впередъ; но страхъ усиливался съ минуты на минуту, темнѣло все болѣе и болѣе, небо заволакивало тучами, а еврей былъ увѣренъ, что лѣсъ весь набитъ биткомъ разбойниками. Смотритъ,—одинъ стоитъ передъ нимъ, вышелъ сбоку на дорогу, и стоитъ, даже видно, что у него дубинка на плечахъ.... Не долго думавъ, еврей рѣшается прибѣгнуть къ хитрости. «Слушай,—сказалъ онъ: — не тронь меня, я тебя не боюсь — видишь, насъ двое,» а самъ снялъ съ головы мохнатую шапку, надѣлъ ее на кулакъ и приподнялъ вровень съ головой.... Разбойникъ молчитъ, ни слова, и не шелохнется, молчитъ да стоитъ. Еврей повторилъ нѣсколько разъ угрозу свою, но видя, что она не беретъ, снялъ потихоньку и ермолку съ головы, наткнулъ ее на другой кулакъ, приподнялъ и сталъ увѣрять разбойника, что теперь и вовсе его не боится, потому что теперь стоитъ передъ нимъ самъ-третей: — «видишь,— повторялъ онъ:—ну, видишь, говори же, зачѣмъ ты молчишь, — видишь, что насъ трехъ? Ну, зачѣмъ же ты молчишь? Когда боишься, то пойди прочь,

дай намъ пройти.... Но все это не повело ни къ чему; разбойникъ молчалъ упорно и стоялъ на одномъ мѣстѣ, а жидъ самъ-третей передъ нимъ; наконецъ стало свѣтать; и жидъ, у котораго колѣни уже дрожали дрожалками и зубъ не попадалъ на зубъ, вдругъ прищурился, поглядѣлъ, перевелъ духъ, надѣлъ ермолку и шапку, плюнулъ и пошелъ: передъ нимъ стоялъ пень или, лучше сказать, онъ простоялъ всю ночь передъ нимъ и съ нимъ разговаривалъ и стращалъ его шапкой и ермолкой.

Часовой, изъ жидовъ, стоявшій у артиллерійскаго парка, покинулъ на время честь и мѣсто и пошелъ грѣться. При допросѣ впослѣдствіи онъ отвѣчалъ преспокойно и даже божился въ оправданіе свое, что никто не можетъ унести пушку, что онъ самъ пробовалъ это и нашелъ рѣшительно невозможнымъ. Когда оправданіе это не было принято, то онъ утѣшалъ себя впослѣдствіи, когда стаивалъ на часахъ, тѣмъ, что онъ зимой стужу стережетъ, а лѣтомъ зной.

— А что, — спросилъ кто-то проѣзжаго еврея-оптика, который предлагалъ разныя услуги, и между прочимъ говорилъ, что съ нимъ есть также лудильщикъ и золотыхъ дѣлъ мастеръ: — а что, братъ, нѣтъ ли съ вами такого часоваго мастера, чтобы умѣлъ воротникъ подцвѣтить?— Есть, — отвѣчалъ еврей, и выкрасилъ, худо ли, хорошо ли, воротникъ.

Еврей-корчмарь съ большимъ настояніемъ предлагалъ проѣзжему взять у него чего-нибудь съѣстнаго или питейнаго. — «Выпилъ бы я стаканъ пива», — сказалъ тотъ: — «да я не стану пить чернаго пива вашего; есть ли у васъ

бѣлое?» — «Есть», отвѣчалъ тотъ проворно: — самое лучшее полубѣлое есть».... — «Полубѣлаго не хочу, коли нѣтъ бѣлаго, то не нужно.» — «Есть, есть и бѣлое, самое лучшее»; — пошелъ и принесъ. Проѣзжій налилъ стаканъ, посмотрѣлъ на жида, поднялъ стаканъ противъ свѣта и спросилъ его строгимъ голосомъ: — «что это, бѣлое пиво?» Еврей отвѣчалъ спокойно, пожимая плечами: — «красное».

У другаго проѣзжаго, по западному краю, вышелъ дорогою табакъ, на который онъ былъ также причудливъ, какъ тотъ на пиво, и не курилъ никакого табаку, кромѣ жуковскаго. «Есть», отвѣчалъ факторъ положительно, не смотря ни на какія сомнѣнія проѣзжаго, который зналъ доселѣ по опыту, что въ томъ краѣ, особенно въ маленькихъ городишкахъ, жуковскаго табаку нѣтъ. Но еврей вскорѣ воротился и принесъ картузъ, который былъ уже распечатанъ и часть обертки заворочена; а между тѣмъ половина герба, сколько то есть было его видно, казалось, принадлежала фабрикѣ Жукова. Знатокъ, истощенный недостаткомъ табаку, поспѣшилъ набить трубку и затянулся сгоряча.... — «Что это»? сказалъ онъ, и, схвативъ картузъ, отвернулъ обертку и прочиталъ подпись какого-то Семенова или Степанова. «Что это значитъ», вскричалъ онъ на фактора: — «развѣ это Жукова?» — «Жукова», отвѣчалъ еврей съ непостижимою наглостію: — «это все равно, потому что это самый любимый его прикащикъ: вы не знаете? Онъ его держитъ за сына....»

Цыганъ, подсмотрѣвшій, гдѣ у еврея въ лавкѣ лежитъ

выручка, подстерегъ такое время, когда тотъ былъ одинъ, да и по близости лишнихъ людей не случилось. Еврей этотъ торговалъ всякой всячиной, и всего было у него по немногу. Цыганъ отвѣдалъ пальцемъ патоки, за что разумѣется еврей его выбранилъ, но тотъ, смиряясь передъ хозяиномъ, отсчитываетъ ему деньги и проситъ отмѣрить двѣ кварты. Товаръ готовъ; но гдѣ жь у цыгана посуда? Онъ снимаетъ съ себя шляпу и говоритъ: «лей сюда!» Еврей было разсмѣялся и поусумнился, но цыганъ повторилъ: «лей, чего боишься? вѣдь деньги заплачены!» Только что жидъ налилъ полную шляпу патоки и отвернулся за ложкой, чтобы выскрести мѣрку, какъ цыганъ съ размаху нахлобучилъ на него шляпу съ патокой по самыя мочки ушей, а самъ кинулся на выручку и пустился съ нею бѣгомъ изъ лавки.

Жиду и цыгану случилось ѣхать верхомъ по одному пути. Оба они были довольны, что нашелся попутчикъ, разговорились и подружились. Цыганъ предложилъ еврею поберечь лошадей и для этого ѣхать имъ обоимъ вмѣстѣ, черезъ день, то на одной, то на другой; покуда одна подъ ними устанетъ, такъ другая отдохнетъ. Еврей согласился, и очередь началась, разумѣется, съ его же клячи. Цыганъ сѣлъ впереди, жида посадилъ на забедры, а самъ сталъ понемногу подвигаться назадъ. Жидъ долго примащивался, крѣпился и держался какъ могъ, наконецъ пощупалъ позадь себя рукой, когда ужь почувствовалъ, что сталъ съѣзжать, и поймавъ вплоть за спиной своей хвостъ лошади, оглянулся и въ испугѣ закричалъ: «товарищъ, гляди, кобыла вся!»

Проѣхавъ день этотъ кой-какъ, жидъ нашелъ однако же такую ѣзду невыгодною для себя, а потому на другой день, когда очередь дошла до цыганской клячи, онъ поневолѣ отъ нея отказался, противу чего товарищъ его и не спорилъ, сказавъ: «это кто какъ любитъ; пожалуй, поѣдемъ одиночкой.»

Попутчикамъ досталось ночевать въ полѣ, чтобы не платить за постой да за кормъ. «Лошадей надо стеречь», сказалъ цыганъ: — «а то не равно уведутъ, либо волки съѣдятъ; постереги ты одну ночь; я отдохну, а на ту ночь, я буду стеречь.» — «Ладно.» Жидъ простоялъ на часахъ до самаго свѣта и только подходилъ иногда къ цыгану, услышавъ издали храпъ его, посмотрѣть на него да позавидовать, какъ онъ сладко спитъ. Пора ѣхать; жидъ похвалился исправностію своею, божился, что не смыкалъ глаза и былъ очень доволенъ, когда цыганъ, тароватый въ такомъ случаѣ на похвалу, подтвердилъ, что жидъ точно мастеръ этого дѣла и пасъ коней хорошо. На слѣдующую ночь еврей готовился отдохнуть и, стреноживъ лошадь свою, пустилъ ее, а самъ сталъ примащиваться. Но къ удивленію своему онъ видитъ, что цыганъ мостится тутъ же, подлѣ. «Что жь ты», вскричалъ онъ: — «развѣ забылъ?» — «А что?» — «Какъ что? теперь твоя очередь пасти коней!» — «Да вѣдь у меня вороная лошадь», отвѣчалъ цыганъ: — «а ночь темна, такъ ее никто не увидитъ; у тебя бѣлая, такъ ты и береги свою.»

Еврей Ааронъ Гейманъ крестился, но настаивалъ при этомъ, чтобы его называли не иначе, какъ Александромъ,

либо Алексѣемъ Григорьевымъ. Всѣ убѣжденія, что-де отчество надо придать тебѣ по крестному отцу и проч., не помогали, и еврей настоялъ на своемъ. Оказалось, что у него была старая печать, съ буквами А. Г., и что онъ желалъ сберечь ее и впредь для употребленія.

Жиденокъ, сидя на печи, долго пищалъ: «мама, ѣсть хочу.» Еврейка моталась взадъ и впередъ, не обращая вниманія на пискъ этотъ, но наконецъ обратилась къ ребенку съ увѣщеваніемъ, чтобы онъ подождалъ; когда-де придетъ шабашъ, то есть суббота — то будетъ всего много; тогда будетъ юшка (супъ); будутъ лапшердаки (лапша), кугли (печенье) и проч. — Пришелъ и шабашъ; дѣтямъ роздали съ утра завтракъ съ присмачкой, то есть съ головкой чесноку. Одинъ изъ нихъ съѣлъ присмачку эту и, сидя съ ломтемъ хлѣба, пропищалъ плачевнымъ напѣвомъ, разъ двадцать сряду: «мамке, присмечке....» Наконецъ выведенная изъ терпѣнія жидовка обратилась къ неугомонному ребенку, топнула, закричала цыцъ и прибавила: «развѣ я Радзивилъ, что я буду тебѣ давать по десяти присмачекъ на утро?»

Цыганъ пріѣхалъ въ деревню на парѣ и, по обычаю цыганскому, тотчасъ же пустился на мѣну. Промѣнявъ одну лошадь и взявъ, разумѣется, придачи, онъ уѣхалъ. Вслѣдъ за тѣмъ наѣхали два жида, въ погоню за цыганомъ: одинъ изъ нихъ коритъ и стращаетъ другаго, который во всемъ винится и проситъ пощады; дѣло въ томъ, что одинъ изъ жидовъ этихъ будто бы также вымѣнялъ у цыгана лошадь, которая оказалась краденою и принадлежащею другому ев-

рею. Покупщикъ и самъ не радъ барышамъ своимъ и проситъ земляка своего только объ одномъ: — «Богъ съ тобою, возьми и лошадь, только отпусти меня, не вводи въ такое дѣло, гдѣ можно пропасть совсѣмъ.» Глядя на это, крестьянинъ, который также вымѣнялъ у цыгана лошадь, крѣпко испугался и не зналъ какъ быть, тѣмъ болѣе, что у еврея, по разсказамъ его, украли пару лошадей. Прочіе крестьяне, изъ участія къ своему брату, не утерпѣли, чтобы не спросить еврея о масти и примѣтахъ другой лошади, и вскорѣ убѣдились, что не ошибаются въ своемъ опасеніи. Но еврей, который очень хорошо зналъ, у кого во дворѣ цыганская кляча, ждалъ только случая, чтобы придраться къ чему-нибудь, а потому и придрался къ этому разспросу, пошелъ къ управляющему и требовалъ, чтобы отдали лошадь его, за которою-де онъ и поѣхалъ въ погоню. Разобравъ дѣло и разсудивъ, что при такихъ обстоятельствахъ, при видимыхъ уликахъ, связываться съ жидомъ вовсе невыгодно, управляющій приказалъ тотчасъ же отдать лошадь. Пошли: бѣдный крестьянинъ выходилъ изъ себя, проклиная и жида и цыгана, но дѣлать нечего — вывелъ лошадь. Жаль ему однако же разставаться съ нею, особенно безъ могарычей, которыхъ жидъ не даетъ.—«Такъ отдай же мнѣ, по крайности, пятиалтынный мой», — сказалъ онъ: — «за прокормъ, за мѣру овса? — И этого не даетъ жидъ. — «Ну, такъ пойдемъ опять къ управляющему», сказалъ мужикъ рѣшительно, махнувъ рукой:—«что будетъ, то будетъ».—Пришли: управляющій закричалъ было на мужика, но этотъ такъ удачно умѣлъ представить все сомнительное и подозрительное въ

происшествіи этомъ, что управляющій призадумался. Богъ его знаетъ, кто онъ таковъ, еврей этотъ, откуда онъ и чѣмъ промышляетъ: ни записки не принесъ съ собою отъ городничаго или другаго начальства, ни свидѣтелей нѣтъ, кромѣ жида, такого жь мошенника, какъ онъ самъ... Управляющій сталъ разспрашивать еврея, усомнился и велѣлъ ему обождать въ конторѣ, а товарища послалъ въ городъ со старостой для справокъ. Еврей поневолѣ согласился, но потомъ хотѣлъ бѣжать; тоже попытался сдѣлать дорогою и товарищъ его; но ихъ поймали обоихъ, и оказалось, что они давно уже разъѣзжаютъ съ цыганомъ по тремъ губерніямъ, промышляя очень выгоднымъ ремесломъ: тотъ ѣдетъ впередъ, мѣняетъ и продаетъ лошадей, а они ѣдутъ за нимъ и отбираютъ ихъ.

Жиды и цыгане, наводнявшіе югъ и западъ Россіи, и безпрерывно сталкиваясь на этомъ пространствѣ, никогда не могли быть другъ ко другу равнодушны, а между ними всегда смѣнялась вражда итѣсная дружба, любовь и ненависть. Всякаго жида можно раздражить похвалою цыгану, всякаго цыгана можно утѣшить забавными разсказами о жидахъ. Живучи постоянно на счетъ другихъ, племена эти смотрятъ всегда съ завистію другъ на друга, какъ-будто опасаясь, что мошенничество одного отобьетъ наконецъ довѣренность къ другому, что опытъ надоумитъ легковѣрныхъ и скоро некого будетъ надувать. Кажется, что опасеніе это неосновательно. И цыганъ и жидъ, довольствуются малымъ, обыкновенно не знаютъ наканунѣ, что будутъ ѣсть завтра, то есть кому придется кормить ихъ; но сколько дней у

Бога, столько и дураковъ. Зато еврей не рѣдко богатѣетъ, потому что онъ предпріимчивъ, пройдошливъ, предпріятія и обороты его дѣлаются шире, по мѣрѣ средствъ; цыганъ на всегда осужденъ, по нашимъ понятіямъ, къ нищенству, хотя онъ и считаетъ себя богатымъ, когда у него заведутся новые сапоги. Цыганъ никогда не посягаетъ далѣе, какъ на насущное; жидъ любитъ просторъ и довольство и, достигнувъ этого, не рѣдко бываетъ тароватъ. У жида есть убѣжденія, онъ бываетъ упоренъ и непомѣрно стоекъ, выноситъ много, если дѣло коснется этого предмета; цыганъ бываетъ гораздо мягче, отстаивать себя не любитъ, и соглашается на все, лишь бы ему было что поѣсть завтра: далѣе онъ не разсчитываетъ. У обоихъ нѣтъ своего отечества, оба живутъ тамъ, гдѣ живутъ другіе люди, потому что живутъ на счетъ ихъ, но у цыгана есть сильная привязанность къ родному краю, онъ въ кочевой жизни своей часто въ него возвращается и радуется этому; еврей этого чувства, повидимому, не знаетъ вовсе, по крайней мѣрѣ, оно вполнѣ заглушается корыстью: у еврея отчизна тамъ, гдѣ онъ привился и прижился. Наконецъ, еврей — фанатикъ въ вѣрѣ своей, а у цыгана ея нѣтъ вовсе; одинъ живетъ въ грядущемъ, считаетъ себя избранникомъ Божіимъ, чаетъ достигнуть современемъ, по миновaніи искуса, всего того, чего у него нынѣ нѣтъ, даже обѣтованной отчизны, — и надежда, увѣренность эта живетъ въ немъ если не для себя, то для потомства своего; другой, напротивъ, не получивъ по преданію никакой вѣры, никакого утѣшенія и обѣтовъ для будущности, живетъ всегда только сегодня и готовитъ,

со стоическимъ равнодушіемъ и беззаботностію, потомству своему, о которомъ мало думаетъ, ту же участь. У цыгана всякому преобразованію и улучшенію положенія его противится плоть, у еврея—духъ; у перваго въ дѣлѣ этомъ принимаютъ, кромѣ плоти, нравъ и обычай нѣкоторое участіе, у втораго, — болѣе всего, свойства уметвенныя: тамъ сердце, здѣсь голова.

КОНЕЦЪ ПЯТАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

I. Разсватъ 1
II. Выемка 9
III. Крестьянка. 21
IV. Ваша воля, наша доля 39
V. Вдовецъ 46
VI. Ворожея 54
VII. Промышленникъ. 68
VIII. Савраска 91
IX. Иванъ непомнящій 98
X. Генеральша. 113
XI. Прадѣдовскія вѣтлы. 130
XII. Женихъ 151
XIII. Дышло. 168
XIV. Памятка. 177
XV. Медвѣди. 182
XVI. Охота на волковъ 189
XVII. Пчелиный рой. 212
XVIII. Полукаменный домъ 222
XIX. Колдунья 235
XX. Говоръ 248

стр.
XXI. Смотрины и рукобитье 253
XXII. Русакъ 272
XXIII. Родство и служба 283
XXIV. Лимоны, сапогъ и солдатская шапка 291
XXV. Греки 299
XXVI. Нога 308
XXVII. Евреи и цыгане 318


3 9015 02718 3782